

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ПОЛИТИКА США
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ
РЕГИОНЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Москва
2014

ББК 66.4 (0)'6
П 503

Серия:

«Социально-экономические проблемы стран Запада»

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Отдел Западной Европы и Америки

Редколлегия:

М.В. Братерский – д-р полит. наук (отв. ред.),
А.К. Субботин – д-р экон. наук,
К.Б. Роуз, Ю.В. Щербинина (ред.-сост.)

Политика США в Азиатско-Тихоокеанском ре-
П 503 **гионе:** Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-
информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап.
Европы и Америки; Отв. ред. Братерский М.В., Ред.-
сост. Роуз К.Б., Щербинина Ю.В. – М., 2014. – Вып. 1. –
193 с. – (Сер.: Социально-экономические проблемы
стран Запада).

ISBN 978-5-248-00723-3

В сборнике рассматриваются основные направления американской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В условиях смещения центра мирового экономического развития в АТР особое значение приобретают политические, экономические и социальные характеристики стран «тихоокеанского кольца», вопросы их взаимодействия с Соединенными Штатами. Первый выпуск посвящен проблемам взаимоотношений США и КНР, а также участию ведущих государств Восточной Азии и Латинской Америки в региональных процессах.

Для научных работников, специалистов в сфере мировой экономики и мировой политики, преподавателей, аспирантов и студентов.

ББК 66.4 (0)'6

ISBN 978-5-248-00723-3

© ИНИОН РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
М.В. Братерский, Д.В. Суслов. Возвращение США на Тихий океан	8
Л.М. Григорьев, В.П. Кульпина. Перспективы Китая как драйвера мировой экономики и региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе	45
С.В. Михневич. Эволюция архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии: Роль КНР и США	70
В.Е. Петровский. Трехсторонний диалог «Китай – США – Россия» в контексте «сетевой дипломатии» в АТР	102
К.Б. Роуз. Некоторые аспекты дипломатической, политической и экономической конкуренции КНР и Республики Китай в странах Океании	122
Д.В. Разумовский. Латинская Америка в Азиатско-Тихоокеанском регионе	138
Ю.В. Щербинина. Три вектора сотрудничества Японии и США	172
Сведения об авторах	190

ОТ РЕДАКЦИИ

Осенью 2011 г. после публикации ряда заявлений администрации президента США Б. Обамы и осуществления решительных шагов по увеличению роли Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) американское руководство открыто объявило о первостепенном значении региона для США. Перемещение внешнеполитических приоритетов в Восточную и Юго-Восточную Азию во многом было обусловлено тем, что в течение предыдущего десятилетия республиканская администрация Дж. Буша глубоко погрязла в ближневосточных делах, а именно в войне с терроризмом в Афганистане и Ираке, которая вызвала масштабный общественный резонанс внутри Соединенных Штатов, выразившийся в снижении популярности Республиканской партии и неудовлетворительных электоральных результатах.

Первое десятилетие XXI в. стало периодом феноменальных экономических успехов стран – экспортеров нефти. Бахрейн, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия демонстрировали беспрецедентные темпы экономического развития, и Соединенные Штаты делали ставку на более тесное взаимодействие со своими ближневосточными союзниками: во-первых, такая расстановка приоритетов совпадала с общим направлением войны против террора, а во-вторых, еще свежа была память об иракском вторжении в Кувейт, и на фоне подъема непредсказуемых местных авторитарных режимов и тоталитарных террористических сект присутствие США на Ближнем Востоке становилось жизненно необходимым для осуществления прогресса в регионе.

Однако глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. продемонстрировал крайне высокую степень ненадежности экономических моделей, основанных на экспорте энергоресурсов, и на авансцену мирового рынка вышли экономики Азиатско-Тихоокеанского региона, показавшие, ко всеобщему удивлению, наиболее

уверенные темпы посткризисного восстановления. Такие страны, как Австралия¹, КНР, Индонезия и Республика Корея, и вовсе не испытали рецессии в годы глобального кризиса (2). Поэтому экономические интересы Соединенных Штатов (в числе которых – увеличение занятости, ускорение роста промышленного производства и поддержание глобального финансового лидерства) диктовали необходимость как минимум обратить внимание на происходящие в АТР процессы.

Смещение акцента в Азиатско-Тихоокеанский регион не было направлено лишь на восстановление значения и влияния Соединенных Штатов в АТР. Это была, скорее, «перебалансировка» акцентов и приоритетов, поскольку сложная архитектура взаимодействия США со странами региона сформировалась достаточно давно. США, для которых АТР входит в сферу насущных государственных интересов, на сегодняшний день глубоко вовлечены в региональные дела – в военной, экономической и дипломатической областях. Многоуровневая система взаимоотношений Соединенных Штатов со странами АТР строилась на протяжении длительного периода. Гражданская война в Китае, Корейская война, череда Индокитайских войн и ряд кризисов в Юго-Восточной Азии оказались своеобразными «острыми углами» в этом процессе, и по мере того, как Белый дом, Пентагон, Государственный департамент, Министерство торговли, Центральное разведывательное управление и многочисленные рядовые граждане США пытались их обогнуть, у них появились собственные различные и порой противоречивые цели и приоритеты в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В определенной степени «новая американская политика» в АТР также может считаться ответом на отмечаемое многими экспертами усиление КНР. «Перебалансировка» роли Соединенных Штатов в регионе служит средством предоставления новых гарантий союзникам и друзьям США в АТР, а также знаком того, что США не истощены десятилетием войны с террором, не ослаблены экономическими и политическими проблемами внутри страны и что они как минимум не уstraняются от азиатско-тихоокеанских дел.

В числе фундаментальных целей «новой политики» США – расширение сфер сотрудничества со странами и институтами региона, укрепление отношений с союзниками и партнерами и выра-

---

¹ В настоящий момент Австралия является самой экономически успешной из развитых стран (1).

ботка норм и правил в соответствии с положениями политэкономического порядка, поддерживаемого Соединенными Штатами в мире.

Стоит отметить, что Пекин посредством официальных СМИ уже обрушился с яростной критикой новой американской политики в АТР (3). В связи с этим, как полагает старший научный сотрудник Центра Восток – Запад в Гонолулу, Гавайи, Дэнни Рой, Соединенным Штатам и КНР не следует стремиться к достижению взаимного доверия, а вместо этого сосредоточиться на взаимном контроле (4). По мнению автора, «государствам стоит сконцентрироваться на управлении неизбежными стратегическими столкновениями посредством достижения соглашений, приносящих пользу обеим сторонам на основании взаимно приемлемых уступок» (4).

Большинство стран Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии публично или в частном порядке приветствовали укрепление позиций США в АТР. К таким странам относятся, например, Филиппины, Япония, Республика Корея и Сингапур. Однако некоторые региональные державы стремятся избежать трудностей выбора между США и КНР – подобную позицию занимают, например, Индонезия, Таиланд и Малайзия, руководства которых избегают выражать поддержку США или КНР. Австралия и Новая Зеландия приветствовали внедрение новой политики США – при наличии важных экономических связей с КНР. Индия, Вьетнам и Мьянма уже предприняли ряд шагов по улучшению отношений с Соединенными Штатами. Многие страны рассматривают «перебалансировку» роли США в регионе как мощный стратегический ход в рамках классической концепции «баланса сил» и согласно этой же концепции склонны «примыкать к сильнейшему».

В целом страны АТР благосклонно восприняли новую политику США в регионе, и сотрудничество, по-видимому, будет плодотворным как для США, так и для многочисленных государств АТР, открытых к новым инициативам.

Таким образом, «перебалансировка» роли Соединенных Штатов Америки в Азиатско-Тихоокеанском регионе является краеугольным камнем нового этапа глобального развития. Вызывая колоссальный интерес представителей ученого сообщества, указанная тематика занимает сегодня центральное положение в пестрой мозаике научных исследований. Своеобразной попыткой осмыслить происходящие в АТР процессы является настоящее издание, в котором представлены наиболее актуальные аспекты региональной системы международных отношений.

Коллектив авторов надеется, что материалы сборника послужат практическим пособием для многих исследователей и положат начало новым интересным дискуссиям.

Список литературы

1. Australia wealthiest nation in the world: Report // 9 News Finance. – 2011. – 20 October. – Mode of access: <http://finance.ninemsn.com.au/newsbusiness/8362821/australia-wealthiest-nation-in-world-report> (Дата обращения – 01.03.2014.)
2. Quarterly national accounts: Quarterly growth rates of real GDP, change over previous quarter // OECD. Stat Extras: Complete databases available via OECD's iLibrary. – 2013. – Mode of access: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryName=350&QueryType=View&Lang=en> (Дата обращения – 01.03.2014.)
3. Ratner E. Rebalancing to Asia with an insecure China // The Washington Quarterly. – 2013. – Vol. 36, Issue 2. – P. 21–38. – Mode of access: https://csis.org/files/publication/TWQ_13Spring_Ratner.pdf (Дата обращения – 01.03.2014.)
4. Roy D. U.S. – China relations: Stop striving for «trust» // The Diplomat. – 2013. – 7 June. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2013/06/u-s-china-relations-stop-striving-for-trust/> (Дата обращения – 01.03.2014.)

К. Роуз, Ю. Щербинина

М.В. Братерский, Д.В. Суслов
ВОЗВРАЩЕНИЕ США НА ТИХИЙ ОКЕАН¹

Аннотация. «Поворот» политики Соединенных Штатов к Азиатско-Тихоокеанскому региону рассматривается авторами как долгосрочный стратегический тренд во внешнеполитическом поведении США. Такой поворот вызван как приоритетными возможностями и угрозами, генерируемыми регионом для Соединенных Штатов, так и необходимостью сделать выбор по причине невозможности поддерживать высокий уровень вовлеченности во всех регионах мира. По мнению авторов, такой поворот американской политики представляет уникальный исторический шанс и для России, так как ввиду ряда важных обстоятельств американо-российские отношения, основанные на приоритетах АТР, могут освободиться от груза противоречий, свойственных отношениям двух стран, строившимся вокруг атлантической проблематики.

Abstract. The «turnaround» of the US policy toward Asia-Pacific is seen by the authors as the long-term strategic trend in the United States' overseas behavior. Such a turnaround is caused by the Asian-Pacific-generated opportunities and threats to the US, as well as the necessity of choice, caused by the impossibility of keeping the highest level of engagement in each and every region of the world. As the authors point out, such a turnaround in the US foreign policy creates a unique historical chance for Russia as well, as given a variety of specific circumstances the US-Russian relations based on the Asian-Pacific priorities could be unburdened of the load of immanent contradictions in the relations built around the Atlantic issues.

---

¹ Данная статья подготовлена при поддержке гранта НИУ ВШЭ НУГ 14-05-0042 «Анализ влияния структурных проблем отношений США с Россией, Китаем, Индией и Бразилией на развитие глобального управления».

Ключевые слова: США, АТР, американская стратегия, политика «разворота к Азии».

Keywords: the US, Asia-Pacific, the American strategy, the «turn toward Asia» policy.

Осенью 2011 г. устами своего госсекретаря Х. Клинтон Соединенные Штаты провозгласили новый стратегический императив – возвращение на Тихий океан. В статье, опубликованной во влиятельнейшем «Foreign Policy Magazine», Х. Клинтон писала, что после десятилетия войн на Ближнем Востоке и в Афганистане Америка должна сделать новый выбор с тем, чтобы наиболее эффективно использовать свои усилия и свою энергию и в следующее десятилетие сконцентрироваться на дипломатических, экономических, стратегических и прочих инвестициях в Азиатско-Тихоокеанский регион (1).

Чуть позже, во время визита в Таиланд в ноябре 2012 г., избранный во второй раз президентом Соединенных Штатов Б. Обама подчеркнул, что его выбор Таиланда и Азии для своего первого визита не случаен, так как «США есть и будут тихоокеанской нацией. Будучи самым быстрорастущим регионом мира, Азиатско-Тихоокеанский регион определит контуры безопасности и процветания на век вперед». Поэтому, по словам Б. Обамы, восстановление американской вовлеченности в регион является главным приоритетом его президентства (6).

Еще до исторической речи Обамы в Бангкоке в ноябре 2012 г. Белый дом опубликовал новую Стратегию национальной безопасности США 2010 г. (5), которая предусматривает существенные изменения в американской глобальной стратегии безопасности. Так, в стратегии было заявлено, что «...наряду с тем, что американские вооруженные силы будут продолжать содействовать глобальной безопасности, будет необходимо изменить общий баланс в пользу американского присутствия в Азии и на Тихом океане». Вскоре после этого министр обороны США Л. Панетта заявил о постепенном переводе 60% американского флота в Азию. В качестве символического шага США разместили в австралийском городе Дарвин 2,5 тыс. морских пехотинцев (2).

Таким образом, 2011–2012 гг. стали годами «поворота» или «возвращения» Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанский регион (Х. Клинтон охарактеризовала эту политику как «опора» на Азию, Обама – как «перебалансирование» в Азию).

Что легло в основу этой стратегии, каковы ее цели и в каких стратегических условиях она начинает реализовываться?

«Возвращение» США на Тихий океан в контексте глобальной американской стратегии

Провозглашенная в 2011 г. стратегия «поворота» или «фокусирования» США на АТР стала важнейшим компонентом «большой стратегии» администрации Б. Обамы по восстановлению и укреплению американского лидерства в многополярном мире, адаптации США к новым «постгегемонистским» условиям второго десятилетия XXI в.

Адаптация политики США к новым условиям проходит с большими трудностями. Внешнеполитическая элита США медленно и болезненно сознает тот факт, что «момент однополярности» с Соединенными Штатами в центре мировой системы оказался очень недолгим и эпоха неоспоримого первенства и единоличного лидерства проходит, причем эта трансформация носит весьма мучительный характер. У Америки, исторически «перепрыгнувшей» из изоляционизма в гегемонизм, из неучастия в чужих балансах сил и чужих «концертах» к управлению америкоцентричным миропорядком, нет опыта сотрудничества и совместного с другими державами управления многополярным миром, нет опыта равноправных отношений с другими центрами силы в рамках совместной работы по поддержанию многополярного международного порядка. Казавшиеся еще вчера неопровержимыми представления о том, как развивается мир, и основанные на них научные школы о международных отношениях и американской внешней политике оказываются ошибочными или дают серьезные сбои. США с большими трудностями нащупывают приемлемый для себя и не вызывающий резкого отторжения большинства других стран *modus operandi*, а потому их внешняя политика в обозримой перспективе обречена на изменения. Соединенным Штатам придется пробовать на практике применимость все новых идей, и неуспешные инструменты восстановления лидерства будут заменяться новыми, от многих из которых в дальнейшем снова придется отказываться в пользу третьих. Тем более что и мир преподносит все новые сюрпризы, на которые никто не знает, как реагировать (например, «арабская весна»), что заставляет США корректировать свою стратегию на ходу.

На фоне этих неизбежных колебаний американской внешней политики «поворот к АТР» будет оставаться наиболее стабильным направлением внешнеполитической стратегии США, которое будет занимать в ней привилегированное место в течение многих лет

и десятилетий за пределами срока работы администрации Обамы. Следует также заметить, что и фундаментальные причины поворота Соединенных Штатов к Азии начали проявляться задолго до начала деятельности президента Обамы и его администрации. Вашингтон давно понимал, что именно АТР является тем регионом, где сосредоточены одновременно основные вызовы и возможности для Америки и от развития которого напрямую зависят будущее США, их безопасность и экономическое процветание. До недавнего времени руки Соединенных Штатов были связаны инерцией политики предыдущих администраций, их ресурсы были полностью задействованы на Ближнем Востоке и в Афганистане. Сегодня, когда США начинают высвобождать эти ресурсы, они возвращаются на Тихий океан – регион, где исторически зародились их военная мощь и экономическое процветание.

Нынешняя «азиатская стратегия» Соединенных Штатов уже достаточно давно вызревала в недрах американской внешнеполитической элиты, а ее элементы формулировались еще предшественниками Б. Обамы на президентском посту. Предварительными шагами к принятию нынешней глобальной «азиатской стратегии» стали запущенные в середине 2000-х годов администрацией Буша инициативы о передислокации глобального военного и дипломатического присутствия США, предполагавшие понижение численности американских военных контингентов и штатов дипломатических представительств в Европе и их «переброску» в страны Азии и Большого Ближнего Востока. Уже тогда говорилось о том, что именно американское присутствие в АТР будет носить для страны стратегический характер, и данный регион по степени важности ставился республиканской администрацией на уровень Ближнего Востока – несмотря на то, что в последнем США вели тогда две тяжелые войны, и именно модернизация и демократизация Большого Ближнего Востока рассматривалась влиятельными тогда неоконсерваторами как ключ к обеспечению безопасности США и закреплению их глобальной гегемонии на длительный срок.

Именно в ключе подготовки почвы для принятия будущей «азиатской стратегии» нужно рассматривать один из важнейших позитивных внешнеполитических итогов президентства Буша, сближение США с Индией – второй по численности населения страной мира, обладающей ядерным оружием и широким авторитетом среди развивающихся стран, третьей после Китая и Японии державой Азии по совокупной мощи. Снятие с Индии санкций, введенных еще администрацией Б. Клинтона за проведение ею

ядерных испытаний в 1998 г., и выстраивание с ней тесного взаимодействия в сфере атомной энергетики, налаживание крупномасштабной торговли вооружениями и военной техникой, запуск комплексного стратегического диалога, охватывающего многие вопросы региональной и международной безопасности, – все это стало основой, на которой в будущем администрация Обамы приступила к качественному усилению американских позиций в регионе, укреплению старых союзных и партнерских отношений и установлению новых. Индия стала первым после окончания «холодной войны» первостепенным стратегическим партнером Америки в регионе. Дели, конечно, не стали союзником США (для Индии положение подчиненного союзника неприемлемо), но Индия заняла по отношению к Соединенным Штатам позицию дружественно-нейтральной державы, интересы которой во многом совпадают с американскими.

Политика «ребалансирования» США в сторону АТР, несмотря на ее, казалось бы, региональное выражение, имеет немаловажный глобальный аспект и свидетельствует о фундаментальной трансформации стратегии Америки. Суть этой трансформации состоит в том, что политика США по поддержанию глобального лидерства становится все более региональной. «Балансируя» в пользу АТР, США дают понять, что их присутствие в ряде других регионов мира, его характер и объем американских обязательств будут меняться. Происходит, пускай и неявный, отказ США от попыток борьбы за глобальную гегемонию. В качестве опоры глобального лидерства провозглашаются региональное доминирование (точнее, два фокуса доминирования – в АТР и в Евро-Атлантическом регионе) и развитие трудного и противоречивого взаимодействия с Китаем.

В течение двух десятилетий после провозглашения «победы» США в «холодной войне» и наступления эпохи однополярности Вашингтон пытался играть роль глобального шерифа. Весь мир был провозглашен сферой важных или жизненно важных американских интересов, и Америка претендовала на то, чтобы определять повестку дня не только на глобальном, но и на региональных уровнях. Уже ко второму президентскому сроку Б. Клинтона американская внешняя политика носила интервенционистский, односторонний, мессианский и вождистский характер.

При Буше-мл., изначально критиковавшем клинтоновское «распыление», глобальная вовлеченность США приобрела еще больший масштаб. События 11 сентября 2001 г. убедили неокон-

сервативное крыло республиканской администрации, что в условиях транснациональных угроз Америка может обрести безопасность лишь тогда, когда весь мир придет к демократии, и режимы, «враждебные свободе», перестанут существовать. Соответственно, Соединенным Штатам было необходимо быть готовыми бороться с угрозами и упреждать их в любой точке земного шара, а также распространять демократию – опять-таки повсеместно.

Однако итоги внешней политики администрации Буша стали для позиций Америки в мире катастрофическими, и уже к концу 2000-х годов у США налицо были признаки имперского перенапряжения. Совокупность глубочайшего со времен Великой депрессии экономического кризиса, провальных результатов многолетних и изнуряющих войн в Ираке и Афганистане, испорченных отношений с союзниками и резкого роста антиамериканизма в мире убедила новую администрацию Б. Обамы в необходимости коренного пересмотра внешнеполитической стратегии страны. Существенной части внешнеполитической элиты стало ясно, что внешняя политика «на широкую ногу» для США стала обременительной и малоэффективной.

Опубликованная в 2010 г. Стратегия национальной безопасности Б. Обамы содержит четкую смену фокуса с внешнего мира на состояние и развитие самих США. Впервые решение внутренних проблем Соединенных Штатов стало официально рассматриваться как главный фактор успеха их внешнеполитической стратегии.

Дискуссии о том, что Америке стоит отказаться от глобальной вовлеченности и перейти к более избирательному участию в международной жизни, стали вестись с 2011 г. – вначале на неофициальном уровне. В 2011 г. Вашингтонский центр Вудро Вильсона опубликовал доклад «Национальный стратегический нарратив», авторы которого, представившиеся под символическим псевдонимом «Mr. Y», указывали на то, что Америке пришло время фундаментально переосмыслить свою стратегию. По их мнению, США необходимо уменьшить географию своего присутствия в мире, особенно военного, отказаться от попыток решать все мировые проблемы и более четко выстраивать иерархию своих интересов, отделяя действительно важные цели от второстепенных.

Данный подход вскоре проявился в практической политике администрации. В 2011 г. главным индикатором изменений стал подход США к кризису в Ливии. Администрация Обамы раскололась на тех, кто настаивал на военном вмешательстве, и тех, кто выступал против. Причем к противникам военного вовлечения

США в ливийские дела относился весь военно-политический блок администрации: тогдашний министр обороны Р. Гейтс, начальник Комитета начальников штабов М. Маллен и советник президента по национальной безопасности Т. Донилон. Их аргументация заключалась в том, что Ливия не входит в круг жизненно важных национальных интересов США, а потому их участие в новой войне в мусульманском мире является излишним распылением сил, к тому же чреватым многими негативными последствиями. И хотя в том споре группировка интервенционистов во главе с госсекретарем Х. Клинтон и послом США в ООН (а теперь советником по национальной безопасности) С. Райс взяла верх, администрация сформировала четкие и отличные от прежних критерии участия США в ливийской операции. Они включали в себя отказ от наземной операции, оккупации страны и длительного государственного строительства после смены режима, передачу при первой возможности основного бремени решения возникающих проблем союзникам, а также легитимность и даже легальность операции. Сирийский кризис, где США, несмотря на всю их активность в течение 2012–2013 гг., так и не решились на воздушно-ракетные удары и заранее исключили возможность наземной операции, также подтверждает тенденцию к отказу от широкого интервенционизма.

Наконец, самым весомым фактором и индикатором «сжатия» глобального присутствия США стал начавшийся в 2011–2012 гг. процесс устойчивого сокращения американских военных расходов. Такое сокращение рассматривается как важнейшая составляющая выхода США из бюджетного кризиса, сокращения бюджетного дефицита и в целом финансового оздоровления Америки. Военный бюджет США на 2012 г. был меньше предыдущего на 43 млрд долл., бюджет на 2013 г. меньше бюджета на 2012 г. на 30 млрд долл. В реальности из-за так называемого «фискального разрыва» он стал еще меньше. Это неминуемо скажется на географии и масштабе американского присутствия за рубежом.

Доктринальное закрепление постепенного «сжатия» американского глобального присутствия и вовлеченности, а также уменьшение численности вооруженных сил США получили документальное оформление в январе 2012 г. в виде важнейшего программного документа «Стратегическое руководство к оборонной политике» (Strategic defense guidance). Главный тезис документа состоит в том, что в условиях дефицита финансовых средств США следует пересматривать свои обязательства по поддержанию безопасности и порядка в тех или иных регионах мира, концентриро-

ваться на главном, передавая при этом ответственность за второстепенные направления региональным игрокам. Например, от идеи передового базирования переходить к политике содействия усиления военных потенциалов союзников, а также наращивать способности США по проецированию силы. Документ также создавал доктринальные предпосылки для численного сокращения вооруженных сил США: прежде всего, он официально устранил давний ориентир американского военного строительства – быть готовыми вести две крупные региональные войны неядерными средствами одновременно.

Наконец, в преддверии президентских выборов 2012 г. в США прошла еще одна волна «больших дебатов» о том, какой должна быть их глобальная стратегия в новых условиях. Дискуссии были сфокусированы на конкретном вопросе: стоит ли Америке сокращать свое глобальное присутствие, отступить или же стоит по-прежнему пытаться нести ответственность за «мир и порядок во всем мире»? В ходе дискуссий громче прозвучала первая точка зрения. Примечательно, что эти дискуссии шли одновременно с обсуждением идеи «поворота» в АТР. Активизация тихоокеанского направления как бы дополняет более широкую реформу глобальной стратегии Америки и становится неотъемлемой частью общего процесса пересмотра США своей глобальной роли, глобальных обязательств и глобального присутствия в условиях перераспределения сил в мире, «имперского перенапряжения» военных сил США и финансово-экономических трудностей.

Как видно, «поворот в Азию» является обратной стороной процесса сжатия глобального присутствия. На другой его стороне – сокращение численности и географии военного присутствия США в мире и уменьшение их обязательств по поддержанию безопасности в некоторых регионах. Не случайно программная статья Х. Клинтон «Тихоокеанский век Америки» начиналась с того, что десятилетие «излишней» концентрации США на Ближнем Востоке надо положить конец. Разумеется, начавшаяся затем «арабская весна» скорректировала эти планы, но стратегически они остаются неизменны.

Содержательно «поворот в АТР» также тесно и гармонично вплетен в ткань общей коррекции внешней и оборонной политики США. Документ «Стратегическое руководство к оборонной политике» от 2012 г. однозначно свидетельствует о том, что именно АТР стал главным региональным приоритетом американской оборонной политики, а главным игроком, на военное развитие которого США

ориентируются в своей военной политике и военном планировании, является уже не Россия, а Китай. Подъем Азии (прежде всего Китая) и связанные с этим вопросы безопасности называются в документе вторым главным вызовом безопасности для США после международного терроризма, и уже с первых строк в документе говорится о необходимости для США «изменить баланс своего глобального военного присутствия в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона». При этом главным вызовом со стороны «поднимающейся Азии» называется военно-политическое усиление КНР.

Одним из высших приоритетов военной политики США (на третьем месте после борьбы с терроризмом и отражением агрессии) названо обеспечение способности проецировать силу, несмотря на проведение рядом стран политики, нацеленной на лишение США доступа в те или иные регионы, ограничение их способности проецировать силу. При этом открыто заявляется, что речь идет о таких странах, как Китай и Иран.

Изменения приоритетов финансирования тех или иных родов войск, привнесенные администрацией Обамы, также содержательно подогнаны под «поворот» в Азию. Сокращение финансирования сухопутных сил, контингентов по борьбе с повстанческими нерегулярными вооруженными формированиями (по сути – по ведению гражданских войн) и связанных с ними типов вооружений сопровождается наращиванием финансирования всего того, что призвано обеспечить США возможность проецировать силу, наносить точечные военные удары с позиций подавляющего технического превосходства без проведения масштабных наземных интервенций. То есть успешно бороться с попытками Китая ограничить доступ США к жизненно важным для него региональным пространствам. Увеличивается и финансирование программы ПРО США, главным региональным театром которой является именно АТР, а не Европа. Именно в Тихом океане Вашингтон намерен разместить большинство противоракетных кораблей и установок, в то время как планы по созданию европейской ПРО были сокращены в 2013 г.

Стратегические цели американской политики возвращения на Тихий океан

Политика «поворота к АТР» носит долгосрочный характер, так как полностью соответствует магистральным тенденциям развития международных отношений последних полутора десятилетий, связанных с динамичным экономическим ростом азиатских

стран и, как следствие, наращиванием ими военных, дипломатических ресурсов и даже «мягкой» силы: перемещением силы из Атлантики в Тихоокеанский регион, его превращением в главный центр роста мировой экономики и главную арену мировой политики XXI в. Средние темпы роста экономик региона составят более 7% в 2013 г., и предположительно в 2014 г. Восточная Азия продолжит оставаться экономическим локомотивом мировой экономики, генерируя около 40% мирового ВВП (3). С другой стороны, АТР вышел на первое место в плане расходов на оборону, к 2021 г. военные расходы КНР, Индии, Индонезии и других стран региона вырастут на 35% по сравнению с нынешним уровнем и достигнут 501 млрд долл. (США предположительно в это время будут тратить лишь 472 млрд долл.) (7)

Таким образом, АТР продолжит оставаться регионом наибольших экономических возможностей, с одной стороны, и регионом растущей гонки вооружений и потенциальным источником конфликтов и угроз – с другой.

Соответственно, облик данного региона, характер экономических и политических отношений между его ключевыми игроками будут в значительной степени определять международный порядок в мире в целом, а активное участие той или иной страны в тихоокеанских процессах (или ее исключенность из них) станет важным критерием того, занимает ли эта страна центральное положение в международной системе или же находится на периферии мировой политики и мировой экономики.

Понимание того, что именно в АТР сосредоточены как наибольшие возможности для Америки, так и самые масштабные риски для Соединенных Штатов, начало кристаллизоваться в американском внешнеполитическом и деловом истеблишменте с начала 2000-х годов. Среди многочисленных соображений, подтолкнувших Соединенные Штаты к «акценту» на Азию, следует выделить в качестве основных три фактора.

1. АТР является регионом, где находится и развивается наиболее серьезный геополитический соперник США (КНР).

2. АТР является регионом, где наиболее высока вероятность возникновения межгосударственных и внутригосударственных конфликтов.

3. АТР предоставляет наибольшие возможности для торговли и инвестиций Соединенных Штатов, дает им шанс на устойчивый и долгосрочный экономический рост и сохранение своих лидирующих позиций в мировой экономике и финансовой системе.

Взгляд из Вашингтона на перспективы взаимодействия с Китаем

Американцы хорошо понимают, что в Восточной Азии появился наиболее вероятный соперник США в борьбе за глобальное первенство, игрок, который будет стремиться потеснить геополитические позиции Америки в Восточной Азии и выстроить такую политико-экономическую конфигурацию региона, при которой США оказались бы на его периферии. Китай, без сомнения, будет стремиться сделать АТР «своим» регионом. Соединенные Штаты, разумеется, видят ситуацию по-другому.

Наиболее оптимальным для Вашингтона решением проблемы, предлагаемым, в частности, либерально-интернационалистским подходом к международным отношениям, является интеграция потенциального соперника в ориентированный на Америку международный экономический и в идеале политический порядок. То есть задачей азиатской политики США станет обеспечение такой ситуации, при которой Китай играл бы по благоприятным для США правилам, а как цель-максимум – сам разделял бы интерес в поддержании подобных правил и всячески бы их упрочил. Таким образом, утверждают апологеты данного подхода (Дж. Айкенберри, Зб. Бжезинский и др.), экономический рост Китая не сопровождался бы усилением его внешнеполитического экспансионизма и был бы благоприятен для США и управляемого ими международного экономического и политического порядка. Действительно, дальнейшее экономическое процветание КНР во многом зависит от стабильности его торгово-экономических отношений с другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии, а также с США, что, в свою очередь, заставляет ее хотя бы отчасти играть по выгодным для Америки правилам в сфере экономики.

В политической же сфере экономическая взаимозависимость Китая и США хотя и ослабляет их геополитическое соперничество, но полностью демпфировать его не может. Китайская внешняя и военная политика в регионе демонстрирует усиление наступательности и ведет к углублению геополитического соперничества КНР с США. Соответственно, в американской внешней и оборонной политике все больше внимания уделяется военно-политическому и геополитическому сдерживанию Китая. В 2012 г. Вашингтон официально признал, что отныне именно КНР и ее военная стратегия является главным детерминантом развития оборонной политики США (9). Именно в АТР Вашингтон намерен создать

главную составляющую своей системы противоракетной обороны. Большинство американских противоракетных кораблей «Иджис» базируются и будут базироваться именно в Тихом океане, а отнюдь не в акватории Атлантики, как опасаются некоторые российские военные эксперты. На западном же побережье США (а не на восточном и не вокруг Вашингтона) развернута единственная на сегодняшний день система стратегической ПРО США.

Другие угрозы в АТР

Наиболее серьезные военные угрозы для национальной безопасности США – за исключением исламистского терроризма – также концентрируются в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К ним следует отнести кибертерроризм и кибершпионаж (Китай, в меньшей степени – Россия), гонку ядерных вооружений и распространение ядерного оружия (Китай, Индия, Пакистан, Северная Корея, потенциально Япония), эскалацию военных конфликтов с участием американских союзников и, наконец, усиление общего военного противостояния и гонки вооружений.

В отличие от Евроатлантики Тихоокеанский регион чрезвычайно фрагментирован политически и полон межгосударственных противоречий, конфликтов и споров. В отношениях между большинством стран и ведущих центров силы преобладает недоверие. Общее взаимное недоверие и всеобщий приоритет национального суверенитета над идеями регионального сотрудничества пока исключают появление в регионе сильной организации в области безопасности по типу НАТО.

Среди стран региона есть несколько претендентов на лидерство – но в каждом случае претензии на лидерство омрачены некими серьезными обстоятельствами. Многие страны региона недолюбливают Японию за страдания, которые она принесла большинству народов Восточной и Юго-Восточной Азии в 20–40-е годы XX в., и опасаются ее возможной ремилитаризации. Также большинство стран региона побаиваются резкого усиления Китая (хотя и получают значительные экономические дивиденды от экономических отношений с ним), дальнейшего наращивания его военных мускулов и более наступательной политики в отношении соседних стран. Попытки КНР восстановить в Восточной и Юго-Восточной Азии давнюю историческую норму в виде экономической и политической гегемонии Поднебесной, естественно, толкают соседей по региону к упрочению отношений с США. Третий геополитический гигант региона – Ин-

дия – также остается в положении стратегической изоляции, не имеет союзников, но зато имеет давнего врага в лице Пакистана и стратегического соперника в лице КНР. Объединенная Корея могла бы стать четвертым по значимости геополитическим игроком Восточной Азии, но это пока практически неосуществимо и, в случае такого развития событий, вряд ли укрепило бы стабильность в регионе. Единая Корея сразу вступила бы в острое соперничество и с Китаем, и с Японией, и именно поэтому обе эти страны противятся объединению Корейского полуострова.

Среди наиболее вероятных региональных конфликтов, которые могут напрямую повлиять на безопасность США вплоть до их втягивания в эти конфликты в случае их эскалации, следует выделить тайваньский, корейский и индо-пакистанский. Кроме того, у многих стран региона, включая самых влиятельных, имеются территориальные споры с соседями. У Китая не решены пограничные вопросы с Японией (архипелаг Сенкаку или Дяоюйдао в Восточно-Китайском море), с Филиппинами и Вьетнамом (обострившиеся в начале нынешнего десятилетия споры за принадлежность групп островов Южно-Китайского моря – Парасельские острова, острова Спратли и риф Скарборо), Индией (вокруг Кашмира и Тибета) и рядом стран Центральной Азии. У Японии пограничные споры имеются, кроме Китая, с Россией (Южно-Курильские острова) и Южной Кореей (остров Токто или Такэсима). Наконец, Индия имеет пограничный конфликт с Пакистаном и неурегулированный до конца спор с Китаем.

Территориальные конфликты в регионе являются взрывоопасными сами по себе, но, кроме того, некоторые из них в случае эскалации могут существенно дестабилизировать мировую экономику, в частности перекрыть или частично заблокировать главные торгово-экономические артерии мира. В непосредственной близости от спорных островов Южно-Китайского моря находится соединяющий Тихий и Индийский океаны Малаккский пролив, через который перевозится большая часть грузов, включая нефть, между Восточной и Юго-Восточной Азией и Европой, регионом Персидского залива и Южной Азией. Также под угрозой могут оказаться проливы, через которые идут товаропотоки между Восточной Азией и Северной и Южной Америкой.

Соединенные Штаты, имеющие союзнические или партнерские отношения с большинством стран Восточной и Юго-Восточной Азии, также зависят от торгово-экономических отношений с ними. Американская экономика неразрывно интегрирована

на в мировую, а понимание торговли как важнейшего инструмента экономического роста и обеспечения мира является центральным для американского мировоззрения. США всегда продвигали принципы свободы судоходства в глобальном масштабе как важнейшую экономическую и политическую ценность, и они жизненно заинтересованы в предотвращении данных конфликтов, беспрепятственном функционировании главных торгово-экономических артерий и урегулировании территориальных споров на компромиссных условиях, но так, чтобы подобное урегулирование не стало шагом в направлении к политической гегемонии КНР в регионе. Вероятность военного столкновения США с другой великой державой в регионе крайне мала, но если такая возможность и существует, то она тоже находится в Восточной Азии и связана с маловероятным, но все же гипотетически возможным сценарием применения КНР военной силы для установления контроля над Тайванем или с эскалацией территориальных споров между Китаем и малыми государствами Юго-Восточной Азии.

Экономические интересы США в АТР

Соединенные Штаты теснейшим образом связаны с Тихоокеанским регионом экономически. На страны Восточной и Юго-Восточной Азии приходится более трети всего товарооборота США, и объем их торговли товарами со странами Азии существенно превышает объемы торговли с Европой (особенно в части импорта) (10). О торговле услугами этого пока сказать нельзя, в этом секторе Европа по-прежнему остается основным торговым партнером США (10). Восточная Азия прочно удерживает 2-е место среди главных торговых партнеров Америки после региона НАФТА. Китай, Япония и Южная Корея занимают в иерархии крупнейших торгово-экономических партнеров США соответственно 2-е, 4-е и 7-е места. При этом на 1-м и 3-м местах находятся партнеры США по НАФТА Канада и Мексика (8).

Следует также заметить, что по мере ослабления зависимости США от ближневосточной нефти, а также либерализации торгового режима США со многими странами Восточной Азии как в двустороннем, так и в многостороннем порядке доля АТР в американской внешней торговле будет возрастать. Примером двусторонней либерализации торговли служит недавно вступившее в силу соглашение о свободной торговле США и Южной Кореи, многосторонние торговые режимы развиваются, в частности, в

рамках программы Транстихоокеанского партнерства. Нельзя исключать, что по мере развития «сланцевой революции» Соединенные Штаты станут заметным поставщиком энергоносителей на рынки стран Восточной Азии – как сегодня они уже являются важным поставщиком продукции сельского хозяйства.

Подобный масштаб экономической взаимозависимости США и стран Восточной Азии иногда интерпретируется как признак экономической уязвимости Америки. Китай уже опередил Канаду в ряду главных экспортеров на американский рынок (почти 19% импорта США приходится на Китай и только 14,3% на Канаду) (8), а вот по импорту американской продукции занимает только 3-е место после Канады и Мексики (7,1%). В результате торговый дефицит США с Китаем в разы превосходит аналогичные показатели со всеми другими странами мира. Это оборачивается проблемой внешнего долга США, главный иностранный держатель которого – именно Пекин.

Однако в еще большей степени подобное сращивание экономик США и азиатских стран является для Америки уникальной возможностью для стимулирования собственного экономического развития. Так, даже критикуемый многими рост импорта товаров из Китая позволил американцам наращивать объемы потребления и, соответственно, повышать качество жизни даже в условиях относительно невысоких для Америки темпов роста. Кроме того, импорт из Китая приносил колоссальные доходы американским корпорациям, так как во многом представлял собой ввоз в США товаров, произведенных американскими же компаниями в КНР с использованием китайской дешевой рабочей силы. В итоге Соединенные Штаты сохранили и развили свой внутренний рынок как основу американской экономики.

Еще большие возможности для американской экономики связаны с экспортом США на быстрорастущие рынки азиатских стран. Американскими торговыми экспертами давно замечено, что либерализация торгового режима с той или иной страной и тем более введение режима свободной торговли ведут к увеличению американского экспорта в эту страну. Именно по этой причине, а также в целях наиболее эффективного использования относительных преимуществ национальной экономики (закон Рикардо) установление и укрепление международного режима свободной торговли были и остаются одним из важнейших приоритетов американской внешней политики на протяжении вот уже почти века. Наиболее наглядной иллюстрацией этого правила служит успех проекта НАФТА: на

Канаду и Мексику, являющихся первым и вторым по величине крупнейшими рынками для американского экспорта, приходится треть всего экспорта США. В 2012 г. на страны, с которыми у США подписаны соглашения о свободной торговле, пришлось 46% всего американского экспорта. При этом за период 2009–2012 гг. экспорт США в эти страны увеличился на 54% (4).

Без сомнения, быстрорастущие экономики стран Восточной и Юго-Восточной Азии являются наиболее перспективными рынками для американских товаров и услуг. Эта перспектива выглядит особенно привлекательной с учетом развития внутренних рынков Китая, Индии, других азиатских стран и постепенным переходом их экономических моделей от «чистой» экспортной ориентации на более медленный, но стабильный рост с опорой на внутреннее потребление. То есть Америке важно не упустить момент и обеспечить себе прочные позиции на рынках азиатских стран, а также добиться того, чтобы азиатские рынки развивались и росли в условиях либерального торгово-экономического режима.

Привязав себя с помощью режима свободной торговли к азиатскому росту, Соединенные Штаты рассчитывают в разы увеличить свой экспорт и придать новый стимул своему экономическому развитию, обеспечить себе положение динамично растущей страны еще на несколько десятилетий вперед. Иными словами, экономическая сверхзадача США состоит в том, чтобы трансформировать вызов быстрого роста азиатских стран в собственное преимущество и в стимул для собственного развития. Такая политика, наиболее активная фаза реализации которой пришлось на период администрации Обамы, опирается на фундаментальную особенность американского мировосприятия, в соответствии с которой свободная торговля и конкуренция являются не угрозой, а возможностью. Основой такого видения мира выступает исторический либерализм американцев, который исходит из того, что именно мировой рынок, а не государства, способен обеспечить наиболее эффективное распределение ресурсов и, следовательно, построить наилучший из возможных миров. Либералы также уделяют особое внимание экономическим (торговым, финансовым) причинам конфликтов и войн и считают торгово-экономическое сотрудничество, открытую торговлю, прямые иностранные инвестиции и свободные финансовые рынки лучшим механизмом обеспечения мира.

Главные инструменты реализации такой политики – двусторонние режимы свободной торговли (из стран Восточной Азии и

АТР пока заключены с Австралией, Южной Кореей и Сингапуром) и ставшая в последние полтора-два года первоочередной инициативой США в АТР политика Транстихоокеанского партнерства (пока участниками, помимо США, являются Австралия, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Перу и Чили). Концепция ТТП предполагала, помимо либерализации торгового режима, также создать некоторые предпосылки для экономической интеграции (например, в области стандартизации). Причем проект ТТП, в который США рассчитывают включить и другие азиатские страны, в частности Японию и Южную Корею, впервые предполагает создание продвинутого режима экономического сотрудничества в АТР на общерегиональном уровне, консолидируя тем самым регион вокруг Соединенных Штатов и подчеркивая именно тихоокеанский, а не азиатский характер региональных экономических процессов.

В сфере борьбы различных интеграционных планов и идей именно ТПП является главным на сегодняшний день инструментом США по ослаблению альтернативных проектов развития экономического ландшафта региона, продвигаемых Китаем. Китайское видение региона подчеркивает его азиатскую природу и не предусматривает активное присутствие в нем Соединенных Штатов. Соединенные Штаты же нацелены на то, чтобы придать развитию региона именно тихоокеанский характер и, тем самым, пристегнуть себя к азиатскому росту, сделать свою экономику неотъемлемой составляющей главного центра экономического роста в мире. Как представляется, именно экономические соображения, открывающиеся возможности и перспективы стали главной основой для провозглашенной администрацией Обамы в 2011 г. стратегии «поворота» в сторону АТР.

Не вызывает сомнения, что будущее Америки, перспективы ее экономического развития, безопасности и внешнеполитического влияния неразрывно связаны с АТР, с позициями США в регионе и тем, какую экономическую и геополитическую конфигурацию ему сумеют придать Соединенные Штаты.

Акцент на АТР – содержание новой американской стратегии

Без сомнения, по-настоящему США из Азии и с Тихого океана никогда не уходили, и уже сегодня США занимают в системе безопасности и экономике Азии и АТР прочные позиции. Речь не идет об их «возвращении» в Азию и АТР, как преподносится некоторыми наблюдателями. Скорее, стоит говорить о неко-

тором изменении баланса региональных приоритетов внешней политики США, существенной интенсификации их уже имеющейся политики, о ее приведении в соответствие с новыми условиями развития региона и мира в целом.

Исторически вектор американской внешнеполитической экспансии был направлен именно в сторону Тихого, а не Атлантического океана. Важнейшим событием на этом пути стало «открытие» Японии для торговли американским командором Мэтью Перри в 1854 г. Первая большая подконтрольная территория США за пределами Нового Света также располагалась в Азии, а не в Европе – это были Филиппины, которые перешли под американский мандат по итогам испано-американской войны 1898 г. Фокусом активной империалистической политики США на рубеже XIX–XX вв. за пределами Латинской Америки также была именно Восточная и Юго-Восточная Азия (Филиппины, Китай). К началу Второй мировой войны США, по-прежнему не участвуя в европейской политике, уже являлись полноценной тихоокеанской великой державой, что и предопределило их соперничество с милитаристской Японией в 1940-е годы.

В годы «холодной войны» США выстроили в АТР разветвленную систему военных союзов, большинство из которых сохранились и были в последние годы обновлены и укреплены. Центральными для американской политики безопасности в регионе являются Американско-японский договор, американские военные союзы с Австралией, Филиппинами, Таиландом, Южной Кореей. Данная система союзов стала, по сути, единственной системой безопасности, имеющейся на сегодняшний день в АТР и охватывающей большую часть региона. Единственный неамериканский институт безопасности в большом регионе АТР – Шанхайская организация сотрудничества, но она ориентирована на регион Центральной Азии, а потому по определению не может стать альтернативой региональной архитектуре безопасности, основанной на системе американских союзов.

После окончания «холодной войны» данная система союзов не только была сохранена, но и стала расширяться. Учитывая большую фрагментированность политического ландшафта Восточной Азии и преобладание в отношениях большинства азиатских стран недоверия, серьезных попыток выйти из американоцентричного порядка безопасности в регионе не предпринималось. Появление же новых угроз и рисков региональной безопасности (Северная Корея, военное усиление Китая) вдохнуло в этот поря-

док новую жизнь, повысило заинтересованность стран региона в политическом и военно-политическом сближении с США. В результате система американских союзов и партнерств стала расширяться. К традиционным союзникам и партнерам США примкнул Вьетнам – наглядная иллюстрация того, что страх Ханоя перед усиливающейся мощью Поднебесной оказался сильнее, чем его обиды на США за Вьетнамскую войну. Стабильно развиваются военные связи между США и Индией. Как видно, большинство стран АТР уже являются союзниками или партнерами США и связывают с ними перспективы своей национальной безопасности и безопасности региона в целом.

Экономическое присутствие США в регионе не требует комментариев. Стоит отметить и центральную роль, играемую Вашингтоном в региональных структурах и институтах: именно США стоят у истоков ключевых региональных институтов и форумов. При этом даже если те или иные региональные многосторонние механизмы не были непосредственно основаны США, то Вашингтон тем не менее их быстро «оседлал» и стал – при поддержке союзников – главным игроком, определяющим повестку дня их работы. Примеры такой гибкости – АТЭС и Восточноазиатский саммит.

Одним из важнейших элементов присутствия США в АТР выступают их сложные, но первостепенные для обеих сторон отношения с Китаем. Сложилась уникальная для истории международных отношений ситуация: главные геополитические конкуренты одновременно являются ключевыми торгово-экономическими партнерами друг для друга, существующими в ситуации «классической» взаимозависимости, и все это происходит на фоне глобализации. США не могут ни полностью интегрировать Китай в свой экономический и тем более политический порядок, ни полностью перейти к политике сдерживания. Попытка такой трансформации нынешней политики нанесет по позициям США в регионе колоссальный удар. Подобный шаг не только подорвет лояльность к Вашингтону большинства его азиатских союзников, заинтересованных в балансировании и лавировании между США и Китаем, а не отгораживании от КНР, но и произведет в АТР гигантский геополитический разлом, чреватый разрушением всего нынешнего экономического и международно-политического порядка. Поддержание трудного стратегического диалога с КНР, постоянное балансирование и гибкое сочетание инструментов вовлечения и сдерживания – залог сохранения Америкой ведущих позиций в

Азии. В подобных обстоятельствах нет никаких сомнений в главной причине «поворота» Соединенных Штатов к Азиатско-Тихоокеанскому региону, и эта причина – Китай.

Новая стратегия Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как она была сформулирована и в политических, и в военных документах, включает в себя пять основных компонентов.

Во-первых, США решили начать играть более активную роль в региональных институтах – и предлагать региону новые институты, и последние два года активной американской дипломатии в регионе уже начали приносить свои первые плоды. Соединенные Штаты наконец со всей серьезностью подошли к выстраиванию отношений с АСЕАН и сумели повысить в ней свой авторитет. США присоединились к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и тем самым открыли для себя дорогу к участию в ВАС (Восточноазиатском саммите). Соединенные Штаты приложили серьезные усилия к тому, чтобы ревитализировать АТЭС, хотя и со скромными результатами, и, кроме того, США всерьез стали работать в Асеановском региональном форуме – структуре, нацеленной на поиск мирных многосторонних решений по морским проблемам в Восточном (Японском) и Южно-Китайском морях. Важным дополнением американской политики стало развитие многосторонних диалогов по борьбе с новыми вызовами и угрозами (пиратство, преодоление последствий природных и техногенных катастроф и несчастных случаев и т.д.)

Во-вторых, американская администрация утвердилась в понимании ведущей роли торговли в американской стратегии в Азии. После трехлетнего ожидания США ратифицировали Соглашение о свободной торговле с Южной Кореей от 2007 г. и начали продвигать идею Транстихоокеанского партнерства – многостороннего торгового соглашения с восемью государствами региона. Вначале идея ТПП выглядела несколько легковесной – охваченные переговорами страны генерировали лишь 5% мировой торговли. Позже, однако, с присоединением к процессу переговоров таких стран, как Канада, Мексика и Япония, идея начала набирать силу.

В-третьих, Соединенные Штаты решили укрепить существующие политические и военные союзы в регионе (Япония, Таиланд, Филиппины, Австралия, Республика Корея) и привлечь новых партнеров и союзников (Вьетнам). Оборонные усилия США в регионе сопровождаются укреплением в нем группировки американских ВМС и некоторым увеличением контингента морских пехотинцев и ВВС, хотя существенного наращивания американ-

ского военного потенциала в регионе пока не происходит. В отличие от других регионов дислокации (Ближний Восток, Европа) американские силы в регионе не подвергаются сокращениям, пополняются новой техникой и персоналом, снабжаются без ограничений. За последние годы на остров Гуам переведены на постоянное базирование три ударные подводные лодки, а в апреле 2013 г. заместитель министра обороны США Э. Картер заявил, что к 2015 г. США планируют размещение на базе в Гуаме четвертой подводной лодки.

Сегодня на Тихом океане находятся восемь из 14 стратегических подводных лодок США (класса Огайо) – они базируются в г. Бангор, штат Вашингтон), и 60% патрульных походов стратегические лодки США осуществляют в Тихом океане. 24 из 42 ударных лодок класса «Лос-Анджелес» базируются на базах в Сан-Диего, о. Гуам и в Гонолулу. На том же морском театре находятся все три лодки «Сивулф» и три из девяти лодок класса «Вирджиния». Решения о передислокации сил готовилось задолго. В ходе своего визита на Гуам еще в мае 2008 г. министр обороны США в первой администрации Б. Обамы назвал расширение базы на о. Гуам «наиболее масштабной передислокацией военных ресурсов за десятилетия, которые призваны обеспечить надежное военное присутствие в этой части мира. В то же время Р. Гейтс издал Четырехлетний анализ национальной обороны (Quadrennial defense review (QDR) в феврале 2010 г., где особое внимание уделялось необходимости реализации Американско-Японской дорожной карты, в результате чего, с одной стороны, должны были сняться проблемы, связанные в постоянной дислокацией американских сил на о. Окинава, а с другой – о. Гуам превратился бы в региональный хаб безопасности для всего АТР.

В-четвертых, Соединенные Штаты возобновили дипломатические усилия по поиску точек соприкосновения с региональными режимами-париями, прежде всего с Мьянмой (Бирмой) и Северной Кореей.

Пятым приоритетом политики США в АТР, как уже отмечалось выше, стало выстраивание сложных отношений сотрудничества и сдерживания с Китаем. США продолжили с Китаем развитие комплексного диалога по вопросам безопасности и военным вопросам, вместе с тем Китай и его военная политика окончательно стали главным детерминантом развития оборонной политики и военного планирования США в области вооруженных сил обычного назначения. В основу американской военной политики в АТР

легла задача дальнейшего развития возможности проецирования своей силы, с одной стороны, и преодоления китайской стратегии лишения доступа в регион, направленной в первую очередь на Соединенные Штаты, – с другой.

Перспективы реализации политики «разворота к Азии»

Насколько успешной окажется политика «поворота» США к АТР и к каким последствиям она приведет? Будет ли она претерпевать по мере реализации существенные изменения (например, отказ от политики «вовлечения» Китая и переход только к «сдерживанию») и если да, то какие? Пока об этом однозначно судить трудно. Можно лишь утверждать, что АТР надолго останется важнейшей составляющей американской внешнеполитической стратегии, и «уходить» из этого региона Вашингтон не станет. Тем не менее можно уже сейчас обозначить несколько факторов, которые будут оказывать наибольшее воздействие на перспективы этого направления политики США.

Во-первых, это поведение Китая и развитие его внешнеполитической стратегии по мере приобретения Пекином все больших силовых возможностей. Его поворот к более наступательной и даже агрессивной политике, жесткому давлению на соседей и «бряцание оружием», разумеется, будут толкать большинство его соседей в объятия США, усиливать позиции США в регионе и консолидировать их систему военно-политических союзов и партнерств. Во многом именно это уже происходит сегодня. Активизация китайской дипломатии по территориальным спорам в Южно-Китайском море с Филиппинами и Вьетнамом, а также с Японией по островам Сенкаку уже привела к еще большему сближению данных стран с США, и социалистический Вьетнам, еще несколько десятилетий назад подвергавшийся американским ковровым бомбардировкам, стал одним из близких партнеров Вашингтона, в том числе и в военной сфере. При этом вероятность того, что действия Пекина будут приобретать все большую жесткость и наступательность, велика. Серьезную озабоченность вызывают рост националистических настроений в Китае и более самоуверенный внешнеполитический курс нового китайского руководства во главе с Си Цзиньпином. Наглядной иллюстрацией является принятое в ноябре 2013 г. решение КНР провозгласить «зону ПВО» над спорными островами Сенкаку, тут же спровоцировавшее обострение в отношениях с Японией и США.

При этом ошибочно предполагать, что соседние с Китаем страны будут в этом случае полностью от него отворачиваться. Их экономические отношения с КНР были и будут оставаться одной из основ их экономического роста и процветания. Поэтому речь идет о гибкой и крайне запутанной балансировке, сочетании военно-политического соперничества с сохранением и даже наращиванием экономического усиления и взаимозависимости. Другое дело, что баланс между ними может начать смещаться – особенно в случае усиления торгово-экономических связей соседних с Китаем стран с США и американским континентом в целом, в том числе благодаря стратегии Транстихоокеанского партнерства.

Во-вторых, определяющим фактором будет способность США вернуть себе образ динамичной и с оптимизмом смотрящей в будущее страны, которая может решить свои внутренние проблемы и уверена в своем развитии, а также образ союзника, способного гарантировать выполнение своих внешнеполитических обязательств, в том числе по защите партнеров. Пока именно в Азии у США с этим больших проблем не возникало, и Вашингтон всякий раз встает на сторону союзников в их столкновении с Китаем по территориальным конфликтам или же дает понять, что не останется в стороне, если Северная Корея все же перейдет опасную черту и развяжет относительно интенсивный военный конфликт в регионе. В связи с этим уже сама по себе декларация того, что сокращения присутствия или обязательств США в АТР не будет (а это важнейшая составляющая стратегии «ребалансировки»), является важной слагаемой успеха. Свидетельств о том, что азиатские партнеры Вашингтона выражают серьезные сомнения в способности США их защитить в случае кризиса, пока не появляется. И все же многое здесь будет зависеть от образа и внутреннего развития самих США. Если они не сумеют преодолеть нынешнюю беспрецедентную партийно-политическую поляризацию между консерваторами и «прогрессистами» и кризисы по типу «финансового обрыва» и «закрытия правительства» станут регулярными и даже постоянными, доверие к США со стороны союзников будет падать, а их стремление снова изменить баланс в пользу отношений с Пекином – увеличиваться.

В-третьих, пожалуй, важнейшим фактором, определяющим перспективы азиатского «поворота» США, будут их отношения с главной страной региона, их одновременно и стратегическим соперником, и региональным геополитическим конкурентом, и жизненно важным экономическим партнером – Китаем. Здесь могут

быть две крайности: «интеграция» Китая в ориентированную на США сеть многостороннего сотрудничества в АТР, в американский региональный порядок; и переход США и Китая к откровенно конфронтационным отношениям, отказ США от политики «вовлечения» Китая и переход к «чистой» политике «сдерживания». Обе эти крайности очень маловероятны, по меньшей мере, в обозримой перспективе. Скорее всего, в среднесрочной перспективе будет сохраняться зыбкое статус-кво: экономическая, военно-политическая и дипломатическая консолидация большинства азиатских стран вокруг США при сохранении ими тесных отношений с Китаем, и сохранение комплексного диалога США – Китай и масштабов их торгово-экономических отношений при явном усилении геополитического соперничества. То есть со всех сторон будет осуществляться политика балансирования.

В конечном счете геополитический конфликт США и Китая, разумеется, неизбежен, так как их стратегии носят противоположный характер. Пекин стремится «вытолкнуть» США из Восточной Азии и объединить страны региона вокруг себя, по крайней мере экономически, а также обеспечить своим вооруженным силам доминирование хотя бы в пределах восточноазиатского островного пояса. США же, напротив, стремятся сдерживать китайское геополитическое влияние в его собственных границах и усиливают связку расположенных вокруг США азиатских стран с самими собой. Но обе стороны пытаются отложить переход этого столкновения в острую фазу на как можно более долгий срок, а потому проводят гибкую политику, знают и уважают четкие «красные линии», заходить за которые опасно.

На нынешнем этапе острое столкновение было бы неподъемным для обеих сторон, прежде всего, с экономической точки зрения, а также малоосуществимым из-за фактора ядерного сдерживания. Изменить это зыбкое и динамичное статус-кво могут или осознание Пекином, что он уже накопил достаточную экономическую и военную мощь, чтобы бросить Вашингтону открытый вызов, или резкое ослабление самих США. Ни то ни другое не является вероятным.

Наконец, четвертым фактором результативности новой азиатской стратегии США является эволюция поведения самих стран Восточной и Юго-Восточной Азии – нынешних и потенциальных участников ориентированного на США порядка. Поскольку все они в большей или меньшей степени проводят политику балансирования между Вашингтоном и Пекином, легкими пер-

спективы реализации даже намеченных уже инструментов американской политики назвать невозможно. К примеру, неприятным сюрпризом для США является небольшое (пока) число участников их ключевой экономической инициативы в АТР – программы Транстихоокеанского партнерства, и такие близкие партнеры США, как Южная Корея, Таиланд, Тайвань, Индонезия и др., в ней пока не участвуют. Причина – в нежелании «отгораживаться» от Китая и стремление совмещать торгово-экономические отношения с США с дальнейшим ростом экономических отношений с Китаем.

Таким образом, в ближайшие годы в регионе, скорее всего, будет сохраняться весьма зыбкая, динамичная, но при этом стабильная картина, без какого-либо существенного перекося в сторону как США, так и Китая. Но в этой динамической стабильности, отсутствии для США необходимости «выбирать» между «сдерживанием» и «вовлечением» Китая как раз и заключается залог успеха их новой тихоокеанской политики.

Последствия «поворота США на Восток» для России

Для России политика «балансирования» США в сторону АТР является одновременно и вызовом и возможностью. Ставки в этом вопросе исторически высоки. Проявив стратегическую мудрость, Москва может закрепить за собой положение независимого (как от Запада, так и от Китая) центра силы в мире в условиях перемещения силы в АТР, придать мощный стимул своему экономическому развитию и реализовать свой «мегапроект» XXI в.: начать новый этап освоения Сибири и Дальнего Востока с использованием возможностей Азиатско-Тихоокеанского региона. Промедление же, пассивность и внешнеполитическая инерция с российской стороны приведут к тому, что Россия столкнется с угрозой быть исключенной из процесса формирования нового «постгегемонистского» международного порядка, утратить статус независимого центра силы и превратиться в младшего партнера Великого Китая, – с весьма прискорбными последствиями для развития ее восточных регионов и ее территориальной целостности.

Чтобы обратить стратегию США в АТР в возможность, России потребуются проявить не только свойственное ей в последнее время дипломатическое мастерство, но и стратегическое видение, мудрость и политическую волю. Прежде всего, она должна будет суметь наладить качественно новое партнерство с Вашингтоном по Восточной Азии и АТР, включая партнерство в отношении

освоения и развития российских Сибири и Дальнего Востока. Для этого понадобится, прежде всего, способность преодолеть психологическую и бюрократическую инерции как у себя самой, так и в Вашингтоне.

Концентрация Соединенных Штатов на АТР уже оказывает на сегодняшние российско-американские отношения потенциально позитивное воздействие. Фокусируясь на АТР, Вашингтон снижает внимание к регионам и сюжетам, традиционно выступавшим раздражителями в его отношениях с Москвой, аренами геополитического соперничества между двумя державами.

Прежде всего это относится к постсоветскому пространству, конкуренция на котором в течение всего периода после окончания «холодной войны» омрачала российско-американские отношения и являлась наиболее острым и чувствительным для российского руководства раздражителем в отношениях с США. На протяжении двух десятилетий поддержка США «геополитического плюрализма» на пространстве СНГ давала Москве основания обвинять Вашингтон в противодействии российскому усилению, стремлении сдерживать РФ и держать ее в ослабленном состоянии, не дать ей реализовать ее жизненно важные интересы. Сегодня же приоритетность противодействия российской политике в этом регионе для США снижается, и по мере повышения относительной важности АТР значимость постсоветского пространства для США будет уменьшаться. Администрация Обамы с самого начала дала понять, что противоречия с Россией в СНГ более не являются для нее действительно важными приоритетами, достаточными для того, чтобы омрачать из-за них сотрудничество с Москвой по другим, более важным, вопросам (новый договор СНВ, Иран, Афганистан). Сначала новая линия была связана с логикой «перезагрузки». Однако и после ее краха острого столкновения между двумя странами по застарелым противоречиям не произошло. Администрация Обамы не вернулась к давлению на Россию по вопросу территориальной целостности Грузии в той степени, как это делала администрация Буша. Вопрос о расширении НАТО на страны СНГ не стоит более в повестке дня США и вряд ли вернется в нее в обозримой перспективе. Причина таких перемен в политике США лежит на поверхности – эти сюжеты стали для Соединенных Штатов попросту неинтересными, так как они занялись новым большим проектом.

Разумеется, принципиальный вектор американской политики на постсоветском пространстве пока не изменился. Вашингтон по-прежнему поддерживает независимость стран региона от РФ и их

участие в других, не ориентированных на Москву режимах безопасности и экономического сотрудничества. Вашингтон выступает горячим сторонником ассоциации Украины, Молдовы и Грузии с ЕС. Вашингтон является «последним из могикиан», поддерживающим проект газопровода «Набукко», от которого отказались даже страны ЕС и Турция. Но при неизменности вектора важность этих вопросов для США постоянно падает. Уже случай Украины и ее отказ от ассоциации с ЕС наглядно доказал, что политическому руководству Америки политическая динамика в Центральной Европе более не интересна. Заявления по украинской тематике делали чиновники среднего уровня (прежде всего, младший замгоссекретаря В. Нуланд), но даже их реакция и по стилю, и по содержанию качественно отличается от того, что Соединенные Штаты демонстрировали в дни «оранжевой революции» 2004 г.

Таким образом, «поворот к Азии» может привести к тому, что самые главные и застарелые проблемы российско-американских отношений начнут уходить на третий план, тем самым создавая политические предпосылки для сотрудничества России и США по другим вопросам. У российского руководства будет меньше оснований обвинять Америку в стремлении ослабить РФ, а возможности упрочить позиции Москвы на постсоветском пространстве будут расти. Разумеется, России не стоит поддаваться эйфории, и шаги по укреплению и расширению Таможенного и Евразийского союзов, а также ОДКБ следует сочетать с активным диалогом с США и доводить до них мысль с том, что о реставрации СССР-2 в регионе речи не идет.

Снижается накал российско-американской конкуренции и в других регионах, таких как Большой Ближний Восток. В главных американских документах и заявлениях, посвященных новой стратегии в АТР (например, статья Х. Клинтон «Тихоокеанский век Америки»), прямо указывается, что место Ближнего Востока во внешней политике США в последнее десятилетие было гипертрофированным и теперь будет снижаться. Соответственно, будет снижаться и важность тех проблем, по решению которых интересы и подходы США входили в противоречие с российскими. Более того, как показывает практика, на Ближнем Востоке Вашингтон не только понижает относительную значимость тех или иных сюжетов, но и меняет вектор своей политики.

Это связано с тем, что, поворачиваясь к АТР, США стремятся «сбросить» с себя как можно больше проблем и обязательств, требующих американской политико-дипломатической, экономиче-

ской и военной вовлеченности. Вашингтон не заинтересован в том, чтобы эскалация тех или иных ближневосточных проблем потребовала бы его «возвращения» на Ближний Восток и мешала концентрироваться на главном. Именно этими соображениями объясняется, в частности, историческое решение администрации Обамы начать медленную нормализацию отношений с Ираном, воспользовавшись приходом более гибкого и «либерального» президента Х. Рухани, и разрешать проблему иранской ядерной программы путем сотрудничества, а не конфронтации и угроз. Тем самым США начали купировать один из главных раздражителей российско-американских отношений последнего времени. Сотрудничество по постепенному снятию с Ирана санкций ООН и созданию более прозрачного режима для его ядерной программы создает новые перспективы позитивного сотрудничества Москвы и Вашингтона. Разумеется, определяющую роль в американском решении по Ирану сыграли внутриамериканские политические факторы – но между ними и новой стратегией США в АТР существует неразрывная связь.

Схожим образом эволюционирует политика США в отношении арабских революций, в том числе и в отношении гражданской войны в Сирии. Вашингтон пришел к пониманию того, что длительная дестабилизация этой страны и региона в целом может потребовать длительного американского вовлечения, а также и того, что оставление региона «на откуп» Саудовской Аравии неминуемо превратит его в рассадник международного терроризма и радикального исламизма. Исходя из этих выводов, Вашингтон постепенно отходит от политики безусловной поддержки повстанцев в их противостоянии со старыми режимами, прежде всего, режимом Асада. Американский подход становится менее идеализированным и более реалистичным, что опять-таки открывает новые возможности для сотрудничества с РФ. В краткосрочной перспективе это сотрудничество ограничится совместными усилиями по урегулированию сирийского конфликта. В долгосрочной перспективе по мере уменьшения американской вовлеченности в регион Большого Ближнего Востока здесь потребуются новые многосторонние форматы диалога главных центров силы в мире по обеспечению стабильности и безопасности. С учетом того, что политика региональных центров силы эту стабильность подрывает, Россия окажется востребованной как один из ключевых участников этого многостороннего формата.

Наконец, по мере фокусирования США на АТР снижается относительная значимость для них противоречий с Россией по вопросам европейской и евроатлантической безопасности, ядерным делам, ПРО и другим застарелым раздражителям.

Однако настоящие большие возможности для России и российско-американских отношений связаны не с разрешением существующих с США противоречий, а с перспективами нового партнерства двух стран в Азии и АТР, выгодного обеим сторонам. В отличие от постсоветского пространства, Европы и даже Ближнего Востока, Восточная Азия и АТР не является регионом исторического соперничества России и США. Разумеется, в годы «холодной войны» советско-американское противостояние имело место и там, но оно вследствие относительно слабых позиций СССР в Восточной и Юго-Восточной Азии по сравнению с американскими позициями не носило столь географически ясного, стабильного и четко структурированного характера, как в Европе. Отсутствие (или хотя бы недостаточное укоренение) негативного багажа и связанного с этим нарратива российско-американского противостояния создает предпосылки превращения АТР в важную составляющую позитивного взаимодействия России и США.

Более того, есть все основания полагать, что именно Восточная Азия и АТР могли бы стать в нынешних международно-политических условиях несущей основой позитивной составляющей российско-американской повестки дня, главным гарантом их отсутствующей пока позитивной устойчивости. У сторон в этом регионе отсутствуют ярко выраженные противоречия. Есть отдельные разногласия и спорные моменты, связанные, например, с поддержкой США японской позиции по Курильским островам или российской солидарностью с Китаем в оценке политики США в области ПРО, которая в Тихоокеанском регионе носит гораздо более масштабный (и по сути, единственно серьезный) характер, чем в Европе и на Ближнем Востоке. Однако в любом случае масштаб этих разногласий несопоставим с теми, что имеются у России и США в Европе, на постсоветском пространстве и по традиционным направлениям двустороннего диалога в целом.

В то же время в АТР у Москвы и Вашингтона имеются объективно совпадающие интересы, которые по своей значимости представляются куда более важными, нежели указанные выше разногласия.

Во-первых, ни Россия, ни США не заинтересованы в том, чтобы внешняя политика Китая эволюционировала в более насту-

пательную и агрессивную сторону, в особенности в отношении соседних с КНР средних и малых стран Восточной и Юго-Восточной Азии, а возможно, в перспективе и Центральной Азии. К сожалению, в последнее время здесь присутствуют весьма тревожные тенденции, и переговорный стиль Пекина в отношении соседних стран, прежде всего Японии, Филиппин и Вьетнама, становится все более жестким. Очевидный пример – провозглашение в конце 2013 г. китайской зоны ПРО над спорными с Японией островами Сенкаку. В целом и экономическая, и военно-политическая стратегии КНР говорят о ее геополитически естественном стремлении установить в регионе китайскую гегемонию, которая распространялась бы по крайней мере на ближайшие к Китаю государства и создавала бы вокруг него пояс дружественных и экономически ориентированных на него стран. Для этого Китай стремится поощрять углубление именно восточноазиатских экономических и интеграционных процессов при ослаблении тихоокеанских, осуществлять военную стратегию, ориентированную на пресечение способности США проецировать силу в ближайшие к КНР территории и, в целом, работает на «выталкивание» Америки из Азии.

Данная политика бросает объективный вызов не только США, но и России. Последняя в случае успеха китайской политики – даже если Пекин не будет проявлять излишнюю наступательность в отношении самой Москвы – грозит России маргинализацией в масштабе Восточной Азии и АТР и превращением в младшего партнера Пекина. Доминирующему в Восточной Азии Китаю Россия в качестве полноценной и независимой региональной «великой державы» не нужна. Кроме того, китайская наступательность наверняка вырастет и в отношении стран Центральной Азии, что грозит как выталкиванием РФ из региона, так и переходом российско-китайского геополитического соперничества в открытую и жесткую фазу.

Уже сегодня и в ближайшие десятилетия Россию и США в АТР будет объединять то, что обе страны выступают в этом регионе державами статус-кво. В отличие от КНР, они не являются «поднимающимися» и не стремятся расшатать существующий в регионе экономический и военно-политический порядок. Стратегия Вашингтона нацелена на консолидацию и укрепление уже имеющихся в регионе позиций, в то время как Москва хотя и рассчитывает на свое качественное усиление в АТР, но не за счет ломки нынешнего порядка. Китай же, стремящийся к региональ-

ной гегемонии, оказывается в регионе ревизионистской державой и представляет тем самым для России и США серьезный вызов.

Во-вторых, ни Россия, ни США не заинтересованы в геостратегической поляризации АТР, перспектива которой по мере усиления наступательности внешней политики КНР и стремления США консолидировать своих союзников и партнеров в регионе вокруг себя становится весьма реалистичной. Пока Пекин и Вашингтон в силу масштабной экономической взаимозависимости друг от друга, а также взаимозависимости Китая и соседних с ним стран Азии стремятся этого раскола избежать. Но как долго стороны будут способны сохранять зыбкий баланс между «сдерживанием» друг друга (в китайском случае – «выталкивания» США) и одновременным поддержанием интенсивного экономического сотрудничества, не ясно. Срыв Пекина к открытой агрессивной внешней политике в отношении соседей, относительное ослабление его экономических связей с США при дальнейшем наращивании экономической взаимозависимости с азиатскими соседями, его успех в выстраивании азиатского, а не тихоокеанского регионального торгово-экономического порядка и сплочение вокруг США тех стран Азии и АТР, которые в этот порядок не войдут, – все это сделает поляризацию региона неизбежной.

Последствия этого и для России, и для США будут резко негативными. Для Вашингтона это будет означать крах их нынешней стратегии в АТР, которая ориентирована на активное сотрудничество с Китаем и вовлечение его в общетихоокеанскую систему экономических и политических отношений. Раскол региона ослабит международную безопасность, безопасность американских союзников и самих США, а также уменьшит способность региона выступать стимулом развития американской экономики (эта способность в немалой степени зависит от участия КНР). Для России же данный раскол будет означать проблему геополитического выбора, которого Москве хотелось бы избежать.

В-третьих, Россию и США объединяет в АТР то, что обе страны стремятся использовать азиатский экономический рост для стимулирования развития собственных экономик. Соответственно, обе страны заинтересованы в предотвращении эскалации региональных конфликтов и великодержавного соперничества, а также геополитического раскола региона, которые грозят этот экономический рост обрушить. Кроме того, Москва и Вашингтон заинтересованы в развитии в АТР инклюзивного экономического порядка, открытого для участия неазиатских стран, коими они обе

являются, а не закрытого, предполагающего объединение стран Восточной и Юго-Восточной Азии вокруг Китая. Объективно России более выгоден американский подход к формированию азиатско-тихоокеанского порядка, чем китайский.

В совокупности эти совпадающие интересы могут составить основу для обширной повестки дня российско-американского взаимодействия по АТР, которая включала бы и политико-дипломатическую, и экономическую, и военно-политическую сферы и в перспективе могла бы стать основным позитивным компонентом отношений России и США. Учитывая то, что АТР превращается в центр гравитации мировой экономики и мировой политики, можно предположить, что взаимодействие по этому региону на основе общих интересов оздоровило бы российско-американские отношения.

Наконец, новая стратегия США в АТР представляет большие возможности не только для российско-американских отношений, но для России как таковой, ее экономического развития и международно-политического положения. Российское руководство в последнее время совершенно оправданно связывает перспективы развития с интеграцией страны в АТР, с развитием Сибири и Дальнего Востока. Практически одновременно с Вашингтоном Москва провозгласила собственную стратегию «переориентации» в сторону Восточной Азии и АТР как самого экономически динамичного региона мира. Вхождение в этот регион на выгодных условиях может стать мощным фактором экономического развития, изоляция же России от АТР может грозить маргинализацией страны в глобальном масштабе. Впервые наиболее явственно данная стратегия была провозглашена В.В. Путиным в его предвыборных статьях 2012 г., прежде всего, в статье «Россия и меняющийся мир» (Московские новости, 2012 г. 27 февраля), и затем развита и усилена в указе В.В. Путина от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» и в представленной 12 февраля 2013 г. новой Концепции внешней политики России. На 2012–2013 гг. пришлось первые шаги по ее реализации, включавшие в себя помимо саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. активизацию российской дипломатии в отношении стран Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе, таких союзников и партнеров США, как Япония, Южная Корея, Вьетнам, Филиппины и Сингапур.

Важнейшей составляющей российской стратегии «поворота» к АТР является развитие Сибири и Дальнего Востока, которое без умелого и продуманного использования потенциала АТР, встраи-

вания России в процессы экономической кооперации, сотрудничества и интеграции в регионе представляется невозможным. «Новый подъем» Сибири и Дальнего Востока все в большей степени рассматривается как своего рода национальный «мегапроект» России на XXI в., способный определить ее роль в мире сегодня и завтра. Абсурдно, когда территории, расположенные в самом бурном и перспективном регионе мира, обладающие колоссальными запасами сырья и природными богатствами, внутри самой России являются отсталыми и депрессивными, с населением, стремящимся оттуда убежать. Развитие этого региона, особенно в несырьевых секторах, способно исправить внутрисистемный экономический, демографический и политический дисбаланс и существенно ускорить темпы и, главное, качество экономического роста России, поставив его на новую основу. Напротив, сохранение статус-кво уже вскоре может превратить Сибирь и Дальний Восток для России в большую геополитическую проблему, так как удержать эту территорию от попадания во все большую экономическую, а затем и политическую зависимость от Китая будет все сложнее.

Оптимальной моделью подключения АТР к развитию Сибири и Дальнего Востока является умелая интернационализация этих регионов под российским контролем – привлечение большого числа стран и компаний региона к развитию как сырьевых, так и, в первую очередь, несырьевых отраслей, таких как инновационное сельское хозяйство, ЦБК и деревообработка, водоемкое производство и т.д. Потенциал для этого с учетом дефицита в большинстве стран Азии пресной воды и сельскохозяйственных угодий весьма велик.

Одним из важнейших факторов успеха данной стратегии должна стать способность и умение России выстроить соответствующий диалог с США – как по развитию Сибири и Дальнего Востока, так и по АТР в целом. Причина наделения Соединенных Штатов ключевой ролью в этом проекте очевидна. Большинство стран АТР, участие которых в развитии Сибири и Дальнего Востока необходимо, являются тесными партнерами и союзниками США, и американский фактор будет играть для их стремления участвовать в проектах с Россией немаловажное значение. Если же диалог Москва – Вашингтон по Восточной Азии и АТР, включая Сибирь и Дальний Восток, по-прежнему не будет, то и стремление многих стран региона участвовать в развитии этих российских территорий будет ограниченным. В этом случае доминирующим азиатским игроком по этому проекту будет Китай – с крайне негативными последствиями и для перспектив развития региона, и для

позиций Москвы относительно Пекина. Вместо полноценной экономической интеграции в АТР путем развития Сибири и Дальнего Востока Россия будет становиться все более тесным – и при этом младшим – партнером Китая.

То же касается и политической части новой российской стратегии в АТР. Москва, как можно судить по программным внешнеполитическим документам и выступлениям ее руководителей, стремится занять в регионе нишу «третьей великой державы» после США и Китая, играя тем самым важнейшую роль регионального балансира, не будучи зависимой ни от одного из первых двух региональных полюсов. Это – абсолютно правильная стратегия, способная обеспечить Москве более чем привилегированное место в глобальной международно-политической иерархии (по сути – держава № 3) и сделать ее первостепенным «участником» региона, развитие которого будет определять будущее всей системы международных отношений в целом.

Однако данная стратегия нереализуема без выстраивания тесного российско-американского взаимодействия, теперь уже по стратегическим аспектам развития АТР в целом. Именно интенсивный диалог с США, который дополнялся бы целой сетью двусторонних и многосторонних диалогов России с союзниками и партнерами Америки в АТР – при сохранении стратегического партнерства с Китаем, – может вывести РФ на уровень независимой «великой тихоокеанской державы». При этом определяющее значение для нее будет иметь именно сбалансированность китайского, американского и прочих направлений. Сегодня в системе связей России с державами региона присутствуют перекосы, и в глазах большинства азиатских стран – союзников Вашингтона Россия воспринимается как «придаток» и младший партнер Китая. Дальнейшее промедление выстраивания диалога с США сделает геополитическую зависимость России от КНР на Тихом океане, как объективную, так и субъективную, еще более масштабной.

Таким образом, именно сотрудничество с США по Восточной Азии и АТР является условием успешной реализации российской стратегии как в геополитической части, так и в части, касающейся развития Сибири и Дальнего Востока. Данный диалог был бы выгоден и Вашингтону. Участие РФ в качестве «третьей державы» предотвратило бы опасную и невыгодную для самих США поляризацию Тихоокеанского региона и оказало бы дисциплинирующее воздействие на Китай. Также в интересах Америки предотвратить монополизацию Пекином темы развития Сибири и

Дальнего Востока: это привело бы к дальнейшему возрастанию его совокупной мощи именно в том контексте, который бросал бы прямой вызов интересам США и их позициям в регионе.

При этом стоит подчеркнуть, что для Москвы не менее опасным было бы «объединиться» с США «против Китая», превращаясь в союзника США и участвуя в политике окружения и «сдерживания» КНР. Во-первых, тем самым Россия снова оказалась бы в положении младшего партнера и ведомого. Во-вторых, резкое ухудшение отношений с великим соседом стало бы для нее с учетом нынешних российско-китайских дисбалансов подлинной национальной катастрофой. То есть цель российской стратегии должна состоять именно в поддержании баланса между Китаем, США и другими странами АТР, в развитии отношений с Вашингтоном по АТР не в ущерб отношениям с Пекином и в отказе Москвы от участия в тех элементах американской политики, которые несут однозначно антикитайский характер.

Реализуемая сегодня Соединенными Штатами стратегия по «повороту» в сторону АТР создает для партнерства с Москвой благоприятные предпосылки и даже в какой-то мере «спрос». Однако он будет реализован лишь в том случае, если Москва изменит нынешний подход к выстраиванию отношений с Америкой и поставит вопрос о запуске «большого» российско-американского диалога по Азии и АТР. Важным будет доказать, что заинтересованность России «войти» в АТР самостоятельно, а не в качестве страны, ведомой Китаем, имеет под собой твердое основание.

Поскольку американская стратегия в АТР уже реализуется, она ставит Россию перед жестким выбором: или Москва проявит себя, выстроит диалог с США по АТР, станет тем самым частью их тихоокеанской стратегии и реализует перечисленные выше возможности, или же стратегия США будет реализовываться без РФ, и в этом случае политика США в АТР превратится для России в серьезнейший вызов.

В том виде, как она была провозглашена и как реализуется в настоящее время, стратегия США по «повороту» в АТР не предполагает участие в ней России. Последняя не рассматривается Вашингтоном как тихоокеанская держава. Россия не была упомянута ни в программной статье Х. Клинтон «Тихоокеанский век Америки», ни в дальнейших документах и выступлениях американских руководителей. Диалог по АТР не является сколько-либо значимой составляющей повестки дня американской политики в отношении России, и РФ не приглашена в первоочередные региональные про-

екты США, как то «тихоокеанское партнерство» или интенсификация военно-политических партнерств. Отдельные эпизоды сотрудничества имеют место (например, участие РФ в организуемых США и союзниками тихоокеанских военно-морских учениях РИМПАК в 2012 г.), но при всей своей важности они явно не достаточны для того, чтобы сделать РФ заметной частью американской стратегии.

Ситуация с маргинализацией России выглядит еще более драматично в более широком контексте. Стратегия США в АТР дополняется их обновленной стратегией по консолидации вокруг себя Евро-Атлантического региона посредством создания трансатлантической зоны свободной торговли. Россия находится за пределами и второго процесса тоже.

Оставаясь за пределами обновленного «большого Запада», Россия, во-первых, рискует столкнуться с сообществом, значительно превосходящим ее саму по всем сочетаниям силы, как «жесткой», так и «мягкой», и, во-вторых, остается один на один с Китаем со всеми вытекающими для ее международного положения и перспектив экономического развития (включая развитие Сибири и Дальнего Востока) последствиями. Сама же реконсолидация Евроатлантики и АТР без участия России рискует усилить фрагментацию в мире, создать или углубить геополитические расколы между «большим Западом» и всеми остальными, включая Россию и Китай. Вряд ли это сделает мир, который при этом становится все более взаимозависимым, более безопасным и управляемым.

Изменение этой ситуации и превращение стратегии США в АТР из вызова в колоссальную возможность для России требует от ее руководства большой мудрости, дальновзоркости и политической воли, способности выйти из нынешней парадигмы восприятия США и российско-американских отношений и посмотреть на них с позиции не вчерашнего, а завтрашнего дня. Завтрашний же день требует выстраивания комплексного российско-американского диалога по АТР, включая развитие Сибири и Дальнего Востока, и превращение его в императив их отношений.

Список литературы

1. Clinton H. America's Pacific century // Foreign Policy magazine. – 2011. – November (Issue 189). – Feature: 11 October, 2011. – Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (Дата обращения – 07.02.2014.)
2. Deputy SecDef: 4 th submarine to be deployed to Guam // Navy Times. – 2013. – 10 April. – Mode of access: <http://www.navytimes.com/article/20130410/NEWS/304100029/> (Дата обращения – 07.02.2014.)
3. East Asia Pacific economic update: Rebuilding policy buffers, reinvigorating growth // The World Bank. – 2013. – October. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/en/region/eap/publication/east-asia-pacific-economic-update-october-2013> (Дата обращения – 07.02.2014.)
4. Export.gov: Helping US companies export / International trade administration // Export.gov homepage. – [2013]. – Mode of access: <http://export.gov>
5. National security strategy. – Washington, DC, 2010. – May. – 52 p. – Mode of access: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (Дата обращения – 07.02.2014.)
6. Obama: Asia-Pacific is key region for US future // YouTube. – 2012. – 18 November. – Mode of access: <http://www.youtube.com/watch?v=B9y1TDsRvcY>
7. 'Peak defence' on horizon as US, UK & Europe erodes competitive edge // IHS. – 2013. – 24 June. – Mode of access: <http://press.ihs.com/press-release/country-industry-forecasting/peak-defence-horizon-us-uk-europe-erodes-competitive-edge> (Дата обращения – 07.02.2014.)
8. Trade Map: Trade statistics for international business development / International trade centre // Trade Map homepage. – [2013]. – Mode of access: <http://www.trademap.org/> (Дата обращения – 07.02.2014.)
9. US national security strategy and the new strategic triad: Special report / The independent working group on missile defense and the space relationship. – Washington, DC: The institute for foreign policy analysis, 2012. – 20 April. – 34 p. – Mode of access: <http://www.ifpa.org/pdf/IWGconfApr2012.pdf> (Дата обращения – 07.02.2014.)
10. United States census bureau: Foreign trade / United States department of commerce // United States census bureau: Official source US export and import statistics. – [2013]. – Mode of access: www.census.gov/foreign-trade (Дата обращения – 07.02.2014.)

Л.М. Григорьев, В.П. Кульпина

**ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЯ
КАК ДРАЙВЕРА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ¹**

Аннотация. В статье осуществляется попытка многоаспектного анализа роли и перспектив Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выделяются некоторые вероятные направления изменения макроэкономических параметров Китая, а также рассматриваются последствия проблемы трансформации модели роста КНР.

Abstract. This article offers an attempt of a multifold analysis of the role and the prospects of China in Asia-Pacific. The authors also underline several most likely directions of a possible change in China's macroeconomic parameters, as well as they review the consequences of the transformation of China's growth model.

Ключевые слова: КНР, АТР, драйвер мировой экономики, интеграция, энергетическая безопасность, юань.

Keywords: PRC, Asia-Pacific, the driving force of the world economy, intergration, energy security, the renminbi.

Высокие темпы экономического роста в Китае в XXI в. привели к качественному изменению роли этого государства в мировой экономике. Если раньше страна находилась на стадии догоняющего развития с низким стартовым ВВП, то на сегодняшний день динамика экономического роста Китая стала важным фактором в мировой торговле, а также увеличилось влияние китайской экономики в финансовой сфере. В качестве свидетельства усиле-

---

¹ Данная работа была поддержана грантом РГНФ 14-07-00059 «Политические функции региональных экономических объединений в современном мире».

ния позиций Китая в мире, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), можно рассматривать стабилизирующую роль, которую сыграл Китай во время Великой рецессии 2008–2009 гг. и в последующем восстановлении мировой экономики.

Изменение каналов воздействия экономики Китая на мировые процессы требует глубокого изучения, особенно в отношении характера будущего влияния этого государства на рост мировых экономических показателей. Ожидаемый переход Китая к новой модели хозяйствования может привести не только к значительным последствиям для его международных партнеров, но и к критически важным – для всего мира. По мере реализации стратегической политики «реформ и открытости», провозглашенной в 1978 г., Китай смог преобразовать ряд плановых механизмов в рыночные и от закрытой системы экономики перейти к экспортоориентированной. В 1978–2012 гг. ВВП Китая рос в среднем на 10% в год, что на порядок выше темпов роста мирового ВВП за тот же период, составивших в среднем 3% в год (рис. 1). В обозримом будущем оценка темпов мирового экономического развития станет во многом определяться характером роста китайской экономики и ее взаимодействием с мировым хозяйством.

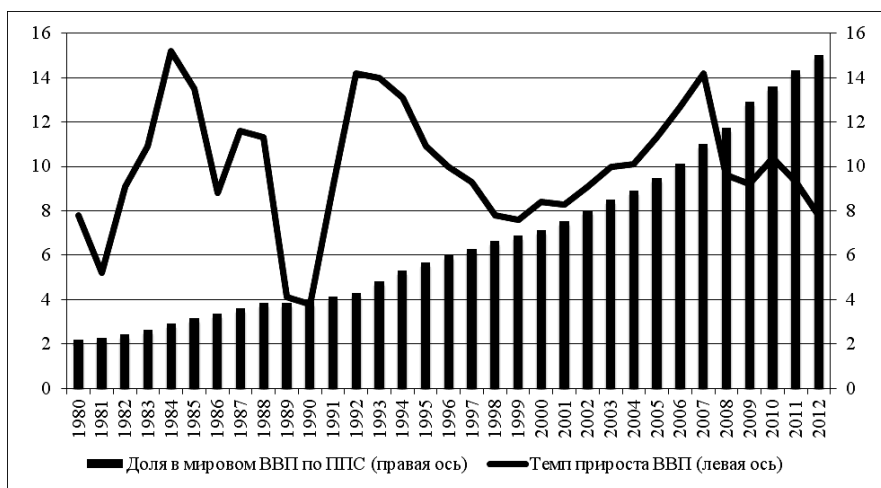

Рис. 1. Темп прироста реального ВВП Китая (% к предыдущему году) и доля Китая в мировом ВВП по ППС (в %)

Источник: (7; 1).

Стоит отметить, что данная проблематика вызывает значительный интерес у исследователей и является одной из центральных в экономической литературе¹.

Благодаря положительному на протяжении десятилетий сальдо торгового и платежного балансов Китай также вышел на 1-е место по объему золотовалютных резервов (по данным МБРР, за апрель 2013 г. этот показатель достиг 3,44 трлн долл.). Низкая стоимость труда и льготные условия ведения бизнеса способствовали масштабному привлечению в Китай иностранных инвестиций, по объему которых он занимает сейчас 1-е место среди развивающихся и 3-е место среди всех стран.

По итогам 2012 г. номинальный ВВП на душу населения составил 6188 долл. США, что в 40 раз больше стартового уровня 1978 г. (155 долл.). Однако лишь в 2010 г. Китай впервые вошел в первую сотню стран по номинальному ВВП на душу населения и в 2012 г. все еще занимал только 81-е место. Валовый национальный доход по ППС на душу населения вырос с 250 долл. в 1980 г. до 9060 долл. в 2012 г. (7). Правительство КНР поставило цель к 2020 г. удвоить ВВП на душу населения по сравнению с 2010 г., а для этого китайской экономике необходимо расти по крайней мере на 7,5% ежегодно. Данные обстоятельства дают основания рассматривать китайскую экономику как локомотив не только глобального роста, но и регионального – в особенности в АТР.

В 2012 г. Китай занимал 1-е место в мире по экспорту и 2-е после США – по импорту (7). Следует отметить, что растущий экспорт стран АТР в Китай – важнейший фактор развития этого огромного региона. Однако географическая конфигурация китайской торговли носит довольно сложный характер. Торговля в АТР в целом сбалансирована, за исключением того, что США имеют огромное сальдо в пользу Китая.

Аналогично торговле финансовые вложения Китая в большой степени сконцентрированы в АТР. Исключая Гонконг (юридически часть Китая), на девять следующих за ним стран АТР по объему полученных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из Китая приходится 30% всех его вложений. В 2012 г. Китай и Гонконг экспортировали по 84 млрд долл. прямых инвестиций за рубеж, а получили, соответственно, 121 и 75 млрд долл. (28). Взятые вместе, они занимают 2–3-е место в мире по ввозу инвестиций (после США) и 3–4-е по вывозу (после США и Японии). Собственно, данные обстоятельства и определяют их ключевую роль в качестве драйверов инвестиционных

---

¹ См., в частности: (8).

проектов. В настоящее время китайское правительство выступает с идеей создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, стимулирующего вложения капитала Китая и других стран в АТР.

Необходимо подчеркнуть, что превращение Китая из отсталой аграрной страны в одного из ключевых участников мировой экономики происходило не только на базе широкого использования дешевой рабочей силы, но и за счет уникального сочетания плановых методов с быстроразвивавшимися рыночными отношениями внутри страны¹, стимулирования внешней торговли с различными странами. Фактически создана огромная экспортная машина (в сфере готовых товаров) и соответствующий высокий спрос на сырье, в том числе импортное. Кроме сотрудничества с отдельными странами, Китай принимает активное участие в деятельности региональных объединений и международных организаций, таких как ООН, ВТО, АТЭС, ШОС, БРИКС и др.

В 2000 г. на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей была провозглашена стратегия внешнеэкономической экспансии КНР «Идти вовне!», реализованная с помощью создания районов экспортного производства в провинциях Гуандун, Фуцзянь, Цзянсу, Чжэцзян и городе Шанхае. Затем подобные комплексы были созданы в районе Бохайского залива (вокруг городов Пекина, Тяньцзиня, в провинциях Шаньдун и Ляонин). В основном, там сосредоточены предприятия с иностранным капиталом. В этот период были также созданы специальные экономические зоны Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь и Хайнань, предоставляющие особые льготные условия для финансово-экономического развития: сниженные таможенные пошлины, упрощенные административные правила, либеральный валютный контроль и т.п. Китайские компании, в свою очередь, пользуясь льготными кредитами государственных банков, расширяют инвестиции за рубежом для закрепления доступа к технологиям и природным ресурсам.

В настоящее время становится все более заметным влияние Китая в АТР. В обозримые десятилетия, по данным обзоров международных организаций (10), сдвиг мировой торговли и рост ВВП в АТР будет одним из наиболее ярких характеристик новой глобализации.

В Азиатско-Тихоокеанский регион традиционно включают 56 стран (22), расположенных по периметру Тихого океана. В их

---

¹ Рыночные преобразования затронули большинство сфер китайской экономики, с конца 70-х были проведены такие реформы, как сельскохозяйственная, налоговая, внешнеэкономическая, реформа отношения прав собственности, реформы государственного, финансового и банковского секторов и т.д.

число входят как крупные развитые страны (США, Канада, Япония, Австралия, Южная Корея и др.), так и перспективные развивающиеся (Китай, Индонезия, Мексика, Аргентина, Россия и др.). Эти страны различаются по структуре и динамике своих экономик, политическим и культурным параметрам, однако нельзя не отметить их тесное сотрудничество в разных сферах. На территории АТР действуют такие важные международные объединения, как АСЕАН, АТЭС. В этом регионе китайская экономика стала одной из доминант развития, уверенно обходя по объемам ВВП и торговли страны, которые совершили прорывы в развитии в предыдущие десятилетия: Японию и группу «тигров» 1980–1990-х годов.

Азиатско-Тихоокеанский регион в обозримом будущем, вероятно, станет новым центром развития мировой экономики. Согласно «Прогнозу развития энергетики России и мира до 2040 г.» ИНЭИ РАН и Аналитического центра при правительстве РФ (9), на территории АТР к 2040 г. будет проживать более 70% населения земли, на этот регион придется наибольший прирост ВВП и энергопотребления. Помимо колоссального роста импорта нефти и природного газа, страны АТР также, вероятно, превратятся в нетто-импортеров угля. Развитые страны региона приближаются к завершению индустриальной стадии развития, а Япония, видимо, ее уже завершила. Теперь вопрос состоит в том, как будут двигаться страны АТР: одни – по пути индустриализации, а другие – далее с переходом в постиндустриальную экономику. В любом варианте экономические отношения с Китаем будут оказывать на этот процесс огромное влияние.

В данной работе представляется возможным лишь наметить некоторые вероятные направления изменения макроэкономических параметров Китая. Одно из них – это неизбежное изменение соотношения между личным потреблением и накоплением. В долгосрочном плане первое должно возрастать с невероятно низкой величины в 37% ВВП, а второе – двигаться в обратном направлении от 40 к 30–35%. Это естественным образом предполагает огромные сдвиги в социальной структуре, характере потребления и, соответственно, структуре импорта.

Авторы намерены рассмотреть роль и перспективы Китая в регионе с нескольких сторон: экономической (торговля товарами и услугами, инвестиционные потоки); политической (участие в региональных объединениях и соглашениях); с точки зрения энергетической безопасности и экологии, а также сопоставить Китай с другим центром влияния АТР – США. Кроме того, в заключение работы осуществляется попытка обсудить последствия широко обсуждаемой в научных кругах (20; 25) проблемы трансформации модели роста КНР.

Торговые отношения Китая и стран АТР

Страны АТР традиционно являются основными внешнеторговыми партнерами Китая. В 2000–2012 гг. доля данного региона в общем объеме товарного экспорта и импорта Китая составляла 60–70%. За период 2000–2008 гг. отмечалось снижение доли региона во внешней торговле Китая (по сырьевым показателям и по готовым товарам), однако в последние годы по трем из четырех позиций наблюдается рост (рис. 2), во многом связанный с кризисом и ухудшением положения стран ЕС – других важных внешнеторговых партнеров КНР.

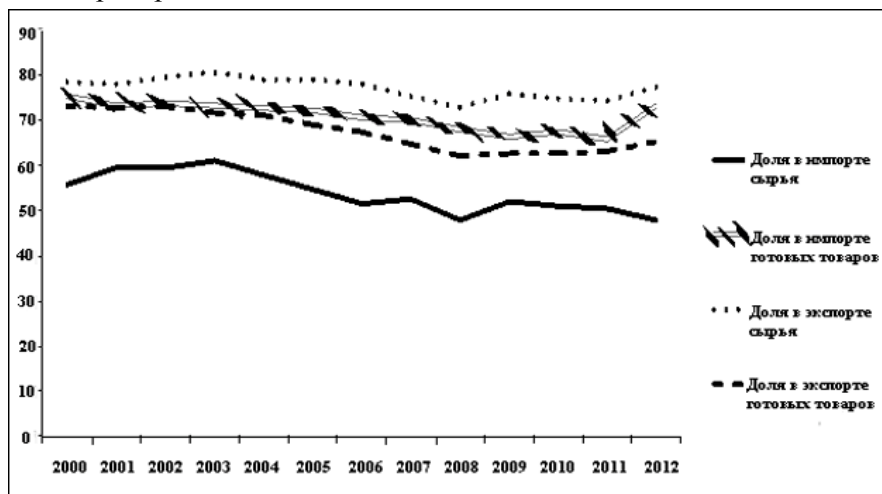

Рис. 2. Доли стран АТР в экспорте и импорте сырья и готовых товаров Китая в 2000–2012 гг. (в %)

Источник: (5), расчеты авторов.

Мировой экономический кризис негативно сказался на промышленных и торговых показателях китайской экономики. В конце 2008 г. произошло замедление темпов роста производства в большинстве отраслей, особенно в металлургии, машиностроении, химической, пищевой и текстильной промышленности, производстве бытовой техники и электроники. Резкое падение наблюдалось в розничных продажах и экспорте – в 2009 г. объем товарного экспорта сократился на 16%, экспорт из стран АТР упал на 15%. Менее резкий спад наблюдался в товарном импорте – 11 и 10% соответственно. Однако уже в 2010 г. все эти показатели превысили предкризисный уровень. С точки зрения воздействия на мировую экономику и сосе-

дей по АТР важно то, что Китай преодолевал внутренние риски спада, предоставляя также значительные возможности для других стран региона. Рисунок 2 показывает, пожалуй, одну из важнейших тенденций последних лет – заметное увеличение доли стран АТР в экспорте готовой продукции в Китай. Это одно из важнейших свидетельств преодоления регионом посткризисных трудностей.

Китай поддерживает торговые связи практически со всеми странами АТР, однако следует особо выделить несколько его наиболее важных внешнеторговых партнеров. Готовые товары импортируются Китаем в основном из развитых стран: на крупнейших импортеров – Японию, Корею и Тайвань – в 2012 г. пришлось 63% импорта из АТР и 46% общего импорта готовых товаров Китаем. Несколько менее концентрированы поставки сырьевых товаров: на трех главных экспортеров сырья в Китай – Австралию, США и Россию – в 2012 г. пришлось соответственно 11, 6 и 5% от общего импорта сырьевых товаров. Несмотря на доминирование развитых стран АТР в импорте Китая, с течением времени роль развивающихся стран возрастает: с 2000 по 2012 г. доли развивающихся стран в общем импорте и импорте готовых товаров из АТР увеличились в 2 раза (рис. 3).

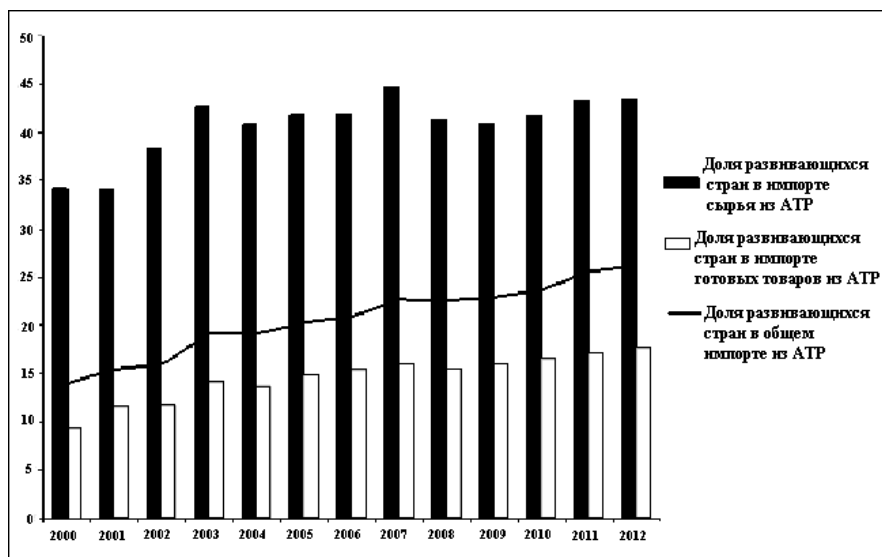

Рис. 3. Доля развивающихся стран в импорте сырья и готовых товаров и общем импорте из АТР в 2000–2012 гг. (в %)

Источник: (5), расчеты авторов.

Согласно данным табл. 1, абсолютные значения экспорта в Китай в 2007 и 2012 гг. наглядно демонстрируют вклад страны в преодоление кризиса его соседями по АТР и миром в целом. Стоимость экспорта в Китай возросла в 1,8 раза для стран АТР, более чем в 2,1 раза для развивающихся стран АТР и в 1,9 раза для прочих государств.

Таблица 1

Экспорт в Китай 2002, 2007, 2012 гг. (млрд долл.)

Экспортные показатели	2002 г.	2007 г.	2012 г.
Мир	295,17	956,12	1817,98
в том числе сырья:	56,79	276,13	777,02
готовых товаров:	235,72	674,46	1031,31
АТР	208,80	617,06	1130,18
в том числе сырья:	33,69	144,83	372,92
готовых товаров:	174,01	470,90	756,18
Развитые страны АТР	175,41	476,95	833,90
в том числе сырья:	20,79	80,18	210,95
готовых товаров:	153,70	395,61	622,61
Развивающиеся страны АТР	33,39	140,11	296,29
в том числе сырья:	12,90	64,65	161,97
готовых товаров:	20,31	75,29	133,57
США	27,26	69,55	141,36
в том числе сырья:	4,93	17,43	48,31
готовых товаров:	22,08	52,00	93,00

Источник: (5), расчеты авторов.

Также за 2002–2012 гг. увеличились доли развивающихся стран в экспорте из Китая сырья и готовых товаров – соответственно с 10 до 31% и с 9 до 21% от экспорта Китая в АТР (5). Хотя главными потребителями китайских товаров в АТР по-прежнему остаются США, Гонконг, Япония и Южная Корея, Китай становится не только идейным с точки зрения экономического прогресса лидером развивающихся стран АТР, но и их важнейшим внешнеторговым партнером.

Следуя примеру развитых стран, Китай стремится нарастить долю третичного сектора в экономике, в 2012 г. она составила 43% ВВП (доля первичного и вторичного секторов соответственно 10 и

47%), а также усилить его конкурентоспособность на мировой арене (3). По суммарному объему внешней торговли услугами Китай занимает 3-е место в мире (5-е по экспорту и 3-е по импорту) и является чистым импортером услуг. Основные статьи внешней торговли услугами для Китая – туризм и транспорт, а крупнейшие партнеры – Гонконг, ЕС, США, страны АСЕАН и Япония: в 2012 г. на них пришлось 66% (53% без ЕС) китайской торговли услугами (табл. 2). Очевидно, что и в этой внешнеэкономической сфере соседи по АТР имеют для Китая ключевое значение. В известной степени усиление экономических связей в АТР с центром в Китае подтолкнуло интеграционные процессы в Атлантике. Уже ведутся переговоры о зоне свободной торговли между ЕС и США.

Таблица 2

Основные партнеры Китая в сфере торговли услугами, 2012 г.

	Оборот, млрд долл.	Прирост к предыдущему году, %	Доля в общем обороте, %	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.
Гонконг	134,5	19,9	28,6	87,1	47,4
ЕС	60,7	7,6	12,9	21,6	39,1
США	41,5	9,2	8,8	12,3	29,2
Всего	470,5	12,3	100	190,4	280,1

Источник: (2).

В рамках трансформации модели экономического роста развитие сектора услуг особенно важно для китайской экономики и активно поддерживается «сверху». Даже в кризисный 2009 г., в отличие от большинства стран, лидирующих по торговле услугами, объем импортируемых услуг в Китае не снизился.

Ежегодно высокими темпами растет стоимость подрядных работ, выполняемых Китаем в странах АТР. В 2010 и 2011 гг. они показали соответственно 21 и 18%-ный прирост для АТР по сравнению общемировыми в 18 и 12% (3). Стоимость подрядных работ, выполненных Китаем в регионе за последние 10 лет, превысила 127 млрд долл. Основными импортерами такого рода китайских услуг в АТР и мире в целом являются Индонезия, Вьетнам, Сингапур и Малайзия.

Другая важная составляющая сотрудничества Китая и стран АТР в сфере услуг – туризм. Из всех туристов, посещающих КНР, более 80% приходится на страны АТР, причем 50% – на четыре из них: Южную Корею, Японию, Россию и США (по убыванию количества туристов).

Движение капитала между Китаем и странами АТР

Активное привлечение иностранных инвестиций – одна из составляющих успеха современной экономики Китая. Согласно данным, представленным на рис. 4, ежегодный объем фактически используемых ПИИ в Китае вырос за последние 10 лет в 2,5 раза – с 47 млрд долл. в 2001 г. до 116 млрд в 2011 г. При этом общий объем ПИИ из стран АТР вырос более чем в 3 раза. Исторически из этого региона приходит 70–75% всех ПИИ в Китай.

В 2012 г. фактически использованный объем иностранных инвестиций в Китае несколько снизился и составил 112 млрд долл., при их участии было создано около 25 тыс. предприятий. Большинство (более 85%) новых предприятий пришлось на страны АТР. Первые шесть стран с наибольшим объемом ПИИ в Китай 2012 г. также являются представителями АТР: Гонконг (71,3 млрд долл.), Япония (7,4 млрд), Сингапур (6,5 млрд), Тайвань (6,2 млрд), США (3,13 млрд), Южная Корея (3,06 млрд) (3).

Привлекательность Китая для иностранных инвесторов можно объяснить по-разному: некоторые компании открывают там производства в целях сокращения издержек, другие – в целях получения возможности выхода на местные рынки (27).

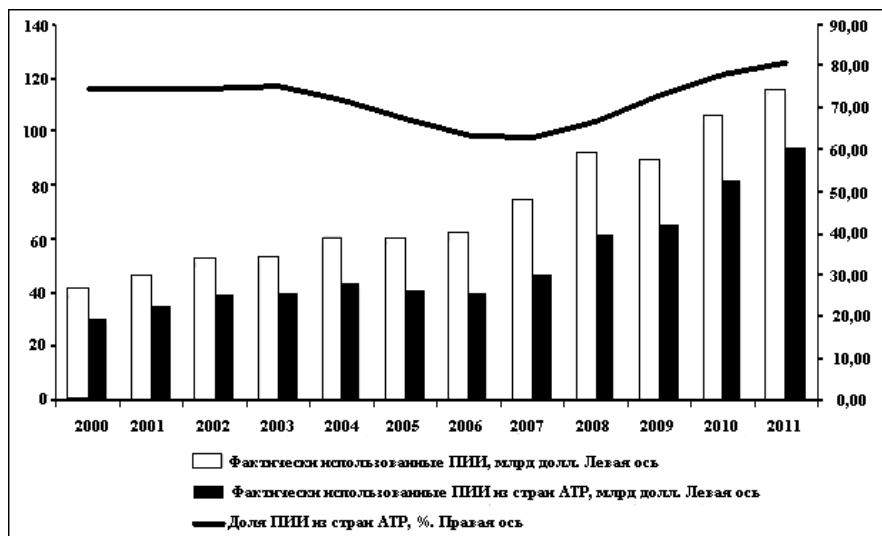

Рис. 4. Фактически использованные прямые иностранные инвестиции в Китае 2000–2011 гг.

Источник: (3), расчеты авторов.

В последние годы в погоне за технологиями и ресурсами Китай расширяет и присутствие собственных компаний на зарубежных рынках. Объем чистых ПИИ из Китая составил в 2011 г. 74,6 млрд долл., что в 2,8 раза больше, чем в 2007 г. Наибольший прирост пришелся на 2009 г. и составил 111%. Китайские инвестиции особенно помогли в кризисные годы Гонконгу и таким странам АТР, как Сингапур, Австралия, США, Япония (табл. 3).

Таблица 3

**Чистые прямые инвестиции из Китая
в избранные страны АТР 2007–2011 гг. (млн долл.)**

Страны	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Мир	26 506	55 907	56 529	68 811	74 654
Гонконг	13 732	38 640	35 601	38 505	35 655
Сингапур	398	1551	1414	1119	3269
Австралия	532	1892	2436	1702	3165
США	196	462	909	1308	1811
Россия	478	395	348	568	716
Индонезия	99	174	226	201	592
Таиланд	1033	7	613	1142	554
Канада	76	45	50	700	230
Вьетнам	111	120	112	305	189
Япония	39	59	84	338	149

Источник: (3).

По состоянию на конец 2011 г. странами с наибольшим запасом ПИИ из Китая (не включая офшорные острова) являются Австралия – 11 млрд долл., Сингапур – 10,6 млрд, США – 9 млрд, Россия – 3,76 млрд долл. и Канада – 3,73 млрд долл.

Некоторые китайские банки, например Китайский банк экспорта и импорта, Банк развития Китая, подписывают так называемые контракты «нефть за кредит» со странами, богатыми природными ресурсами. Эти страны используют кредиты для реализации проектов в энергетической сфере (разведка, добыча, строительство инфраструктуры), а Китаю взамен гарантируются поставки нефти или газа на протяжении нескольких десятилетий. В число стран АТР, получающих подобные кредиты, входят Россия, Аргентина, Эквадор и др.

Юань

Одними из наиболее горячо обсуждаемых и спорных вопросов в отношении внешнеэкономической деятельности Китая являются огромный профицит внешнеторгового баланса и недооценка курса юаня. До недавнего времени там существовало два валютных курса: плавающий и официальный (для международных расчетов, сбора налогов и т.д.). Только в 1996 г. был утвержден единый валютный курс юаня к доллару на уровне 8,3 юаней за доллар (рис. 5). В 2005 г. юань привязали к корзине из 11 валют и начали проводить его ревальвацию, в 2012 г. увеличили коридор дневного колебания с 0,3 до 1%. Однако со стороны основных внешнеэкономических партнеров КНР – США и Японии – все еще постоянно слышны требования об отказе от агрессивной экспортной экспансии и политики заниженного курса.

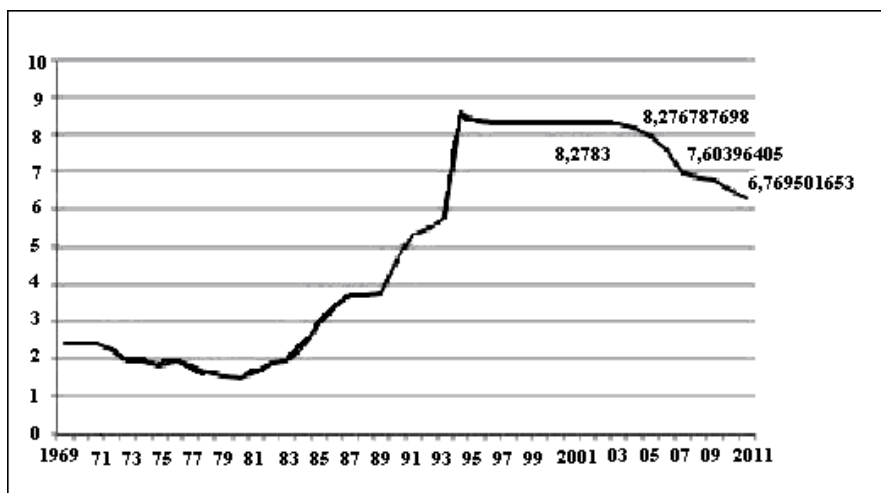

Рис. 5. Номинальный обменный курс доллара к юаню 1969–2012 гг.

Источник: (4).

Эксперты и правительственные круги США предлагают ревальвировать курс юаня на 25% для обеспечения справедливой торговли, хотя экономический анализ дает различные, часто меньшие границы для ревальвации (12). Периодически эта проблема выходит за рамки обсуждений на правительственном уровне и выливается в попытки введения защитных мер по ограничению экспорта из Ки-

тая. Тем не менее в силу ряда причин резкая ревальвация юаня вряд ли является возможной. Во-первых, последующее за ней значительное сокращение экспорта, вероятно, приведет к серьезным внутренним проблемам – банкротству производственных предприятий, росту безработицы. Во-вторых, по мнению правительства КНР, повышенное внимание к курсу юаня объясняется еще и кризисными явлениями внутри самих стран-партнеров, и возможные уступки негативно отразятся на позиции Китая в международных дебатах. При этом, не ставя перед собой задачи сглаживания мировых дисбалансов, Китай продолжает реформировать валютный курс и усиливать гибкость национальной валюты. Одной из задач нового 12-го пятилетнего плана является достижение свободной конвертируемости юаня и либерализации финансовой сферы.

Для этого в Китае создаются офшорные центры, где иностранные компании получают право вкладывать в юаневые облигации, а местные фирмы управляют своей валютной выручкой. Начиная с 2008 г. по настоящий момент были подписаны двусторонние своп-соглашения с центральными банками 22 стран на сумму более 460 млрд юаней. В их числе банки 11 стран АТР: России, Аргентины, Южной Кореи, Гонконга, Австралии, Сингапура, Японии и др.

По мнению западных специалистов (15; 21), постепенное повышение курса юаня будет иметь положительные последствия как для самой страны, так и для ее внешнеторговых партнеров. Китаю это поможет стимулировать сектор услуг, который создает больше рабочих мест на единицу капитала, чем промышленность, а также – внутреннее потребление при условии повышения доходности по депозитам домохозяйств. В дальнейшем от ориентации на внутренний спрос выиграют страны АТР: с ревальвацией юаня и ростом спроса в Китае повысятся конкурентоспособность и востребованность их экспорта. По оценкам Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана, выигрыш экспортеров региона от переориентации Китая на внутренний спрос уже в 2013–2015 гг. составит 13 млрд долл. (17).

Недооценка юаня, высокая норма инвестиций привели к значительному профициту торгового баланса, который позволил Китаю накопить огромную сумму резервов иностранной валюты. В последние годы в связи с затруднительным положением экономик США и ЕС КНР приостановила вложение свободных резервов в их ценные бумаги, средства вкладываются в суверенные фонды, направляются на энергетические проекты, в том числе в АТР. Например, пользуясь льготными кредитами для покупки энергетических активов за рубе-

жом, китайская нефтегазовая компания CNPC приобрела проекты по разработке речных нефтяных пластов канадской корпорации «Athabasca Oil», Сингапурскую нефтяную компанию. В 2012 г. другая крупнейшая китайская нефтегазовая компания CNOOC приобрела канадскую компанию Nexen, занимающуюся добычей сланцевого газа и нефти, за рекордную для такого рода сделок сумму 15,1 млрд долл.

Китай и США как основные игроки АТР

Китай и США, будучи одними из крупнейших экономик мира, с одной стороны, являются друг для друга важными партнерами, а с другой – прямыми конкурентами на международной арене. Особенно ярко эти сложные отношения проявляются в АТР – регионе ключевых интересов для каждой из сторон.

Если рассмотреть аспект внешней торговли, можно отметить догоняющее развитие Китая в АТР. В 2000 г. объем торговли Китая со странами данного региона был в 4 раза меньше объема торговли США и стран АТР. В 2012 г. этот разрыв сократился до 3% и в абсолютном значении составил 85 млрд долл. (рис. 6). При значительных увеличениях объема торговли обеих стран в АТР доля региона в их общей внешней торговле снижалась до 2008 г., а затем начала постепенно увеличиваться. Очевидно, кризис побудил и американские, и китайские компании развернуть более активную деятельность в регионе, наиболее успешно справляющемся с рецессией.

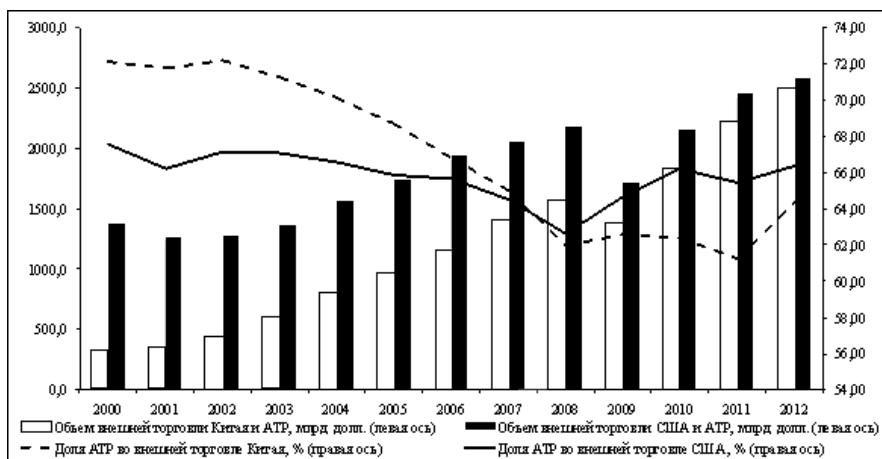

Рис. 6. Внешняя торговля между Китаем и АТР, США и АТР в 2000–2012 гг.

Источник: (5), расчеты авторов.

Несмотря на претензии США к Китаю о недооценке юаня, торговля между двумя этими странами также продолжает расти высокими темпами. В 2012 г. стоимость товарного экспорта из Китая в США превысила 350 млрд долл., из которых, как и в предыдущие годы, 96% пришлось на готовые товары (рис. 7). В структуре экспорта из США в Китай за период 2000–2012 гг. произошли изменения: доля готовых товаров упала с 79 до 66% (5). При этом по торговле сырьевыми товарами с Китаем США имеет положительный баланс.

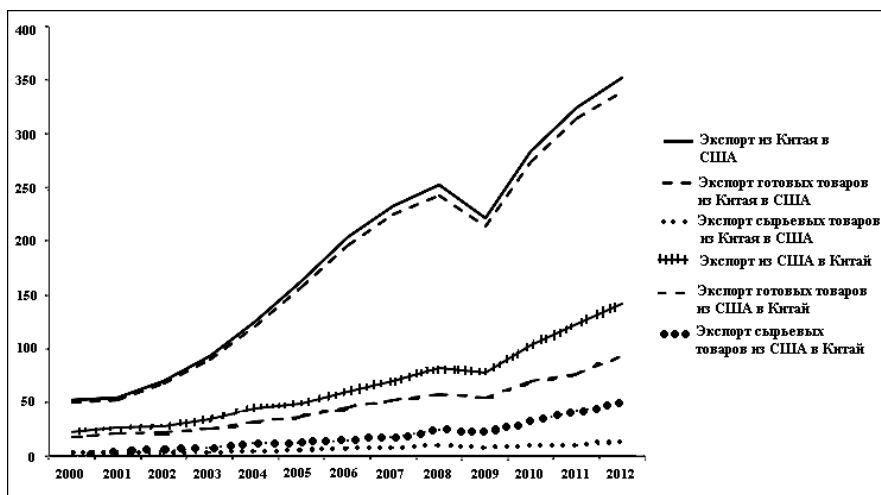

Рис. 7. Структура товарной торговли между Китаем и США в 2000–2012 гг. (в млрд долл.)

Источник: (5), расчеты авторов.

Две крупнейшие экономики мира связаны между собой также проблемой платежных балансов – отрицательного в США и положительного в Китае. США покрывают дефицит за счет продажи государственных ценных бумаг зарубежным странам. Китай, в свою очередь, является крупнейшим держателем этих активов (1277,3 млрд долл. по состоянию на июль 2013 г.): покупает их с целью покрытия своего профицита и перераспределения огромного объема золотовалютных резервов. В 2008 г. Китай опередил Японию по стоимостному запасу американских ценных бумаг. На конец 2012 г. он обладал 22% от стоимости всех бумаг, что на 16 п. п. больше, чем в 2000 г. (6). Теоретически это дает китайскому правительству возможность давления на американских партне-

ров, однако понятно, что резкие действия невозможны и приведут к нестабильности во всех странах, где доллар, а не юань пока является доминирующей мировой валютой.

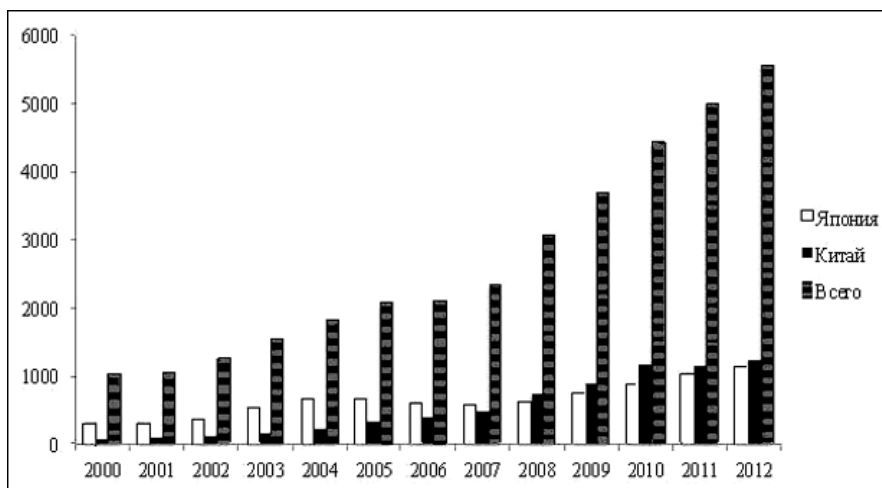

Рис. 8. Стоимость государственных ценных бумаг США, находящихся в Китае, Японии и за рубежом в целом на конец года, 2000–2012 гг. (в млрд долл.)

Источник: (6).

США заинтересованы в АТР еще и с точки зрения международной безопасности. На встрече с представителями КНР в Гонконге в 2012 г. американский министр обороны заявил о намерении перенести центр военной миссии США из Европы в АТР, расширив там присутствие своего военно-морского флота с 40 до 50% от всех американских сил за рубежом к 2020 г. Официальная точка зрения китайского руководства, напротив, заключается в отказе от насильственного доминирования в регионе и вмешательства во внутреннюю политику стран АТР. Безусловно, такая позиция Китая не отрицает необходимость взаимодействия в сфере безопасности, но акцент делается прежде всего на экономическое сотрудничество.

Помимо США, у Китая есть другие конкуренты в борьбе за лидерство в АТР. Япония, Россия и Индия, хотя имеют меньшие преимущества, также рассматривают АТР как ключевую сферу влияния. Разумеется, АТР не является объектом лишь китайских

экономических интересов, поэтому программы других крупных региональных игроков в будущем, скорее всего, станут составлять конкуренцию друг другу. Например, в Индии с 1990 г. существует программа внешнеэкономической экспансии в АТР «Взгляд на Восток».

Энергетическая безопасность и экология

Повышение энергоэффективности – одна из основных задач китайской экономики, а также экономик многих других стран АТР, уже имеющих высокий уровень энергопотребления или по мере роста своих экономик предполагающих увеличить его в будущем. В 2006 г. было создано Азиатско-Тихоокеанское партнерство в области чистого развития и климата, объединяющее Австралию, Канаду, США, Японию, Южную Корею, Индию и Китай. Главными целями его стали создание альтернативы Киотскому протоколу и развитие «зеленых технологий» в энергетике. В настоящее время во вступлении в организацию также заинтересованы Мексика, Россия и некоторые страны АСЕАН.

По оценке «British petroleum» (июнь 2013 г.), страны АТР в 2012 г. потребили 77% от мирового производства угля (Китай – 50%), 57 – мирового конечного потребления нефти и нефтепродуктов (Китай – 12%), 57% мирового потребления газа (Китай – 4%). Доля АТР в мировой выработке электроэнергии составила 64% (Китая – 22%). Для Китая энергетический вопрос связан не только с обеспечением потребностей развития экономики, но и с необходимостью улучшения экологической обстановки в больших промышленных городах, снижения нагрузки на железные дороги («заваленные» углем для электростанций). Повышение энергоэффективности, изменение структуры топливного баланса во многом связаны с получением энергетических ресурсов (в частности, газа) из АТР. Разумеется, китайская экономика заинтересована в корректировке импортных цен как можно ближе к уровню внутренних цен на энергию, который связан с доминирующей добычей угля внутри страны (18). Авария на АЭС в Фукусиме фактически ухудшила положение Китая, повысив спрос Японии на традиционные энергоресурсы и подняв цены на газ в регионе.

Страны АТР в сфере производства первичной энергии имеют примерно идентичную структуру. В 2012 г. регион произвел 81% мирового угля, 59 – газа и 40% нефти, самообеспеченности нет только по нефти (13). Но нужно понимать, что центры потребления и

производства тех или иных ресурсов на уровне стран не совпадают, и Китай является главным импортером энергоресурсов в регионе. Даже при наличии огромных запасов угля из-за сложности внутренней промышленно-инфраструктурной системы в Китае возникает необходимость локального импорта этого энергоносителя, хотя показатели внутреннего производства достигают 3 млрд т (19).

Неоднородность развития стран АТР проявляется и в энергоемкости ВВП. Несмотря на то что развивающимся странам региона в целом удалось существенно снизить расход энергии на 1000 долл. ВВП, уровень энергоемкости остается выше, чем в развитых странах региона и мира в целом. Особенно это касается Китая, где энергоемкость ВВП даже в 2012 г. была в 1,7 раз выше (рис. 9), чем средняя по АТР (0,33 против 0,198 т.н.э. / 1000 долл. ВВП). Однако в отличие от развивающихся соседей по АТР Китаю в 2010 г. удалось достичь среднемирового уровня энергопотребления на душу населения.

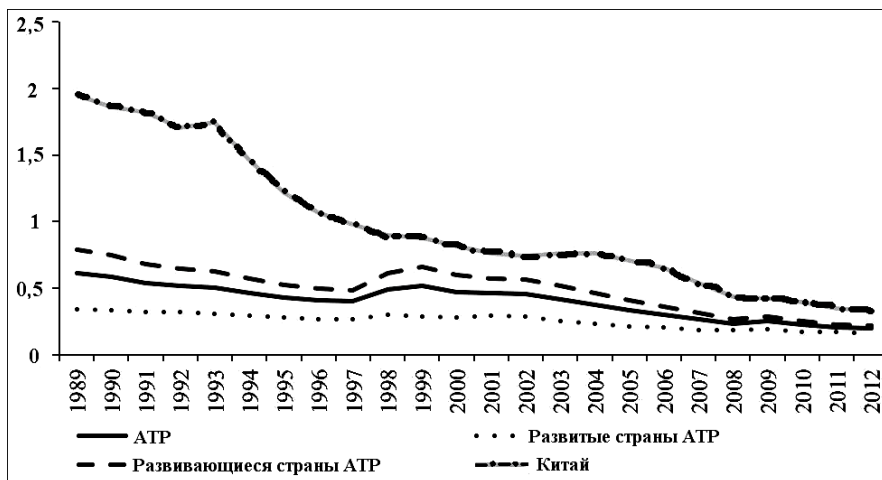

Рис. 9. Динамика энергоемкости АТР 1989–2012 гг., т.н.э. / 1000 долл. ВВП тек.

Источник: (7; 13), расчеты авторов.

По прогнозам Международного энергетического агентства, к 2030 г. объем энергопотребления Китая может вырасти на 60%, в основном, за счет промышленности (на которую сейчас в Китае

приходится наибольшая доля потребления, порядка половины) и транспортного сектора (который занимает 2-е место) (3).

Растущее потребление Китаем всех видов углеводородного топлива, с одной стороны, выгодно странам АТР, его экспортирующим (России, Австралии, Индонезии и др.), а с другой – вызывает большие опасения с точки зрения экологии. В 2012 г. на Китай пришлось 27% мировых выбросов CO₂, на весь АТР – 66% (7). Поэтому при условии активности мирового сообщества в предотвращении климатических изменений структура потребления АТР может измениться путем замещения угля газом, атомной энергией и возобновляемыми источниками. Уже сейчас АТР является крупнейшим рынком сжиженного природного газа. По данным ВР, из 328 млрд куб. м торгуемого газа около 70% пришлось на страны этого региона (13). При этом половина экспорта приходит туда из самих стран АТР.

Естественно, для дальнейшего переключения с пусть и небезопасных, но более дешевых видов топлива на более прогрессивные необходим достаточный уровень экономического роста и повышения благосостояния населения.

Многостороннее сотрудничество в АТР и роль Китая

Китай делает упор на экономическое сотрудничество в АТР, но другим аспектам регионального взаимодействия также уделяется большое внимание. Китай играет важную роль в сотрудничестве в АТР в области безопасности, в борьбе с терроризмом, энергетике, принимает участие во встречах АТЭС и АСЕАН. Роль Китая меняется, и его позиция учитывается при разрешении территориальных вопросов.

Китай вступил в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) в 1991 г. – практически с момента основания этого форума (1989) – и использует его как важную платформу для своей международной экономической и дипломатической деятельности, заключения многосторонних и двусторонних контрактов. Со временем страны-участницы планируют создать в рамках АТЭС зону свободной торговли. Китай также выступает за улучшение условий для малого и среднего бизнеса. Например, он активно участвует в проекте АТЭС по снижению транзакционных издержек для предпринимателей. Среди держателей специальных

бизнес-карт для путешествия по АТЭС¹ в 2010 г. 14,5 тыс. – это жители Китая (4 тыс. без Гонконга), 16% от общего числа, 2-е место после Австралии (26).

Деятельность АТЭС на сегодняшний день включает множество инициатив в различных сферах, за реализацию которых ответственны одна или несколько стран. Согласно последнему отчету Комитета АТЭС по торговле и инвестициям (11), Китай отвечает за 20 из 48 текущих проектов в области «зеленой экономики» (в основном, это исследование новых технологий, связанных с сокращением выбросов и энергосбережением, и презентация собственных передовых достижений в энергетике). Вероятно, доверив Китаю значительную долю подобных проектов, другие страны АТЭС признают в нем лидера отрасли.

Как уже было отмечено выше, Китай способствовал преодолению кризиса в экономиках своих торговых партнеров. В том числе это происходило в рамках АТЭС. Так, на саммите 2009 г. в Сингапуре Ху Цзиньтао (на тот момент – председатель КНР) объявил о выделении средств для фонда развития экономического и технического сотрудничества китайских ведомств и компаний с соответствующими организациями в странах региона. Безусловно, взаимодействие Китая с остальными странами АТЭС носит не кризисный, а систематический характер. В 2014 г. в КНР пройдет 26-й саммит форума.

Вторым важным региональным объединением в АТР, тесно сотрудничающим с Китаем (но не включающим его), является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии. Сотрудничество проходит как в рамках зоны свободной торговли Китай – АСЕАН, так и в рамках объединения АСЕАН+3 (АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея). Резервный фонд для борьбы с кризисом объемом 120 млрд долл., созданный АСЕАН и тремя вышеперечисленными странами (при этом Китай и Япония выделили по 38,4 млрд, а Южная Корея – 19,2 млрд долл.), помогает справиться с текущими финансовыми затруднениями в регионе.

Зона свободной торговли Китай – АСЕАН, образованная в 2010 г., стала объективным следствием интеграции этих стран: в 2012 г. их товарооборот превысил 400 млрд долл. (3-е место для Китая после товарооборота с США и ЕС), а в период с января по

---

¹ Бизнес-карты облегчают процедуру получения визы и прохождения таможенного контроля, увеличивают срок возможного пребывания в странах – участниках программы.

август 2013 г. уже достиг 280 млрд. Суммарный объем инвестиций вырос с 30 млрд долл. в 2002 г. до 110 млрд в июне 2013 г. (3; 5). Таким же активным является передвижение населения между Китаем и АСЕАН – в 2012 г. обмен составил 15 млн человек (3). Во всех странах АСЕАН проживает многочисленная, в большинстве своем – состоятельная китайская диаспора. Углубление культурных связей побудило ЮНЕСКО разрешить Китаю и АСЕАН подавать совместные заявки на регистрацию объектов культурного наследия. При всех этих успехах, между Китаем и странами АСЕАН остаются неразрешенными некоторые геополитические вопросы (в частности, конфликт с Филиппинами и Вьетнамом в Южно-Китайском море).

Некоторые эксперты с подозрением смотрят на интеграционные действия КНР и видят в них попытку создания «Большого Китая» и возвращения ему статуса «великой державы», однако этот вопрос едва ли поддается объективной оценке.

Заключение

Большинство прогнозов авторитетных международных организаций и независимых экспертов (14; 23) сходятся во мнении, что к 2030 г. или раньше китайская экономика обгонит США по размерам ВВП. При этом в силу естественных экономических процессов темпы роста экономики будут замедляться. Согласно исследованию МВФ, в 2013–2030 гг. ВВП Китая будет расти в среднем на 6% в год, и к концу периода ВВП на душу населения составит 40% от ВВП на душу населения США (16). Однако темпы роста китайской экономики продолжают превышать мировые, доля ВВП Китая в мировом ВВП возрастет с 15 до 25%, в ВВП АТР – с 40 до 50%.

Снижение темпов роста экономики Китая в будущем связывают также с переходом к новой модели развития, ориентированного на внутреннее потребление (16; 24). Этот переход может оказаться достаточно болезненным и тяжелым, поскольку рост потребления должен вести к снижению нормы сбережений в 2006–2012 гг., которая прежде превышала 50% (при 20–23% у большинства стран) (1). Высокая норма сбережений связана с неразвитостью финансовых институтов, систем пенсионного и медицинского обеспечения, а также с другими факторами, в том числе социокультурными. В таких условиях расширение внутреннего рынка (стимулирование возможностей и желания потреблять) – это процесс, требующий огромных усилий политических элит.

В рамках трансформации Китая предстоит решить ряд других внутренних проблем: неравенства и слабой социальной защищенности населения, региональных дисбалансов и дисбалансов на уровне город – деревня и т.п.

Если предположить, что эти преобразования будут более успешными, поскольку за достижениями Китая последних десятилетий также стояла политическая воля его руководителей, то можно сказать, что перспективы региональной интеграции в АТР очень широки. Население Китая, превышающее 1,3 млрд человек, повысив норму потребления даже на несколько процентных пунктов, с учетом стабильного роста благосостояния и довольно лояльного отношения к новым товарам и услугам, сможет создать для торговых партнеров Китая – стран АТР – рынок сбыта готовых товаров колоссальных объемов. Не менее обнадеживающим станет и рост импорта сырья для производства нефтепродуктов, обеспечения электропотребления и пр.

В свою очередь, Китай, реализуя стратегию перехода к инновационной экономике и отдав часть рынка готовых товаров под импорт из развивающихся стран АТР, сможет расширить свою экспортную составляющую наукоемких производств и услуг в эти страны. При выполнении задачи развития финансовых институтов Китай сможет усилить сотрудничество и с развитыми странами региона. Синергический эффект позволит расти быстрее не только Китаю, но и региону в целом.

Перспективы китайской экономики с горизонтом в 20–40 лет являются предметом постоянных дебатов специалистов. В целом, ожидается – рано или поздно – замедление темпов роста. Но главный вопрос – когда именно это произойдет и на каком уровне развития – остается открытым. С разумной осторожностью можно предположить, что замедление темпов роста последует тогда, когда внутренний рынок товаров длительного пользования разовьется на базе снижения социального (и регионального) неравенства. Рост веса услуг в личном потреблении и в национальном ВВП снизит в таком случае ресурсоемкость (энергоемкость) экономики страны. Предположение прогнозистов-макроэкономистов, что Китай в сравнительно недалеком будущем достигнет объема ВВП США, также представляется достаточно вероятным и в мире практически не оспаривается.

Так что впереди нас ожидает чрезвычайно важная и интересная исследовательская работа. Трансформация внутренней модели развития Китая будет ключевым драйвером изменений.

Постепенное замедление темпов прироста ВВП и еще большее замедление ресурсопотребления будет постепенно менять характер импорта Китая. Тут открываются огромные возможности для экспорта в Китай более качественных потребительских товаров и услуг (туризм) из АТР. Однако скорость этих преобразований пока остается фактором неопределенности. Ловушка «среднего уровня развития» начинает действовать в Китае так же, как и в других странах (в частности, в БРИКС в целом). Необходимость социально-политических сдвигов также будет все настойчивей ощущаться с годами прогресса по новой модели развития. Следует отметить, что установки на изменение модели были и раньше, однако 18-й съезд КПК в октябре 2012 г. сделал их более ясными. Трудности трансформации, конечно, не стали от этого легкопреодолимыми. Страны АТР могут начинать планировать свое развитие с учетом будущего изменения характера спроса в Китае, но точная привязка по времени и масштабам пока остается фактором риска для компаний, готовых вести свою деятельность в условиях неопределенности.

Список литературы

1. International Monetary Fund. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/data.htm>
2. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. – Mode of access: <http://www.mofcom.gov.cn/>
3. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. – Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/>
4. The People's Bank of China / Statistics and analysis department. – Mode of access: <http://www.pbc.gov.cn/publish/diaochatongjisi/126/index.html>
5. UNCTADSTAT / United Nations conference on trade and development. – Mode of access: <http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx>
6. US Department of the Treasury. – Mode of access: <http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/Pages/index.aspx>
7. The World Bank. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/>
8. Изменение глобального экономического ландшафта: Проблемы и поиск решений / Под общ. ред.: Е. Хесин, И. Ковалев. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. – 395 с.
9. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / РАН. ИНЭИ. Аналитический центр при Правительстве РФ. – М., 2013. – 108 с. – Режим доступа: <http://www.eriras.ru/files/prognoz-2040.pdf> (Дата обращения – 27.02.2014.)
10. APEC at a glance, 2013 // АПЕС. – 013. – January. – Mode of access: http://publications.apec.org/publication-detail.php?pub_id=1364 (Дата обращения – 27.02.2014.)

11. APEC economic and technical cooperation // APEC. – 2013. – June. – Mode of access: http://publications.apec.org/publication-detail.php?pub_id=1429 (Дата обращения – 27.02.2014.)
12. Bonatti L., Fracasso A. Regime switches in the Sino-American co-dependency: Growth and structural change in China // *Structural change and economic dynamics*. – Amsterdam: Elsevier, 2013. – Vol. 25, Issue C. – P. 1–32.
13. BP statistical review of world energy / British Petroleum. – L., 2013. – June. – 45 p. – Mode of access: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf (Дата обращения – 27.02.2014.)
14. China 2030: Building a modern, harmonious, and creative society / Development research center of the State Council, the People's Republic of China. – Washington, DC: The World Bank, 2013. – 473 p. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/China-2030-complete.pdf> (Дата обращения – 27.02.2014.)
15. China cash management debate: Banks in China simplify a complicated world // *Eurromoney magazine*. – L., 2012. – May. – Mode of access: http://www.gtb.db.com/docs/18_Eurromoney_China_CM_debate_with_Michael_Wu.pdf (Дата обращения – 27.02.2014.)
16. Cristadoro R., Marconi D. Urban and rural household savings in China: Determinants and policy implications // *The Chinese economy: Recent trends and policy issues* / G. Gomel et al. (Eds.). – Berlin: Springer, 2013. – P. 101–136.
17. Economic and social survey of Asia and the Pacific 2013 / UN ESCAP. – Mode of access: <http://www.unescap.org/pdd/publications/survey2013/> (Дата обращения – 27.02.2014.)
18. Higashi N. Natural gas in China: Market evolution and strategy / *International energy agency*. – P., 2009. – 39 p. – Mode of access: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/nat_gas_china.pdf (Дата обращения – 27.02.2014.)
19. Kahrl F., Roland-Holst D., Zilberman D. Past as Prologue? Understanding energy use in post-2002 China // *Energy economics*. – Amsterdam: Elsevier, 2013. – Vol. 36, Issue C. – P. 759–771.
20. Lardy N. Sustaining China's economic growth after the Global financial crisis. – Washington, DC: Peterson Institute, 2012. – 200 p.
21. Mattoo A., Mishra P., Subramanian A. Spillover effects of exchange rates: A study of the renminbi: IMF working paper WP/12/88 / *International monetary fund*. – Washington, DC, 2012. – March. – 37 p. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp1288.pdf> (Дата обращения – 27.02.2014.)
22. Pacific Rim countries/territories // *Pacific Rim research program*. – Mode of access: <http://pacrim.ucsc.edu/pacrimcountries.html> (Дата обращения – 27.02.2014.)
23. People's Republic of China: IMF country report N 13/211 for the 2013 Article IV consultation / *International monetary fund*. – Washington, DC, 2013. – July. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2013/cr13211.pdf> (Дата обращения – 27.02.2014.)
24. Pettis M. What makes Mr. Zhang save? // *The Wilson Quarterly* / *Woodrow Wilson international center for scholars*. – 2009. – Summer. – Mode of access: <http://www.wilsonquarterly.com/essays/what-makes-mr-zhang-save> (Дата обращения – 27.02.2014.)

25. Pettis M. Winners and losers in China's next decade // McKinsey Quarterly. – 2013. – June. – Mode of access: http://www.mckinsey.com/insights/asia-pacific/winners_and_losers_in_chinas_next_decade (Дата обращения – 27.02.2014.)
26. Reducing business travel costs: The success of APEC's business mobility initiatives // APEC. – 2011. – November. – Mode of access: http://publications.apec.org/publication-detail.php?pub_id=1214 (Дата обращения – 27.02.2014.)
27. Tseng W., Zebregs H. Foreign direct investment in China: Some lessons for other countries // China: Competing in the global economy / International monetary fund; Tseng W., Rodlauer M. (Eds.). – Washington, DC, 2002. – P. 68–88.
28. World investment report 2013: Global value chains: Investment and trade for development / UNCTAD. – N.Y.; Geneva, 2013. – 264 p. – Mode of access: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013_en.pdf (Дата обращения – 27.02.2014.)

С.В. Михневич

ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: РОЛЬ КНР И США¹

Аннотация. В рамках статьи рассматриваются основные направления и проблемные поля эволюции регионального комплекса безопасности в Юго-Восточной Азии под воздействием внешней политики КНР и США в 1990–2010-е годы.

Abstract. Within the framework of the article the author reviews the principle directions and problem areas of the evolution of the regional security complex in South-East Asia under the influence of the American and China's foreign policy in the 1990–2010s.

Ключевые слова: КНР, США, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, регионы, регионализация, региональный комплекс безопасности, архитектура безопасности, нетрадиционная безопасность, традиционная безопасность.

Keywords: PRC, the US, South-East Asia, ASEAN, the regions, regionalization, regional security complex, architecture of security, non-conventional security, conventional security.

Региональный комплекс безопасности как механизм организации региональных отношений

На начало XXI в. пришелся очередной этап эволюции глобальной системы международных отношений. «Тектонические сдвиги», начавшиеся в ней с окончанием «холодной войны» и приведшие к разрушению существовавшего глобального баланса

---

¹ Данная статья подготовлена при поддержке гранта НИУВШЭ НУГ 14-05-0042 «Анализ влияния структурных проблем отношений США с Россией, Китаем, Индией и Бразилией на развитие глобального управления».

сил, не способствовали формированию устойчивой платформы для создания новой системы международных отношений, построенной вокруг нового, единственного центра силы – США.

После окончания «холодной войны» система международных отношений была практически подчинена политике одного государства. Однако дальнейшая эволюция привела к тому, что уже в первом десятилетии XXI в. остро проявилась нежизнеспособность моноцентричной системы мироустройства. На международной арене в число лидеров стали выдвигаться новые субъекты мировой политики. Их деятельность способствовала активизации различных тенденций и процессов, не характерных для предыдущего этапа развития системы международных отношений. В частности, существенным образом возросла роль регионов как самостоятельных элементов системы международных отношений. Это, в свою очередь, сделало необходимым обращение к региональному уровню анализа международных процессов при изучении проблематики безопасности – главной сферы международных отношений.

Достаточно целостное теоретическое обоснование процессов, приводящих к формированию регионов в качестве составных компонентов и акторов мировой политики, содержит предложенная представителями Копенгагенской школы международных отношений Барри Бузаном и Оли Вевером теория региональных комплексов безопасности (РКБТ). В соответствии с ней ключевую роль в процессах регионализации играют проблемы безопасности, определяемые в процессе секьюритизации¹. Осознание необходимости коллективных усилий для разрешения ряда наиболее значимых проблем безопасности приводит к формированию регионального комплекса безопасности (РКБ) – «группы единиц, чьи основные дискурсивные процессы секьюритизации и десекуритизации настолько взаимосвязаны, что проблемы их национальной безопасности не могут рассматриваться в отдельности друг от друга» (19, с. 201). Таким образом, согласно РКБТ, региональные комплексы безопасности – это региональные пространства, рассматриваемые с точки зрения проблем безопасности.

---

¹ Секьюритизация – «дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе формируется восприятие того или иного фактора в качестве значимой угрозы, понимание необходимости принятия срочных исключительных мер по ее разрешению, а также выражается соответствующий призыв» (18, с. 491).

По мнению Б. Бузана, на современном этапе у отдельных региональных подсистем безопасности как составных частей международной системы существует значительная автономия в отличие от всеобъемлющей жесткой структуры времен «холодной войны». Изменился статус регионов в системе международных отношений – из отдельных областей соперничества глобальных сверхдержав, служащих транспонированию их глобальных возможностей, регионы стали самостоятельными элементами международной системы, оказывающими непосредственное влияние на политику глобальных игроков.

Если раньше регионы выступали в роли объектов международных отношений, то теперь они все чаще становятся их субъектами. В некоторых случаях отдельные регионы являются центрами силы, способными выступать в качестве драйверов интеграционных процессов, «стягивающих» несколько отдельных РКБ в единый макрорегиональный комплекс. Такое развитие событий наблюдается сегодня в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где подобным интеграционным ядром становится Юго-Восточная Азия (ЮВА). Следовательно, АТР (с определенными допущениями, касающимися, прежде всего, географического пространства макрорегиона, размытости его границ и их чрезмерной протяженности) может рассматриваться в качестве региональной системы взаимоотношений по вопросам безопасности. Ключевыми региональными акторами в АТР являются Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика.

Указанная концепция положена в основу анализа эволюции архитектуры безопасности на Тихом океане (конкретно – в его юго-восточной части) и выявления роли Соединенных Штатов и КНР в данном процессе.

Одной из ключевых особенностей эволюции большинства РКБ на современном этапе является расширение круга проблем безопасности, находящихся в фокусе региональной секьюритизации. Раньше в центре взаимодействия по проблемам безопасности в подавляющем большинстве случаев находились проблемы традиционной, государственной безопасности (40, с. 49), т.е. проблемы безопасности военного, политического и дипломатического характера, индуцируемые государствами как однотипными акторами¹. В центре взаимодействия в рамках современных РКБ лежат

---

¹ При этом в качестве объекта подобной деятельности выступали другие государства как соперничающие акторы в борьбе за перераспределение влияния в рамках международной системы.

не только традиционные проблемы безопасности, но и угрозы, вызовы и риски нетрадиционного ряда (новые угрозы, вызовы, риски), к которым относятся иные факторы, затрудняющие нормальное функционирование суверенных государств и существование человечества (20). Источники подобных проблем безопасности, как правило, имеют негосударственную природу, т.е. их индукция осуществляется не в рамках существующей системы международных отношений.

На сегодняшний день в научном сообществе не существует единого мнения относительно методологии классификации и ранжирования нетрадиционных проблем безопасности.

В настоящей работе классификацию нетрадиционных проблем безопасности предлагается осуществить посредством их разделения на две базовые группы в зависимости от наличия или отсутствия вооруженной угрозы или вооруженной компоненты индукции и (или) разрешения проблемы безопасности. В группу проблем безопасности с вооруженной компонентой (нетрадиционные вооруженные проблемы безопасности) предлагается включить проблемы безопасности, в целях разрешения которых в качестве одного из базовых средств применяется легитимное насилие. Примером можно назвать сепаратизм, наркоторговлю, коррупцию. В группу проблем безопасности без вооруженной компоненты (нетрадиционные невооруженные проблемы безопасности) могут быть отнесены различные явления и события, приводящие к снижению общего уровня безопасности отдельных акторов, но индукция и (или) разрешение которых не связаны с применением легитимного насилия как одного из базовых средств.

Распространение нетрадиционных проблем безопасности не означает, что традиционные проблемы безопасности в форме межгосударственных конфликтов сходят на нет. Однако усиление влияния проблем нетрадиционной безопасности и стремление международных акторов найти на них адекватный ответ, в том числе посредством приложения коллективных механизмов и структур, привели к появлению феномена сетевой интеграции близлежащих РКБ в макрорегиональный комплекс безопасности.

Именно такая ситуация сложилась в АТР, где взаимодействие между региональными и внерегиональными акторами в РКБ Юго-Восточной Азии (РКБ ЮВА) приводит к постепенному «стягиванию» близлежащих регионов в объединенный макрорегиональный комплекс безопасности Большая Восточная Азия.

Важную роль в активизации данного процесса играет деятельность региональной интеграционной группировки Юго-Восточной Азии – Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), обладающей высоким международным авторитетом и значительным опытом в создании механизмов организации макрорегионального взаимодействия по широкому спектру вопросов безопасности.

Основные параметры регионального комплекса безопасности в Юго-Восточной Азии на момент окончания «холодной войны»

В начале 1990-х годов в регионе не существовало единого комплекса безопасности. АСЕАН являлась субрегиональной организацией, поскольку в ее состав не входили страны Индокитае. То есть в пределах Юго-Восточной Азии существовали два практически независимых РКБ: один в Индокитае, второй объединял тогдашних членов АСЕАН.

На тот момент основой региональной секьюритизации были вопросы традиционной безопасности, что, в частности, было связано с необходимостью ликвидации «постбиполярного раскола» и предотвращения эскалации существовавших напряженностей как в отношениях внутри ЮВА, так и в отношениях стран ЮВА с КНР. В системе координат «дружба – соперничество – вражда» в секьюритизации стран региона КНР располагалась на отрезке «соперничество – вражда» с тяготением к «вражде». Китай воспринимался в качестве основной угрозы региональной безопасности. Между тем соперничество КНР и США за максимизацию собственного влияния в регионе являлось фактором, определяющим динамику региональных процессов безопасности и направления эволюции региональной архитектуры безопасности.

Структурным элементом региональной архитектуры безопасности по-прежнему оставалась система двусторонних союзов между США и странами региона, посредством которой осуществлялось проникновение Соединенных Штатов в региональные процессы безопасности.

С окончанием «холодной войны» изменение системы международных отношений привело к резкому росту значимости региональных интеграционных объединений (группировок).

Если раньше они выступали в роли механизмов трансляции влияния двух мировых полюсов силы, то теперь подобные объединения стали утверждаться в роли самостоятельных единиц между-

народных отношений. Архитектура безопасности в Юго-Восточной Азии также стала меняться в направлении соответствия требованиям изменившейся глобальной и региональной среды. Определяющим фактором указанной эволюции стала деятельность АСЕАН как базовой структуры региональной секьюритизации, moderирующей динамику и направления развития процессов взаимодействия по проблемам безопасности в ЮВА. Это связано с некоторыми особенностями АСЕАН как региональной интеграционной группировки, оказывающей эффективное воздействие на политику внерегиональных акторов вообще и США в частности.

Во-первых, размер данного регионального объединения достаточно велик, что вынуждает мирового лидера, США, учитывать позицию Ассоциации при реализации собственной политики в регионе. В противном случае глобальный лидер рискует утратить возможность эффективного участия в региональных отношениях и его место в качестве локального центра силы может занять региональный лидер.

Во-вторых, в любых переговорах региональное объединение выступает с более жестких позиций. АСЕАН основывается на консенсусе всех ее членов, поэтому любое серьезное изменение в отношениях Ассоциации с внерегиональными акторами связано с опасностью нарушить консенсус. С другой стороны, правило консенсуса изначально ограничивает гибкость АСЕАН в переговорном процессе, делает невозможным резкую смену политики, что также способствует определенной стабильности в региональных отношениях.

В-третьих, интеграционные группировки коллективно защищают своих членов от конкуренции со стороны внерегиональных государств. Для повышения действенности подобной конкуренции страны региона должны эффективно использовать имеющиеся у них относительные и абсолютные экономические преимущества. Поиск оптимальных механизмов их максимизации стимулирует экономические связи внутри интеграционного объединения. В итоге члены региональной группировки косвенно подвергаются воздействию законов мирового рынка, что затрудняет использование мировым лидером экономических методов воздействия на данное объединение (40).

В-четвертых, США вынуждены изыскивать новые способы подтверждения собственной значимости и легитимности в обеспечении региональной безопасности. Причиной этого является определенное улучшение имиджа Китая в регионе за счет проведения

прагматичной, рациональной политики: КНР перестала восприниматься в регионе в качестве главной угрозы безопасности, могущей в любой момент развязать вооруженный конфликт. В качестве средства дальнейшей оптимизации и гармонизации отношений с Китаем АСЕАН сформировала систему механизмов по вовлечению КНР в региональные отношения, что также ограничило «свободу маневра» для США.

В-пятых, система двусторонних союзов в регионе, созданная США, не может эффективно справляться с новыми нетрадиционными угрозами безопасности, значимость которых в региональном секьюритизационном дискурсе постоянно повышается. Анализ документов АСЕАН в области безопасности свидетельствует о том, что региональный дискурс касается, в основном, вопросов нетрадиционной безопасности, которые фигурируют в нем с 1990-х годов (29, с. 87).

Отмеченные выше факторы заставляют США, а также иных внерегиональных акторов играть по «правилам», устанавливаемым АСЕАН, и принимать участие в механизмах, модерируемых Ассоциацией. Определяющий статус АСЕАН подтверждается тем фактом, что на различных площадках Ассоциации, в первую очередь, Региональном форуме АСЕАН (АРФ) и Восточноазиатском саммите, осуществляются комплексное взаимодействие и сотрудничество между всеми основными участниками региональных отношений, включая США, КНР, Японию, Индию и Россию, не говоря уже о представительстве интересов всех стран Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем деятельность АСЕАН, выступающей в роли институционального выражения РКБ, также осложнена внутренней неоднородностью Ассоциации, что накладывает отпечаток на процесс индивидуальной и коллективной секьюритизации стран региона (5, с. 106).

Многие страны АТР либо являются преимущественно мусульманскими по религиозному составу населения (Индонезия, Малайзия, Бруней), либо имеют в составе населения достаточно многочисленные мусульманские меньшинства (Таиланд, Вьетнам, Мьянма), в силу чего в регионе остро стоит проблема исламского радикализма и необходимости выработки политически приемлемой реакции на его проявления. К тому же страны региона неоднородны в плане экономического развития. К странам с высоким уровнем развития относятся Сингапур и Бруней; со средним – Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Вьетнам; с низким – Лаос, Камбоджа, Мьянма. Такие различия приводят к разному пониманию

ими своих экономических интересов и, следовательно, к отсутствию единства в вопросах обеспечения национальной безопасности. Вдобавок ЮВА характеризуется специфическим разнообразием политических режимов: Мьянма – военная диктатура; Лаос и Вьетнам – социалистические государства; Камбоджа, Таиланд, Бруней – монархии; Филиппины, Индонезия, Сингапур, Малайзия – нелиберальные демократии с особой национальной спецификой.

Структурные особенности региональной архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии

На сегодняшний день можно выделить пять групп узловых проблем, относящихся к различным типам безопасности в Юго-Восточной Азии.

Территориальные споры в Южно-Китайском море

Индукция проблем данной группы традиционной безопасности, в основном, связана с политикой внерегиональных акторов по достижению следующих стратегических целей.

- Обеспечение ресурсной безопасности КНР и Японии.
- Распространение суверенитета КНР над обширными спорными районами акватории Южно-Китайского моря (далее – ЮКМ).
- Стремление США и Японии воспрепятствовать дальнейшему усилению влияния КНР в регионе.
- Стремление стран региона расширить собственные экономические возможности (ввиду особой значимости понятия суверенитета в региональной секьюритизации).

Усиление гонки вооружений в регионе

Данная проблема традиционной безопасности связана, прежде всего, с модернизацией Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и увеличением военных расходов стран региона в процессе гонки вооружений и накопления конфликтного потенциала.

Китай заинтересован в дальнейшем усилении региональных возможностей в проецировании силы для обеспечения собственной ресурсной безопасности и создания контрбаланса американскому военному и экономическому присутствию. Укрепление и расширение военно-политических возможностей должно, по мнению правящей элиты КНР, символизировать новый международ-

ный статус Китая, его готовность быть новым центром силы, а также стремление защитить свои экономические и политические успехи и достижения.

Усиление Китая заставляет страны региона тратить дополнительные средства на собственную оборону и привлекает внимание США, обеспокоенных утверждением КНР в качестве нового регионального лидера. Ближайший союзник США в АТР, Япония, также опасается усиления КНР. Однако обеспокоенность Японии усилением Китая вызвана не опасениями из-за угрозы нападения, а растущими возможностями Китая влиять на обеспечение ресурсной безопасности Японии и ее торговые отношения с другими странами и регионами.

Транснациональные угрозы безопасности

Проблемы данной группы включают в себя угрозы пиратства, наркоторговли, терроризма, транснациональной преступности в регионе. Сотрудничество в борьбе с этими угрозами является «стержнем» региональной архитектуры безопасности, поскольку именно здесь практически совпадают интересы всех региональных и внерегиональных акторов. Эта проблематика относится к вопросам нетрадиционной безопасности с вооруженной компонентой.

Нетрадиционные «повседневные» угрозы безопасности (6; 38)

Четвертая группа проблем безопасности связана с такими региональными угрозами, как сепаратизм и экстремизм, и отчасти интегрированным с ними терроризмом – проблемами нетрадиционной безопасности с вооруженной компонентой.

Относительно методов борьбы с террористической угрозой наблюдаются серьезные расхождения позиций Китая, стран АСЕАН и Японии, с одной стороны, и США – с другой. Причина этого кроется в различном отношении акторов к понятию суверенитета и праву государств самостоятельно решать свои внутренние проблемы. АСЕАН и КНР придерживаются политики невмешательства во внутренние дела суверенных государств. США, как и следующая в фарватере их внешней политики Япония, считают возможным проведение в случае необходимости политики гуманитарной интервенции.

Проблемы обеспечения устойчивой среды регионального развития

Пятая группа проблем, включающая необходимость создания эффективных механизмов поддержания стабильности, управляемости во внутрорегиональной системе посредством экономических инструментов, объединяет точки зрения Китая, Японии и стран АСЕАН. Однако позиция США по данной проблематике неоднозначна и диктуется, в основном, не объективными потребностями региональной безопасности, а возможностью применения подобных механизмов для увеличения или уменьшения американского влияния в регионе. Настоящая проблематика безопасности относится к сфере нетрадиционной безопасности без вооруженной компоненты.

В регионе существует четыре основные модели сотрудничества по вопросам безопасности, которые формируют региональную архитектуру.

1. Многосторонние механизмы безопасности с участием внерегиональных держав, инициатива создания которых исходила не от АСЕАН: «соглашения об обороне между пятью силами» (Five Powers Defense Arrangements); антипиратское сотрудничество, модерлируемое Японией (34).

2. Возглавляемое Соединенными Штатами сотрудничество в сфере безопасности, включающее в себя систему двусторонних союзов и соглашений о безопасности, а также многосторонних инициатив.

3. Направляемая Китаем, но основанная АСЕАН модель сотрудничества, наиболее ярким примером которой является АСЕАН+3.

4. Многосторонние механизмы безопасности под руководством АСЕАН: АРФ, встречи министров обороны стран АСЕАН (ASEAN Defence Ministers Meeting-PLUS – ADMM+).

Для понимания ключевых особенностей, лежащих в основе формирования макрорегионального пространства на основе структур взаимодействия, действующих в ЮВА, первостепенное значение имеет анализ многосторонних механизмов, созданных по инициативе АСЕАН. Именно они наиболее точно отображают процессы региональной секьюритизации, ее особенности и цели, отношение к сотрудничеству с внешними акторами и организацию отношений в рамках РКБ.

В развитии регионального взаимодействия по проблемам безопасности после окончания «холодной войны» хронологически можно выделить три основных этапа:

- I этап: с 1990 по 1997 г.
- II этап: с 1998 по 2008 г.
- III этап, начавшийся в 2008 г.

Анализ проблематики региональной безопасности в ее эволюции позволяет выявить основные факторы динамики региональных процессов безопасности, а также определить приоритеты региональной секьюритизации.

I этап эволюции регионального комплекса безопасности, 1990–1997 гг.

На данном этапе четко обозначились две основных тенденции: преодоление постбиполярного субрегионального раскола и вовлечение КНР в процессы региональной секьюритизации.

Первая из этих тенденций была связана с интеграцией государств Индокитая – Лаоса, Камбоджи, Вьетнама и Мьянмы – в региональный комплекс безопасности ЮВА. Основной целью их интеграции было недопущение формирования в рамках РКБ соперничающего полюса силы, а также повышение значимости Ассоциации на международной арене. Включение упомянутых государств в состав АСЕАН было последовательно осуществлено в ходе первого этапа развития РКБ после «холодной войны»: в 1995 г. в Ассоциацию был принят Вьетнам, в 1997 г. – Лаос и Мьянма, в 1999 г. – Камбоджа¹.

Наряду с позитивными результатами включения этих стран в АСЕАН, такими как объединение региона в рамках единой интеграционной группировки, повышение значимости Ассоциации благодаря продвижению интеграционного процесса, улучшение ситуации в сфере нетрадиционной безопасности на территориях, граничащих с другими РКБ, наблюдались и негативные последствия. АСЕАН стала гораздо более гетерогенной организацией, что сказалось на эффективности внутрорегиональной секьюритизации.

Вторая тенденция в развитии РКБ была связана с политикой вовлечения Китая в региональные процессы. После окончания

---

¹ Вступление Камбоджи в АСЕАН также было назначено на 1997 г. – к 30-летию организации, но из-за внутривнутриполитического кризиса в стране было отложено на два года.

биполярного противостояния и снижения участия США и СССР в региональных процессах в ЮВА образовался «вакуум безопасности»¹, и наиболее вероятным кандидатом на заполнение его стал Китай. В связи с этим в Ассоциации решили прибегнуть к методу вовлечения КНР в многосторонние механизмы взаимодействия по проблемам безопасности для повышения прогнозируемости китайской внешней политики в ЮВА, утверждения мер доверия и условий для налаживания взаимовыгодного сотрудничества между странами региона и Китаем. Еще на саммите АСЕАН 1992 г. в Сингапуре Ассоциация взяла курс на повышение уровня «политического и экономического сотрудничества для поддержания мира и благополучия в регионе» (35). В декларации Сингапурского саммита также говорится, что АСЕАН будет изыскивать средства для продвижения идеи межрегионального диалога в целях улучшения ситуации в сфере региональной безопасности (35).

Для участия внешних акторов в процессах региональной секьюритизации был создан новый механизм диалога: в 1994 г. было объявлено о создании Регионального форума АСЕАН (АРФ) – многосторонней диалоговой площадки по проблемам безопасности в регионе.

В ЮВА были озабочены возможной маргинализацией региональной политики набиравшего силу Китая и связанными с этим негативными последствиями для региональной безопасности. В регионе были заинтересованы в создании действенных рычагов воздействия на механизмы участия КНР в региональных процессах безопасности.

Согласно уставному документу АРФ (13), основной задачей форума является организация конструктивного диалога АСЕАН с партнерами организации посредством прохождения трех последовательных этапов: «...укрепления доверия, развития превентивной дипломатии, выработки общих подходов к урегулированию конфликтов» (8, с. 208). Как отмечает Амитав Ачара, известный эксперт по региональным проблемам в ЮВА, «процесс региональных взаимодействий и сотрудничества в рамках АРФ базируется на постепенности, неформальности, консенсусе, личных политических

---

¹ «Вакуум безопасности» (ВБ) – такое состояние системы международных отношений, при котором существующие в системе механизмы обеспечения безопасности, ее архитектура, не способны обеспечивать приемлемый для системных акторов уровень безопасности, определяемый в ходе секьюритизационных процессов.

связях, неконфронтационной манере ведения переговоров, большей значимости самого процесса по сравнению с результатом» (9, с. 57).

Первоначально скептический настрой руководства Китая по отношению к идее многостороннего механизма с участием Японии и США был связан с опасениями по поводу главенствующей роли данных стран в определении базовых направлений диалогового процесса, а также интернационализации проблемы Тайваня в рамках АРФ. Но взаимодействие в рамках АРФ, основанное на принципах консенсуса в определении повестки дня, а также восприятие многими странами ЮВА Китая в качестве потенциальной угрозы их безопасности заставило КНР принять более активное участие в работе АРФ.

Уже на втором заседании форума в Брунее в 1995 г. в повестку были внесены вопросы о наличии проблем в ЮКМ в связи с захватом Китаем рифа Мисчиф в архипелаге Спратли, принадлежавшего Филиппинам. Однако Китай отказался рассматривать данную проблему в рамках форума. Тем не менее он предоставил заверения о том, что не будет нарушать свободу судоходства в ЮКМ (4, с. 134). Стремление АСЕАН улучшить отношения с Китаем, вовлечь его в позитивный диалоговый процесс заставило ее руководство оставить полное разрешение проблемы ЮКМ на будущее.

Стоит отметить, что на протяжении практически всего I этапа эволюции регионального взаимодействия по вопросам безопасности в ЮВА проблема ЮКМ была главной темой региональной секьюритизации. Тем не менее незадолго до окончания данного этапа в круг коллективной секьюритизации все активнее начали включаться проблемы нетрадиционной безопасности, особенно с вооруженной компонентой (12).

Интересно, что незначительное отражение в официальном дискурсе на I этапе имела проблема пиратства, несмотря на то что с 1990 по 2000 г. Малаккский пролив был районом, где совершалось больше всего пиратских нападений в мире. В реальности разрешением этой проблемы вынуждены были заниматься Сингапур, Малайзия и Индонезия, несущие ответственность за эту зону. Только к середине 2000-х годов благодаря совместным усилиям данных стран, а также Японии, США и КНР удалось существенно улучшить ситуацию, значительно уменьшив число случаев пиратских нападений (28).

II этап эволюции регионального комплекса безопасности, 1998–2008 гг.

Ключевым событием, разделившим этапы развития региональной системы, стал Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., с которого начался II этап развития регионального взаимодействия по проблемам безопасности.

В ходе кризиса 1997–1998 гг. Запад фактически отказался оказать реальную помощь странам ЮВА и даже воспользовался сложившейся ситуацией в своих интересах. Так, США, пытаясь увеличить собственное экономическое влияние в странах региона, навязали им пакет помощи, предоставленный МВФ на очень жестких условиях. Это вызвало в странах ЮВА серьезное недовольство американской политикой (1). Резко ухудшившиеся экономические условия привели к падению уровня жизни и росту экстремистских настроений в странах региона. Правящие элиты были вынуждены прибегать к силовому решению возникающих проблем.

Так, в Индонезии одним из наиболее серьезных последствий Азиатского кризиса 1997–1998 гг. стало падение ВВП на душу населения с 1150–1180 долл. до 600–610 долл. США (36). При этом вернуть экономику на уровень 1996 г. удалось только к 2003 г. (36). Результатом кризиса в экономике Индонезии стало существенное снижение уровня ее безопасности: на территории страны активизировались многочисленные сепаратистские движения. Деятельность одного из них привела в начале 2000-х годов к созданию независимого государства Восточный Тимор.

С точки зрения государств региона США в ходе кризиса утратили нравственное право заниматься обеспечением региональной безопасности. Возможности же самих стран ЮВА в разрешении проблем подобного характера весьма ограничены, что привело к образованию в регионе «вакуума безопасности», являющегося основным источником конфликтного потенциала во всем АТР.

Напротив, Китай, испытывавший в то время экономической подъем, оказал странам ЮВА реальную помощь, отказавшись от девальвации юаня, и предоставил льготные кредиты. На данном историческом этапе Китай уже начал постепенную реализацию политики «мирного восхождения» (официально сформулированной в 2003 г.), в соответствии с которой КНР считала необходимым заботиться о мирном международном окружении для обеспечения своего прогрессивного поступательного развития. Деятельность Китая в рамках «мирного восхождения» сформировала иную поли-

тико-экономическую повестку дня, близкую интересам пострадавших от кризиса государств ЮВА. Подход, предлагавшийся Китаем, резко контрастировал с «погоней» за собственной выгодой, характерной для политики США и поддерживающей эту политику Японии. КНР предлагала создать региональные зоны свободной торговли в качестве одного из эффективных средств улучшения экономической ситуации в регионе и налаживания отношений между партнерами, не выдвигая никаких дополнительных требований в виде защиты прав человека или либерализации участия зарубежных компаний в экономике стран ЮВА.

Китай, показав себя ответственным участником региональных процессов, оказал определяющее влияние на окончательное оформление схемы сотрудничества «АСЕАН+3» (АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея). При этом КНР завоевала в этой схеме ключевую позицию – не «вовлекаемого», а «вовлекающего» актора (2, с. 118). Фактически Китай воспользовался Азиатским кризисом для демонстрации «обновленного лица» своей внешней политики, декларированного в новой концепции безопасности, впервые представленной КНР на заседании АРФ в Пекине в 1997 г. (38, с. 19). В дальнейшем КНР продолжила наращивать влияние в рамках данной схемы, создав, по сути, собственную с АСЕАН диалоговую площадку «АСЕАН+1» («АСЕАН + Китай»). Региональные процессы развивались на фоне распространения среди истеблишмента ЮВА точки зрения, согласно которой Запад если не спровоцировал кризис, то оставил страны Восточной Азии без какой-либо поддержки в устранении его последствий (7).

Новая дипломатия «мирного восхождения» КНР характеризуется следующими отличительными чертами, обусловившими ее успешность (41, с. 33).

- Вместо проведения политики в духе «потерпевшей жертвы» Китай стал выступать в роли ответственной великой державы, стремящейся найти обоюдовыгодное решение.

- Китайское руководство, изначально действовавшее с позиций недоверия «мультилатерализму» (многосторонности) из-за боязни, что многосторонние институты могут быть использованы для «сдерживания» КНР, пришло к выводу, что участие в подобных механизмах позволит стимулировать экономическое развитие, торговлю, даст возможность проводить в жизнь собственные интересы в области безопасности и поспособствует сдерживанию США с их «односторонним» («однополярным») подходом.

- По многим спорным вопросам международных отношений КНР стала выступать с более прагматичных и рациональных, нежели ранее, позиций, уделяя больше внимания стратегическим выгодам от корректировки своей политики.

- Китай пришел к пониманию того, что его действия оказывают определяющее влияние на весь Азиатско-Тихоокеанский регион, и поэтому ему необходимо повышать меры доверия к своей политике, снижать опасения других государств насчет возможных последствий своих действий.

- Китай стал принимать активное участие в налаживании региональных отношений (так, например, на территории КНР были проведены шестисторонние переговоры по корейскому ядерному оружию).

В 2000 г. КНР предложила странам АСЕАН создать совместную зону свободной торговли (ЗСТ), что должно было способствовать повышению устойчивости и эффективности региональных экономик. В 2003 г. Китай стал первым внерегиональным государством, присоединившимся к Балийскому договору 1976 г. (26), что демонстрировало стремление КНР укрепить свое влияние в регионе. Тогда же был утвержден план действий по имплементации Совместной декларации между КНР и АСЕАН о стратегическом партнерстве (32). А в 2004 г. КНР и АСЕАН приняли Меморандум о взаимопонимании по вопросам нетрадиционной безопасности. Тогда же, в 2004 г., по инициативе Китая отношения между АСЕАН и КНР получили статус «улучшенных стратегических» (38) и был утвержден пятилетний план действий (38), выполняющий который Китай и АСЕАН к концу 2006 г. создали в общей сложности 28 «механизмов рамочного сотрудничества», включающих регулярные консультации высших должностных лиц по вопросам стратегического и политического сотрудничества в сферах безопасности, ежегодные конференции глав МИД и ежегодные саммиты. Анализируя взаимодействие между АСЕАН и КНР на втором этапе развития регионального взаимодействия после «холодной войны», можно сделать вывод о том, что у РКБ в ЮВА явно изменилась направленность: взаимодействие по проблемам традиционной безопасности было дополнено комплексным сотрудничеством в разрешении проблем нетрадиционной безопасности. Китай стал восприниматься АСЕАН в качестве важнейшего партнера в сфере разрешения проблем нетрадиционной безопасности.

Наряду с экономическим кризисом 1997–1998 гг. серьезное влияние на развитие регионального диалога по проблемам безопас-

ности оказали теракты 11 сентября 2001 г. в США. В региональном дискурсе на первый план начали выходить проблемы нетрадиционной безопасности с вооруженной компонентой. 5 ноября 2001 г. была опубликована Декларация АСЕАН о совместных действиях по противостоянию терроризму (11). Активизировалось сотрудничество по данной проблематике и с внерегиональными акторами. 1 августа 2002 г. была опубликована совместная Декларация АСЕАН – США о сотрудничестве в сфере противодействия терроризму (15). Данная тема стала одной из основных на состоявшемся в том же году очередном заседании АРФ. В официальном заявлении, опубликованном по его итогам, значительное внимание уделялось координации действий по борьбе с терроризмом, включавшей обмен информацией и содействие в борьбе с терроризмом (10). 4 ноября 2002 г. между АСЕАН и Китаем были подписаны Совместная декларация о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности, направленная на усиление взаимодействия в данном направлении (27), а также Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море (далее – Декларация о поведении сторон) (25). Подписание этих документов стало краеугольным камнем в выстраивании отношений по вопросам безопасности между сторонами в дальнейшем. Кроме того, к числу ключевых документов, лежащих в основе взаимодействия по вопросам безопасности в АСЕАН, относятся Договор о дружбе и сотрудничестве 1976 г. (23), Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в ЮВА (Бангкокский договор) 1995 г. (39), концепция «АСЕАН-2020» (44), Вторая декларация согласия 2003 г. (24). В соответствии с ключевыми положениями указанных документов страны сообщества связаны обязательством решать региональные проблемы без применения силы или угрозы силы. Безопасность рассматривается ими как комплексное явление, а безопасность отдельных государств региона неотделима от безопасности остальных.

С публикацией в 2007 г. Хартии АСЕАН Ассоциация активно пытается углубить и расширить сотрудничество в новых измерениях безопасности наряду с использованием форматов существующих диалоговых площадок, стремится делать все больший упор на практическую реализацию выдвигаемых инициатив. Некоторые эксперты говорят о том, что от того, насколько Ассоциации удастся продвинуться по пути «реальных действий, а не разговоров», зависит ее будущее в качестве движущей силы регионализации в ЮВА. Более того, существуют мнения, что в случае, если АСЕАН не удастся реформировать существующую систему диалоговых площадок в

пользу более эффективных механизмов обеспечения безопасности, может быть поставлен вопрос о существовании самой Ассоциации. Процесс секьюритизации обратим, и в случае, если элиты стран региона столкнутся с ситуацией, когда реформирование Ассоциации зайдет в тупик и ее развитие сменится стагнацией (17), они вполне могут отказаться от своего участия в ней.

III этап эволюции регионального комплекса безопасности, с 2008 г.

Третий этап развития взаимодействия по проблемам безопасности начался в 2008 г. с началом глобального экономического кризиса. Проблемы обеспечения нетрадиционной безопасности по-прежнему остались в основе региональной секьюритизации. Так, в 2009 г. в Камбодже состоялась первая встреча на уровне министров АСЕАН+Китай по проблемам транснациональной преступности (28), в результате которой был подписан пятилетний план по имплементации Меморандума о взаимопонимании между КНР и АСЕАН по проблемам нетрадиционной безопасности (31). Но одновременно вновь возросла актуальность традиционных проблем региональной безопасности – спорных территорий в ЮКМ и модернизации НОАК.

Отличительной особенностью китайской политики в отношении спорных территорий является стремление решать все проблемы на двустороннем уровне, в то время как США, стремящиеся использовать территориальные споры между КНР и странами ЮВА в свою пользу, настаивают на интернационализации проблемы.

В этом плане показательно выступление Госсекретаря США Х. Клинтон на Ханойском заседании АРФ в 2010 г., где она заострила внимание на следующих моментах (3).

1. Х. Клинтон подняла вопрос о выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, подчеркнув, что ряд положений Декларации о поведении сторон отвечают интересам КНР в гораздо большей степени, чем интересам стран ЮВА.

2. Американский Госсекретарь заявила о готовности США быть посредником между заинтересованными сторонами при внедрении в практику положений Декларации о поведении сторон, а также подняла вопрос о подключении «мирового сообщества» к влиянию на обстановку в ЮКМ.

3. Х. Клинтон подчеркнула необходимость разграничить «допустимость (*legitimacy*) притязаний на участки суши ЮКМ

и его акваторию», направив Китаю вполне отчетливый сигнал о непризнании его притязаний на 80% ЮКМ.

Несмотря на то что на тот момент позиция США не получила развития в виде конкретных действий, подобное отношение Америки к ключевому для стран региона вопросу показательно. Не желая уступать Китаю лидерство в стратегически важном регионе, США с самого начала первого президентского срока Барака Обамы приняли решение пересмотреть собственную политику в ЮВА в пользу расширения американского присутствия в регионе. Проведение в жизнь данного решения подразумевало более широкое представительство США на региональных диалоговых площадках, а также укрепление партнерских отношений с ведущими региональными акторами. Это привело к подписанию Соединенными Штатами в июле 2009 г. Балийского договора 1976 г. После этого последовало уже упоминавшееся выступление Х. Клинтон на Ханойском заседании АРФ, обозначившее магистральную линию поведения США в отношении ключевой региональной проблемы традиционной безопасности.

Новый шаг США сделали на саммите АТЭС 2011 г. в Гонолулу, когда в выступлении, предварявшем саммит, Хилари Клинтон заявила, что «XXI век станет тихоокеанским веком Америки» (22). Это направило четкий сигнал руководству КНР и АСЕАН относительно желания США принимать активное участие в региональной политике.

Подобная активность Соединенных Штатов способствовала продвижению диалогового процесса между Китаем и АСЕАН в направлении заключения новых договоренностей относительно проблемы ЮКМ. Так, на состоявшемся 22–23 июля 2011 г. на острове Бали совещании министров иностранных дел стран Восточноазиатских саммитов Китай и АСЕАН подписали План действий по реализации Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море (37). Любопытно, что подписание данного документа состоялось в присутствии Госсекретаря США Хилари Клинтон, которая представляла США в качестве нового участника Восточноазиатского саммита. Таким образом, США удалось расширить свое проникновение в региональные отношения через структуру, изначально создававшуюся для их «выключения» из региона. Кроме того, в 2011 г. к Восточноазиатскому саммиту наряду с США присоединилась Россия, что в перспективе может отразиться на дальнейшей эволюции данного механизма.

Присоединение США к Восточноазиатскому саммиту также связано с изменением восприятия ими военно-политических возможностей КНР и перспектив их использования. США оправдывают увеличение своего присутствия в регионе необходимостью повышения безопасности путей транспортировки энергоресурсов, а также обеспечения региональной безопасности. Они не могут допустить дальнейшего усиления влияния КНР и вынуждены изыскивать новые способы сдерживания Китая (30). Кроме того, нейтрально-позитивное отношение стран региона к возвращению широкомасштабного, в том числе силового присутствия США в региональных отношениях может свидетельствовать о том, что они также заинтересованы в поиске полноценного балансира для чрезмерно усиливающегося влияния Китая в ЮВА. Это может быть расценено как определенный возврат в прошлое в секьюритизации стран региона, опасения которых в отношении Китая вновь стали расти. Возвращение США в регион позволит странам, связанным с ними договоренностями в сфере безопасности, осуществить модернизацию и повысить боеспособность собственных вооруженных сил, что также вызывает беспокойство КНР. Ввиду этого Китай предпринимает действия, направленные на ослабление АСЕАН за счет выстраивания «особых отношений» с ее отдельными членами, а затем их использования для предотвращения принятия Ассоциацией решений, противоречащих интересам КНР.

Так, по результатам 45-й встречи министров иностранных дел стран АСЕАН, состоявшейся 9 июля 2012 г. в Пномпене, впервые за всю историю Ассоциации не была принята совместная декларация из-за отказа Камбоджи, председательствовавшей на встрече, включить в текст декларации параграфы, касающиеся совместной позиции стран АСЕАН по проблеме ЮКМ (37). Дальнейший прогресс в разрешении проблемы ЮКМ связан с выработкой Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, принятие которого является одним из этапов реализации подписанного Плана действий. Однако выработка указанного документа осуществляется крайне медленно и непоследовательно, свежим примером чего могут служить результаты «Форума высокого уровня», состоявшегося 2 августа 2013 г. в Таиланде.

Одним из вопросов повестки дня указанного мероприятия стало определение подходов АСЕАН и Китая к реализации Декларации о поведении сторон. Фактором, определившим результаты Форума, стала чрезвычайно осторожная позиция Таиланда, председателя встречи, по вопросу выработки Кодекса поведения сто-

рон. В соответствии с ней, проблема ЮКМ не должна служить барометром отношений между Китаем и АСЕАН (3). Подобная аморфность может свидетельствовать о том, что в АСЕАН отсутствует единая позиция по данному вопросу и Ассоциация в целом не готова идти на обострение отношений со своим могучим соседом из-за интересов ее отдельных членов.

Ключевым результатом указанной встречи для Соединенных Штатов стала демонстрация нарастающего регионального влияния Китая, продемонстрировавшего новый подход к достижению своих целей. Теперь благоприятную Китаю позицию поддерживала не слабая Камбоджа, зависящая от китайской помощи, но достаточно сильный и самостоятельный Таиланд. Одновременно с проведением Форума Китай направил в США протест в ответ на принятие американским Сенатом резолюции, содержащей обеспокоенность действиями КНР в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях (3). Подобное поведение Китая четко демонстрирует его нежелание допускать возможность будущей интернационализации проблемы ЮКМ.

Необходимо отметить, что ценным ресурсом для налаживания комплексного позитивного взаимодействия по проблемам безопасности между АСЕАН и КНР стало расширение и углубление экономических связей между сторонами как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Успехи в экономической сфере способствуют укреплению взаимодействия в иных сферах благодаря росту взаимозависимости. Так, товарооборот между Китаем и АСЕАН с 2000 по 2009 г. увеличился в 5,5 раза – с 32,3 млрд долл. до 178,2 млрд долл. (14).

Растущая взаимозависимость экономик привела к тому, что экономические интересы стали иметь определяющее значение при реализации политики безопасности в иных областях, повысив склонность к поиску компромиссных решений по сложным вопросам. Растущая взаимозависимость и понимание важности «безопасности и благосостояния соседей» (42) привели к созданию в рамках АСЕАН+3 мощного инструмента поддержания региональной стабильности посредством реализации многосторонней Чиангмайской инициативы (43, с. 56).

В ее основе лежит стремление стран региона избежать повторения кризисных явлений 1997–1998 гг. посредством заключения валютных своп-соглашений. Чиангмайская инициатива, получившая название по месту проведения форума, предшествовавшего ее созданию в 2000 г., первоначально подразумевала заключение ряда

двусторонних своп-соглашений. Однако по мере роста их числа становилась очевидной необходимость создания единого многостороннего механизма, что и произошло 24 марта 2010 г. (21). В реализации многосторонней инициативы приняли участие все государства АСЕАН, а также партнеры АСЕАН по АСЕАН+3: Китай, Япония, Южная Корея. Общая сумма финансового пула инициативы составила 120 млрд долл. США. Большую часть средств предоставили Китай и Япония – по 38,4 млрд долл. США, и Южная Корея – 19,2 млрд долл. Доля остальных участников инициативы значительно меньше. Распределение долей участия в формировании пула демонстрирует определенную потерю самостоятельности АСЕАН в отношениях с партнерами по АСЕАН+3, поскольку именно государства ЮВА являются наиболее вероятными реципиентами средств из пула Чиангмайской инициативы в случае эскалации финансово-экономического кризиса. Право на использование средств пула у каждой страны корректируется с помощью индивидуального мультипликатора. У КНР и Японии он составляет 0,5; у Южной Кореи – 1; у Индонезии, Малайзии, Брунея, Сингапура, Таиланда и Филиппин – 2,5; у Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы – 5. Все это говорит о том, что страны АСЕАН не могут самостоятельно обеспечить собственную финансовую безопасность. Но в своих действиях они предпочитают полагаться на восточноазиатских партнеров, а не на западных кредиторов. Фактически Чиангмайская инициатива символизирует возвращение в региональной политике к идеям бывшего премьер-министра Малайзии Махатхира Мохаммада, популярным в начале 1990-х годов. Согласно им, страны Восточной Азии смогут определять свое будущее, только объединившись в восточноазиатское сообщество (6, с. 268).

Необходимо отметить, что, несмотря на межрегиональный характер Чиангмайской инициативы, этот механизм вполне может считаться направленным на обеспечение нетрадиционной безопасности в ЮВА. Об этом свидетельствует базовый принцип внесения и расходования средств финансового пула, в соответствии с которым страны ЮВА имеют возможность получить значительно больше средств, нежели они вносят в него.

Ситуация с Чиангмайской инициативой показательна в том, что касается положения АСЕАН в существующей системе отношений в Восточной Азии. АСЕАН является «удобным» центром притяжения, используя который, заинтересованные акторы могут заниматься разрешением тех проблем, которые не могут быть решены в рамках двусторонних отношений, как в случае с КНР и

Японией. При этом именно участие Китая и Японии оказало и оказывает в рамках Ассоциации позитивное влияние на интеграцию новых членов и повышение общего благосостояния и стабильности в регионе.

Возможности АСЕАН заниматься разрешением региональных проблем безопасности базируются не на собственных ресурсах, а на ресурсах внерегиональных акторов, что вносит определенные коррективы в региональный диалог. В перспективе это грозит Ассоциации кризисом управляемости и потерей способности решать конкретные проблемы, а также задавать правила для других игроков. По сути, эффективность РКБ ЮВА в полной мере зависит от того, чем будут руководствоваться на региональной арене внешние акторы, т.е. от того, насколько интересны и ценны для внешних акторов будут механизмы проникновения в регион, предлагаемые АСЕАН. В случае падения их интереса структура РКБ может измениться из-за повышения значимости идей суверенитета отдельных государств в региональной и страновой секьюритизации по сравнению с идеями дальнейшей региональной интеграции. При подобном развитии событий в РКБ может вновь возникнуть существенный конфликтный потенциал по вопросам, которые ранее претерпели десекуритизацию. А это приведет к повышению гетерогенности РКБ и дальнейшему росту зависимости региональной безопасности от политики внерегиональных акторов, когда обеспечение региональной безопасности будет осуществляться на двусторонней или многосторонней основе без участия существующих механизмов безопасности. Тем не менее претворение в жизнь подобного сценария на данный момент представляется маловероятным, поскольку осознание потенциальных угроз традиционной безопасности, исходящих от Китая, оказывает интегрирующее воздействие на РКБ ЮВА.

Несмотря на достигнутые успехи в сфере нетрадиционной безопасности, Китай продолжает выступать в роли основного источника потенциальной военно-политической дестабилизации в ЮВА. Об этом говорит и достаточно невысокая эффективность последних договоренностей по проблемам ЮКМ: китайские корабли военного и рыболовного флота продолжают регулярно появляться у берегов спорных островов, провоцируя ответную реакцию стран ЮВА. Вдобавок ко всему, Китай быстрыми темпами модернизирует свой ВМФ, занимая жесткую позицию по вопросу нарушения государственного суверенитета.

Немаловажно также и то, что развитие событий в ситуации со спорными территориями в ЮКМ в 2013 г. демонстрирует нежелание США принимать активное участие в разрешении проблемы на стороне своих союзников. Несмотря на бедственное положение Филиппин в противостоянии с Китаем в отношении спорных островов и прилегающей акватории ЮКМ, Соединенные Штаты воздержались даже от прямого осуждения действий Китая, сконцентрировав внимание на предоставлении помощи для перевооружения армии Филиппин. Такая пассивная позиция Вашингтона расценивается в Пекине как проявление слабости. Новому руководству Китая, пришедшему к власти осенью 2012 г.¹, необходимо укрепить собственное влияние и авторитет как внутри страны, так и на международной арене. И для этого очень хорошо подходит демонстрация силы в рамках защиты национальных интересов по утверждению суверенитета над спорными территориями. Хотя, возможно, новая перспектива интернационализации проблемы и более активное участие США в будущем заставят КНР подкорректировать свою позицию.

Тем не менее националистический азимут во внешнеполитическом курсе КНР в рамках реализации во внешней сфере политики «китайской мечты», включающий более активное использование собственных возможностей для утверждения в регионе, будет способствовать сохранению существующих напряженностей в отношениях между КНР и странами ЮВА по проблемам традиционной безопасности, причем территориальные споры в ЮКМ и в дальнейшем останутся ключевым проблемным полем с неясной перспективой разрешения, что непременно негативно скажется на безопасности в регионе.

Вместе с тем многочисленные инициативы, связанные с проблемами нетрадиционной безопасности, именно в последнее время начали давать положительный результат. Показателями этого могут служить как непосредственное уменьшение числа случаев противоправной деятельности, так и повышение стабильности среды, увеличение ВВП на душу населения и повышение Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), а также рост взаимозависимости между регионами, что позитивно сказывается на уменьшении напряженностей, включаемых в коллективную секьюритизацию. В этом блоке проблем безопасности роль Китая

---

¹ Официальное утверждение новых руководителей страны состоялось на сессии китайского парламента – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) – уже в 2013 г.

существенно выросла, и Соединенным Штатам пока не удается противопоставить КНР собственный проект, отвечающий интересам стран региона и самих США одновременно.

Заключение

Сегодня на проблемы безопасности воздействует множество факторов, еще несколько лет назад даже не принимавшихся во внимание на внутренней и международной аренах при выработке стратегии развития государств. Невозможность найти эффективное одностороннее решение проблем безопасности заставляет страны все чаще обращаться к сотрудничеству, что приводит к формированию особых механизмов и структур, создающих архитектуру безопасности. Данные тенденции находят отражение в процессах регионализации, приобретших новую динамику в последние десятилетия.

В ходе регионализации страны осуществляют решение возникающих проблем безопасности на уровне отдельных регионов, формируя региональные комплексы безопасности (РКБ). Ввиду особой значимости некоторых регионов во внешнеполитических стратегиях ключевых глобальных игроков течение процессов региональной безопасности здесь получает дополнительную динамику за счет участия мощных внешних акторов, нацеленных на максимизацию своего влияния. К описанной ситуации относится взаимодействие между странами ЮВА с США и КНР.

Ключевым институтом РКБ в ЮВА является АСЕАН, объединяющая практически все государства региона¹. Соперничество за влияние в Юго-Восточной Азии между КНР и США привело к повышению значимости внутрирегиональных механизмов безопасности, функционирующих под эгидой АСЕАН, за счет расширения числа заинтересованных участников. Опасения относительно возможного исключения из процесса также повышают готовность внерегиональных акторов идти на компромиссы и уступки по многим вопросам, важным для стран региона, и, кроме того, тратить значительные ресурсы для завоевания их доверия и положительного отношения.

Так, Китай заключил со странами региона ряд важных соглашений, регламентирующих взаимодействие с АСЕАН по вопросам нетрадиционной вооруженной и невооруженной безопас-

---

¹ За исключением Восточного Тимора.

ности. Особое внимание Китай уделяет расширению экономического измерения региональной безопасности, примером чего могут служить имплементация Чиангмайской инициативы, инвестирование Китаем значительных средств в экономики стран региона, а также предоставление преференций в торговых отношениях между Китаем и АСЕАН.

Подобная деятельность Китая способствовала существенному повышению устойчивости региональных экономик, формированию условий для прогрессивного поступательного развития государств ЮВА, что привело к повышению общего уровня безопасности и, как следствие, улучшению имиджа КНР в регионе.

Однако до сих пор в отношениях между КНР и рядом стран АСЕАН сохраняется напряженность в сфере традиционной безопасности, в частности, по проблемам спорных территорий в ЮКМ. Наряду с экономической ценностью данных территорий, связанной со значительными запасами полезных ископаемых (преимущественно углеводородных) и богатыми промысловыми ресурсами, они обладают выгодным географическим положением, позволяющим осуществлять контроль над маршрутами торговых и военных судов, проходящих через ЮКМ. Кроме того, установление суверенитета над этими территориями имеет важное символическое значение как для Китая, так и для стран ЮВА.

При этом Китай считает необходимым искать решение данной проблемы на двустороннем уровне, не вынося ее на многостороннее обсуждение, что существенно отличает его позицию от подходов стран ЮВА и США, также стремящихся поучаствовать в решении проблемы, поскольку это предоставляет им шанс вернуть утраченную в предыдущие годы легитимность в обеспечении региональной безопасности. Опасения Китая относительно интернационализации проблемы ЮКМ заставляют его тратить значительные ресурсы на улучшение своего имиджа и повышения влияния в сфере нетрадиционной безопасности, предоставлять преференции и идти на уступки странам ЮВА. Однако наращивание экономических и военных возможностей КНР, а также распространение националистических настроений среди высшего руководства страны, символом которых может служить концепция «китайской мечты», в будущем может заставить Китай пересмотреть подходы к своему участию в региональных отношениях.

Для Соединенных Штатов ценность ЮВА и АСЕАН состоит в возможности их использования для ограничения влияния Китая, «запирания» его в регионе, что будет препятствовать распро-

странению китайской совокупной мощи на глобальный уровень. К осознанию ключевого значения ЮВА в «сдерживании» Китая руководство США пришло сравнительно недавно – с началом первого президентского срока Б. Обамы. К этому моменту Китай уже серьезно укрепил свои позиции в регионе за счет заключения ряда комплексных политических и экономических соглашений как с АСЕАН, так и со странами региона по отдельности, что заведомо увеличило издержки США на восстановление и укрепление своего регионального лидерства.

Базовым инструментом участия США в региональных делах, его фундаментом остается система двусторонних договоров, заключенных по итогам Второй мировой войны со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, США стремятся расширять двусторонние связи с теми странами региона, с которыми у них традиционно не было партнерских отношений, например с Вьетнамом или Мьянмой. В последнее время Соединенные Штаты ведут активную политику на региональных многосторонних диалоговых площадках, символом чего стало присоединение США в 2011 г. к Восточноазиатскому саммиту. В том, что касается отношений между странами ЮВА и КНР, США либо придерживаются позиции, близкой странам ЮВА, либо предпочитают не озвучивать свою позицию, если возникающая проблема представляется острой и неоднозначной.

Однако подобные попытки «усидеть на двух стульях» приводят к тому, что Китай, который может понести серьезный ущерб от изменения существующего *status quo*, прибегает к политике дестабилизации АСЕАН как единой организации, отвечающей интересам всех стран ЮВА. За счет развития двусторонних отношений с отдельными членами Ассоциации Китай добивается от них проведения в рамках механизмов АСЕАН дружественной КНР политики, что приводит к эрозии единства организации и снижает ее эффективность.

Тем не менее многостороннее сотрудничество даже по ограниченному числу вопросов позволяет существенно расширить базу для дальнейшего углубления взаимодействия как в сфере укрепления мер доверия и понимания фундаментальных основ внешней политики участвующих акторов, так и в сфере практической реализации достигаемых договоренностей. Успешному взаимодействию способствует наличие значительных политико-экономических ресурсов, имеющихся у всех сторон в сумме.

РКБ в ЮВА является комплексом безопасности с единым центром силы в виде АСЕАН. Однако эффективное взаимодействие по разрешению проблем безопасности в рамках РКБ возможно только при сотрудничестве с внешними акторами, осуществляющемся через сеть двусторонних союзов и многосторонних механизмов, затрагивающих различные сферы безопасности. В этом проявляется двойственность существующей ситуации в РКБ. С одной стороны, определяющее воздействие на региональную динамику взаимодействия по проблемам безопасности оказывают внерегиональные державы – США и Китай. Их противостояние и наполняет РКБ реальным содержанием, формирует региональную архитектуру безопасности. Но с другой стороны, характер противостояния в значимом регионе заставляет и США, и Китай принимать «правила игры», предлагаемые региональными акторами, – в частности АСЕАН.

Можно резюмировать, что сотрудничество по узловым проблемам безопасности становится ключевым элементом «стягивания» регионов Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии в единый комплекс безопасности. При этом взаимодействие по проблемам нетрадиционной безопасности способствует ускорению центростремительных тенденций, а соперничество в вопросах традиционной безопасности является основным источником центробежных тенденций.

Фактически в регионе наблюдается объединение в едином комплексе проблем безопасности странового, регионального, межрегионального и глобального уровней, что происходит через особую сеть диалоговых механизмов, а также благодаря тому, что в разрешении проблем внутрирегиональной безопасности заинтересованы ключевые глобальные акторы – США и КНР.

Несмотря на наличие значительного числа проблемных зон, сотрудничество между АСЕАН, США и Китаем по вопросам обеспечения региональной безопасности в настоящий момент в целом может считаться успешным. Взаимодействие США и Китая является основой дальнейшего реформирования регионального комплекса безопасности в ЮВА, а также создания эффективной архитектуры безопасности в макрорегионе.

Список литературы

1. Андропова И.В. Международный валютный фонд: Вчера, сегодня, завтра // Вестник международных организаций. – М., 2007. – № 6. – С. 34–54. – Режим доступа: <http://iorj.hse.ru/data/2011/05/11/1208857040/mezdval.PDF> (Дата обращения – 28.02.2014.)
2. Канаев Е.А. АСЕАН – КНР: Новая парадигма отношений в сфере безопасности // Проблемы национальной безопасности во внешней политике Китая / РАН. ИМЭМО; Отв. ред. Г.И. Чуфрин. – М., 2005. – С. 107–121.
3. Канаев Е.А. Десятилетие стратегического партнерства АСЕАН – Китай и проблема Южно-Китайского моря: К итогам Форума высокого уровня / РАН. ИМЭМО. – 2013. – 6 августа. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=380 (Дата обращения – 28.02.2014.)
4. Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: История, характер урегулирования, перспективы эволюции. – М.: Готика, 2007. – 324 с.
5. Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: Новые вызовы. – М.: Navona, 2010. – 240 с.
6. Локшин Г.М. АСЕАН+3 и курс на Восточно-Азиатское сообщество // АСЕАН в начале XXI века: Актуальные проблемы и перспективы / РАН. Институт Дальнего Востока; Отв. ред. Л.Е. Васильев, Е.В. Кобелев, Г.М. Локшин, Н.П. Малетин. – М.: Форум, 2010. – С. 267–287.
7. Тимофеев О.А. Модели интеграции в Восточной Азии: Влияние Китая и позиции США // Россия и АТР. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2009. – № 2. – С. 12–24. – Режим доступа: <http://www.riat.ru/2009/2/p048-063.pdf> (Дата обращения – 28.02.2014.)
8. Acharya A. Collective identity and conflict management in Southeast Asia // Security communities / E. Adler, M. Harnett (Eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – P. 208–213.
9. Acharya A. Culture, security, multilateralism: The «ASEAN Way» and regional order // Culture and security: Multilateralism, arms control, and security building / K. Krause (Ed.). – L.: Frank Cass, 1999. – P. 55–84.
10. ARF statement on measures against terrorist financing // ASEAN. – Bandar Seri Begawan, 2002. – 30 July. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/arf-statement-on-measures-against-terrorist-financing-bandar-seri-begawan-30-july-2002> (Дата обращения – 28.02.2014.)
11. ASEAN declaration on joint actions to counter terrorism // ASEAN. – Bandar Seri Begawan, 2001. – 5 November. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/2001-asean-declaration-on-joint-action-to-counter-terrorism> (Дата обращения – 28.02.2014.)
12. ASEAN declaration on transnational crime // ASEAN. – Manila, 1997. – 20 December. – Mode of access: <http://www.asean.org/communities/asean-political-security-community/item/asean-declaration-on-transnational-crime-manila-20-december-1997> (Дата обращения – 28.02.2014.)
13. ASEAN regional forum: A concept paper // ARF. – Mode of access: <http://aseanregionalforum.asean.org/library/arf-chairmans-statements-and-reports/132.html> (Дата обращения – 28.02.2014.)

14. ASEAN statistical yearbook 2008 / The ASEAN Secretariat. – Jakarta, 2009. – 290 p. – Mode of access: <http://www.asean.org/resources/publications/asean-publications/item/asean-statistical-yearbook-2008-2> (Дата обращения – 28.02.2014.)
15. ASEAN – United States of America joint declaration for cooperation to combat international terrorism // ASEAN. – Bandar Seri Begawan, 2002. – 1 August. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/asean-united-states-of-america-joint-declaration-for-cooperation-to-combat-international-terrorism-bandar-seri-begawan-1-august-2002> (Дата обращения – 28.02.2014.)
16. ASEAN Vision 2020 // ASEAN. – Kuala Lumpur, 1997. – 15 December. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/asean-vision-2020> (Дата обращения – 07.02.2014.)
17. Beukel E. ASEAN and ARF in East Asia's security architecture: The role of norms and powers / Danish institute of international studies. – Copenhagen, 2008. – DIIS report N 4. – 48 p. – Mode of access: http://subweb.diis.dk/graphics/Publications/Reports%202008/R0804_ASEAN_and_ARF_in_East_Asia%92s_Security_architecture.pdf (Дата обращения – 28.02.2014.)
18. Buzan B., Wæver O. Regions and powers: The structure of international security. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 598 p.
19. Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. Security: A new framework for analysis. – L.: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
20. Cai Peng Hong. Non-traditional security and China-ASEAN relations // China and Southeast Asia: Global changes and regional challenges / Ho Khai Leong and Samuel C.Y. Ku (Eds.). – Singapore: Institute of Southeast Asian studies, 2005. – P. 146–169.
21. Chiang Mai Initiative Multilateralization (CMIM) comes into effect on the 24 th of March 2010: Joint press release / Japan.Ministry of Finance. – Mode of access: http://www.mof.go.jp/english/international_policy/financial_cooperation_in_asia/100324press_release.pdf (Дата обращения – 28.02.2014.)
22. Clinton H. America's Pacific century // Foreign Policy magazine. – 2011. – November (Issue 189). – Feature: 11 October, 2011. – Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (Дата обращения – 07.02.2014.)
23. Declaration of ASEAN concord // ASEAN. – Bali, 1976. – 24 February. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/declaration-of-asean-concord-indonesia-24-february-1976> (Дата обращения – 28.02.2014.)
24. Declaration of ASEAN concord II (Bali Concord II) // ASEAN. – Bali, 2003. – 7 October. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii> (Дата обращения – 28.02.2014.)
25. Declaration on the conduct of parties in the South China Sea // ASEAN. – Phnom Penh, 2002. – 4 November. – Mode of access: <http://www.asean.org/asean/external-relations/china/item/declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea> (Дата обращения – 28.02.2014.)
26. Instrument of accession to the Treaty of amity and cooperation in Southeast Asia // ASEAN. – Bali, 2003. – 8 October. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/instrument-of-accession-to-the-treaty-of-amity-and-cooperation-in-southeast-asia-3> (Дата обращения – 28.02.2014.)

27. Joint declaration of ASEAN and China on cooperation in the field of non-traditional security issues / Ministry of foreign affairs of the People's Republic of China. – Phnom Penh, 2002. – 4 November. – Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/zgcydyhz/dlczgdmt/26290.htm> (Дата обращения – 28.02.2014.)
28. Joint statement of the 1st ASEAN plus People's Republic of China ministerial meeting on transnational crime (1st AMMTC+China) / National univ. of Singapore, Centre for international law. – Siem Reap, 2009. – 18 November. – Mode of access: <http://cil.nus.edu.sg/2009/2009-joint-statement-of-the-1st-asean-plus-peoples-republic-of-china-ministerial-meeting-on-transnational-crime/> (Дата обращения – 28.02.2014.)
29. Laksmiana E. Defence diplomacy in Southeast Asia: Trends, prospects and challenges // From «Boots» to «Brogues»: The rise of defence diplomacy in Southeast Asia / Bhubhinder Singh & See Seng Tan (Eds.). – Singapore: S. Rajaratnam school of international studies, 2011. – P. 71–89. – Mode of access: <http://www.rsis.edu.sg/publications/monographs/Monograph21.pdf> (Дата обращения – 28.02.2014.)
30. Obama's victory over China? // BBC News. – 2011. – 21 November. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-china-15818863> (Дата обращения – 28.02.2014.)
31. Plan of action for the Memorandum of understanding between the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the Government of the People's Republic of China on cooperation in the field of non-traditional security issues // ASEAN. – Bali, 2011. – 12 October. – Mode of access: <http://www.asean.org/communities/asean-political-security-community/item/plan-of-action-for-the-memorandum-of-understanding-between-the-association-of-southeast-asian-nations-asean-and-the-government-of-the-people-s-republic-of-china-on-cooperation-in-the-field-of-non-traditional-security-issues> (Дата обращения – 28.02.2014.)
32. Plan of action to implement the Joint declaration on ASEAN–China strategic partnership for peace and prosperity // ASEAN. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/plan-of-action-to-implement-the-joint-declaration-on-asean-china-strategic-partnership-for-peace-and-prosperity> (Дата обращения – 28.02.2014.)
33. RECAAP incident reports // ReCAAP information sharing centre. – Mode of access: www.recaap.org/AlertsReports/IncidentReports.aspx (Дата обращения – 28.02.2014.)
34. The regional cooperation agreement on combating piracy and armed robbery against ships in Asia (ReCAAP) // ReCAAP information sharing centre. – Mode of access: www.recaap.org (Дата обращения – 28.02.2014.)
35. Singapore declaration of 1992 // ASEAN. – Singapore, 1992. – 28 January. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/singapore-declaration-of-1992-singapore-28-january-1992> (Дата обращения – 28.02.2014.)
36. Tambunan T.T.H. Two big economic crises: the Indonesian experience / Center for industry, SME and business competition studies. – Jakarta: Univ. of Trisakti, 2010. – 14 p. – Mode of access: <http://www.apeaweb.org/confer/bus11/papers/tambunan.pdf> (Дата обращения – 28.02.2014.)
37. Thayer C.A. ASEAN's code of conduct in the South China Sea: A litmus test for community-building? // The Asia-Pacific J.: Japan focus. – Mode of access: www.japanfocus.org/-Carlyle_A_-Thayer/3813 (Дата обращения – 28.02.2014.)

38. Thayer C.A. Southeast Asia: Patterns of security cooperation / Australian strategic policy institute. – Barton, 2010. – 68 p.
39. Treaty on the Southeast Asia nuclear weapon-free zone // International atomic energy agency. – Bangkok, 1995. – 15 December. – 19 p. – Mode of access: <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/1998/infcirc548.pdf> (Дата обращения – 28.02.2014.)
40. Voon Phin Keong. China's energy needs and economic relations with reference to Southeast Asia // China in the World, the World in China: International conference / Institute of China studies, Univ. of Malaya. – Kuala Lumpur, 2007. – 5–6 August. – Session 1: China in the World. – P. 47–67. – Mode of access: <http://www.iadb.org/intal/intalcdi/PE/2008/01283.pdf> (Дата обращения – 07.02.2014.)
41. Wang Vincent Wei-cheng. Logic of China – ASEAN: Economic statecraft of «peaceful ascendancy» // China and Southeast Asia: Global changes and regional challenges / Ho Khai Leong and Samuel C.Y. Ku (Eds.). – Singapore: Institute of Southeast Asian studies, 2005. – P. 17–41.
42. Yunhua Cao. U.S. – ASEAN, Japan – ASEAN relations and their impact on China // ASEAN – China relations: Realities and prospects / Saw Swee-Hock, Sheng Lijun, Chin Kin Wah (Eds.). – Singapore: Institute of Southeast Asian studies, 2005. – P. 110–127.
43. 林华生. 东亚政治经济论. 北京市. 世界知识出版社. 2011 = Lin Huasheng. East Asian political and economic theory. – Beijing: World knowledge publishing house, 2011. – 310 p. – Текст на кит. и англ. яз.

В.Е. Петровский

**ТРЕХСТОРОННИЙ ДИАЛОГ «КИТАЙ – США – РОССИЯ»
В КОНТЕКСТЕ «СЕТЕВОЙ ДИПЛОМАТИИ» В АТР**

Аннотация. Статья посвящена перспективам формирования трехстороннего переговорно-консультационного механизма с участием России, Китая и США с целью координации политики трех держав в Северо-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на глобальном уровне. В будущем трехстороннем диалоге могут быть использованы опыт и механизмы взаимодействия в рамках СБСЕ / ОБСЕ по проблемам военно-политической безопасности, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Abstract. The article is dedicated to the prospects of a development of the trilateral mechanism for negotiation and counseling between Russia, China and the US with the aim of political coordination of the three powers in North-East Asia, Asia-Pacific and on the global scale. The future trilateral dialogue could use the experience and the mechanisms of interaction within CSCE/OSCE on the issues of military-political security, as well as the economic, cultural and humanitarian cooperation.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, многостороннее сотрудничество, переговорно-консультационный механизм, трехсторонний диалог, ОБСЕ.

Keywords: North-East Asia, Asia-Pacific, multilateral cooperation, the mechanism for negotiation and counseling, trilateral dialogue, OSCE.

Отношения Китая и США характеризуются сложным и противоречивым сочетанием соперничества и сотрудничества. Выстраивание архитектуры этих отношений определит судьбу мировой политики на десятилетия вперед. Подключение России к

американо-китайскому диалогу не только поможет придать ему устойчивый и конструктивный характер, но и укрепит позиции КНР и РФ в региональных и мировых делах, будет способствовать развитию многосторонних механизмов безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

На протяжении последних лет в мире активно обсуждают возможность формирования геополитического альянса между США и КНР, создания Вашингтоном и Пекином коалиции в виде «большой двойки» (G-2), экономического и политического блокирования двух стран в формате так называемой «кимерики». Ее представляют в виде некоего гипотетического конгломерата производителей-кредиторов и потребителей-должников, который охватил бы около 13% мировой территории, четверти мирового населения, производя при этом почти треть общемирового ВВП и обеспечивая более половины глобального экономического роста.

При этом, по мнению экспертов, в руках Китая сосредоточились бы сильные рычаги экономического воздействия на США (огромные валютные ресурсы, американские долговые обязательства, положительный баланс в двусторонней торговле и пр.). Однако сама по себе взаимосвязь двух крупнейших экономик вполне объективна и отнюдь не обязательно чревата конфликтом – более того, сам процесс глобализации понуждает обе страны к взаимодействию. Ведь, как справедливо полагает известный американский политолог Дж. Най, когда взаимозависимость сбалансирована, она не представляет собой угрозы для вовлеченных сторон (9).

Переосмысление администрацией Б. Обамы итогов «китайской политики» его предшественника Дж. Буша-мл. привело ее представителей к выводу, что заставить Пекин скорректировать свой курс (как политический, так и валютный) в пользу США вряд ли возможно. Отсюда возникла мысль предложить ему некий большой проект, в данном случае – двуполюсность, в рамках которого необходимые Вашингтону действия могли бы трактоваться не как уступки, а как шаги по построению совместного мирового порядка.

К идее G-2 в Пекине изначально отнеслись весьма осторожно. Например, известный китайский ученый д-р Шэн Шилиян, главный научный сотрудник Центра по изучению мировых проблем агентства «Синьхуа», руководитель русского сектора Института социального развития Евразии Центра по изучению развития при Госсовете КНР, заявил в эксклюзивном интервью автору:

«В Китае отвергают приглашение к участию в “большой двойке” не потому, что китайцы не хотят принимать участие в

глобальном управлении. Это пошло бы нам во вред, поскольку усложнило бы наши отношения с таким ключевым партнером Китая, как Россия, а также с другими державами и странами “третьего мира”. Предложение о G2 является весьма коварным: как говорится, “имея таких друзей, нам врагов уже не нужно”, поскольку в подобном тандеме Соединенные Штаты изначально отводят себе главенствующую роль, а Китаю – роль младшего партнера. Если же вести речь о действительно равноправном партнерстве и сотрудничестве, то в него следует вовлекать и Россию, и Японию, и Индию, и другие державы» (5, с. 43).

Экономические и геополитические интересы Китая и США объективно требуют согласования позиций и координации усилий в целях избегания общих для сторон негативных последствий в мировой экономике и политике. Поэтому в определенных, хотя и фрагментарных аспектах и ракурсах концепция G2 может быть реализована для выработки совместных подходов к разрешению двусторонних и глобальных финансово-экономических проблем, региональных и локальных кризисных и конфликтных ситуаций.

Кроме того, для обеих наций является характерным внутреннее убеждение в обоснованности претензии каждой из них на ведущую глобальную роль, и альянсы типа «двойки» или «кимерики» могут возникать из тактических соображений, но никогда не будут иметь долговременной стратегической перспективы.

Конец двусмысленности и неопределенности в вопросе о G2 был положен в заявлении премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на встрече с американским президентом 18 ноября 2009 г. в Пекине. Премьер подчеркнул, что его страна «все еще остается развивающейся... с огромным населением, и ей предстоит пройти долгий путь для того, чтобы превратиться в модернизированное государство». Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику и не намерен вступать в союз с другой страной или с группой стран. Глобальные проблемы должны решаться всеми государствами мира, а не одной или двумя странами, отметил он (1).

Кстати, многие влиятельные китайские эксперты подвергли критике предложенную З. Бжезинским схему американо-китайского «гегемонистского дуумвирата» именно по причине ее неактуальности. Например, профессор Фэн Шаолэй, декан Школы международных и региональных исследований, директор Центра изучения России Восточно-китайского педагогического университета в Шанхае, полагает что:

«G-2 – не вполне приемлемый термин для описания существующего характера китайско-американских отношений. В рамках нового этапа китайско-американского стратегического диалога мы предпочли бы говорить о “С-2”, делая акцент именно на сотрудничестве (cooperation), а не традиционном соперничестве крупных держав» (5, с. 44).

Вопросы безопасности в АТР, экономического сотрудничества и координации политики России и Китая в контексте двусторонних, региональных и глобальных отношений обсуждаются начиная с 2009 г. в рамках заседаний российско-китайской секции международного дискуссионного клуба «Валдай»¹.

Дискуссии, которые носят предельно откровенный и открытый характер, позволяют выявить точки соприкосновения во взглядах ведущих российских и китайских экспертов по проблемам двусторонних отношений и ситуации в Северо-Восточной Азии и АТР. В частности, ими были высказаны нетривиальные и конкретные суждения относительно участия Китая в создании многосторонней системы безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии и АТР.

Так, в ходе дискуссий говорилось о необходимости инициации многостороннего переговорно-консультационного механизма по вопросам безопасности и сотрудничества, который способствовал бы защите и продвижению национальных интересов КНР в регионе. Особое внимание уделялось перспективам трехстороннего форума КНР – США – Россия для обсуждения региональных и глобальных проблем, причем участие России, по мнению китайских экспертов, могло бы сыграть ключевую роль в вовлечении

---

¹ Международный дискуссионный клуб «Валдай» – это эксклюзивное собрание ведущих зарубежных и российских экспертов в области истории, политологии, экономики и международных отношений. Клуб был создан в 2004 г. Российским агентством международной информации «РИА Новости» и Советом по внешней и оборонной политике совместно с журналами «Russia profile» и «Россия в глобальной политике» и газетой «The Moscow News». Своим названием Клуб обязан месту проведения первой конференции, которая состоялась в Великом Новгороде недалеко от озера Валдай. Цель Клуба – укрепление и развитие диалога между российскими и иностранными учеными, политиками и журналистами; формирование независимого, объективного, научного анализа политических, экономических и социальных процессов в России и в мире. За восемь лет существования Клуба в его работе приняли участие более 400 представителей международного научного сообщества из 35 стран мира.

Соединенных Штатов в дискуссию подобного формата и в сглаживании американско-китайских противоречий по ряду вопросов.

Различные форматы многостороннего сотрудничества, включая возможный переговорно-консультационный механизм Китай – США – Россия, по мнению китайских коллег, помогли бы уравновесить американские амбиции и создать более устойчивую систему безопасности и сотрудничества в АТР и в мире в целом. В частности, профессор Фэн Шаолэй подчеркнул в беседе с автором, что *«трехсторонний диалог по вопросам безопасности с участием Китая, США и России явился бы более динамичной и эффективной моделью диалога по более широкому кругу вопросов. Такого рода трехсторонний диалог и уже существующий стратегический диалог Китай – США дополняли бы друга, укрепляя взаимопонимание и взаимное доверие вовлеченных сторон»* (5, с. 44).

В XX в. Америка подарила миру современную концепцию коллективной дипломатии, но все попытки осуществить ее на практике – со времен Вудро Вильсона до формирования системы ООН и позднее – были отмечены, по мнению автора, американским стремлением к доминированию. Провозглашая необходимость равных прав и общих правил игры для всех, американцы совершенно искренне считают себя «первыми среди равных» и просто не представляют себе, что может быть по-другому.

В России исходят из того, что улучшение двусторонних американско-китайских отношений не угрожает российским экономическим и геостратегическим интересам, а, напротив, создает новые (и в перспективе более благоприятные) условия для их защиты и продвижения. Любые многосторонние структуры диалога и сотрудничества с участием КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и за его пределами, которые предполагают российское участие, укрепляют позиции России и дают новые инструменты ее дипломатии. Любое продвижение к многостороннему диалогу будет объективно означать усиление позиций России в Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР, в то время как существующая система международных связей в регионе, основанная на двусторонних отношениях, так или иначе способствует укреплению позиций других влиятельных держав.

Сложившийся в последние годы характер российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих сторон, являясь для них надежным «тылом» в нынешней международной обстановке, важным фактором обеспечения национальной безопасности. Данный курс прочно закреплен в подписанных с Китаем

документах о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия.

Усиление КНР не представляет угрозы для российских интересов на региональном и глобальном уровнях. Россия и Китай – несущие опоры многополярной международной конструкции, равно заинтересованные в ее стабильности и устойчивости. Сфера близости или совпадения их интересов существенно шире сферы возможных разногласий или несовпадений.

Как подчеркнул тогда еще премьер-министр и кандидат в президенты Российской Федерации В.В. Путин в своей программной статье «Россия и меняющийся мир», опубликованной 27 февраля 2012 г. в газете «Московские новости», «своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование. Китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка» (6).

Более того, Китай выступает объективным союзником России в деле продвижения инициатив по созданию многосторонних механизмов безопасности в СВА и АТР. В последние годы Пекин заметно активизировал свою деятельность в этом направлении с целью обеспечить безопасность и стабильность по периметру своих границ и создать благоприятные внешние условия для социально-экономического развития страны. Причем Китай не просто стремится интегрироваться в существующие международные механизмы на региональном и глобальном уровнях, но, по мере роста своей роли в мировой экономике и политике, претендует также на участие в выработке новых «правил игры» в сфере глобального управления и построения нового международного порядка.

Руководители КНР и РФ в сентябре 2010 г. в Пекине выдвинули совместную инициативу об укреплении безопасности и сотрудничества в АТР. Ее суть – подтверждение всеми странами региона приверженности принципу равной и неделимой безопасности, отказ от попыток укрепления собственной безопасности за счет безопасности других и недопущение действий, которые вели бы к возникновению в регионе новых разделительных линий.

Эта инициатива, которая отразила принципиально новый уровень внешнеполитического взаимодействия России и Китая, основана на принципе «сетевой дипломатии» – горизонтального взаимодействия и неиерархической координации усилий разнонаправленных и разноформатных двусторонних и многосторонних механизмов безопасности и диалоговых форумов, уже существ-

вующих в АТР. Сетевая дипломатия полностью соответствует азиатско-тихоокеанским реалиям и может привести в перспективе к формированию новой региональной архитектуры безопасности и сотрудничества – транспарентной, инклюзивной и равноправной. В ходе государственного визита в КНР в июне 2012 г. президент России В.В. Путин вновь высказался в пользу создания «открытой и равноправной архитектуры международной безопасности и сотрудничества» в регионе.

Показательно, что такие идеи в принципе созвучны подходам к обеспечению азиатско-тихоокеанской безопасности, предлагаемым другими региональными державами. Так, Госсекретарь США Хиллари Клинтон в своей нашедшей программной статье «Тихоокеанский век Америки», опубликованной в журнале «Foreign affairs», подчеркивает, что важность многостороннего сотрудничества обусловлена самим характером транснациональных комплексных вызовов и угроз безопасности в АТР, и высказывается в пользу «более надежной и устойчивой региональной архитектуры в Азии» с участием «институтов, способных к коллективному действию», притом что эти институты региональной безопасности будут «дополнять, но не заменять» двусторонние отношения Соединенных Штатов со своими союзниками в регионе (8).

США стали более восприимчивы и открыты для обсуждения новых идей, касающихся формирования архитектуры региональной безопасности в АТР. В частности, и Россия и США выступили в поддержку использования в этих целях механизма Восточноазиатских саммитов (ВАС).

Выступая на саммите на о. Бали в ноябре 2011 г., глава МИД РФ Сергей Лавров заявил о том, что стратегический диалог в рамках Восточноазиатского саммита необходимо сосредоточить на вопросах совершенствования архитектуры безопасности и сотрудничества в регионе. Восточноазиатскому саммиту по силам развить эти принципы в целостную концепцию инклюзивной безопасности для Восточной Азии, и Россия готова принять активное участие в этих усилиях, подчеркнул С. Лавров (2, с. 12).

Восточноазиатские саммиты могут стать подходящей площадкой для обсуждения на высшем уровне крупных приоритетных проблем региона (безопасность, экономическое сотрудничество, энергетика, финансы, изменения климата, взаимодействие в области образования и здравоохранения). После присоединения к механизму ВАС России и США этот форум объединяет, по существу, все ключевые государства АТР. Россия предложила запустить в

рамках ВАС дискуссию по принципиальным вопросам обеспечения безопасности в регионе, с тем чтобы он стал «зонтичной» структурой для обсуждения на высшем уровне региональной повестки дня и элементом сетевой дипломатии в АТР.

По мнению авторитетных китайских экспертов, создание новой архитектуры региональной безопасности следовало бы начать с субрегиона Северо-Восточной Азии. Как полагает профессор Шэн Шилян, на начальном этапе, пока никаких многосторонних структур в области безопасности в СВА вообще нет, следует вести речь о создании некоего переговорного форума. *«Китай и Россия, как стратегические конструктивные партнеры, призваны сыграть главную роль в учреждении такого форума, – заметил эксперт в беседе с автором. – Ведь вопросы безопасности и стратегического диалога являются для наших стран главной точкой приложения совместных усилий, основным полем взаимного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе».*

По мнению ученого, Россия и Китай могли бы выступить инициаторами создания многостороннего переговорно-консультационного механизма в регионе, а Соединенные Штаты, Япония, Индия, другие страны могут присоединиться к участию в нем. *«Для наших стран сейчас самое время выдвинуть такое предложение, пока инициативу не перехватили США или Япония – ведь идея уже буквально витает в воздухе. Важно получить стратегическое преимущество, предлагая собственный проект, а не участвуя в обсуждении чужого»*, – полагает Шэн Шилян (5, с. 48).

По его мнению, опыт других регионов может использоваться при создании многостороннего переговорно-консультационного механизма в СВА. Например, опыт СБСЕ и ОБСЕ, особенно в части так называемой «первой корзины» – многосторонних мер транспарентности и военного доверия. Однако, по его словам, не следует испытывать слишком большого энтузиазма относительно «Хельсинкского процесса для Азии», поскольку соответствующий опыт многостороннего диалога в Евро-Атлантическом регионе был востребован в условиях биполярной конфронтации и предназначался, прежде всего, для регулирования конфронтации. Сейчас в СВА и АТР, при всех существующих между странами региона противоречиях, речь идет не о конфронтации, а, скорее, о партнерстве и сотрудничестве с элементами соперничества.

Часто говорят об опыте АСЕАН как о панацее, но опыт многостороннего процесса в рамках АСЕАН, с его принципом «важен не результат, а процесс переговоров», действительно помогает

обеспечить инклюзивность, но не результативность. К тому же он хорош для стран – членов АСЕАН, небольших и средних государств, примерно равных по своему экономическому и геополитическому статусу, но может не сработать в рамках переговоров и консультаций с участием крупных региональных держав, констатирует ученый.

Если, следуя совету китайских коллег, присмотреться внимательнее к идее использования опыта ОБСЕ в Северо-Восточной Азии, то можно обнаружить в субрегионе уже действующий переговорно-консультативный механизм, который может стать прототипом и моделью построения новой архитектуры безопасности. Речь, конечно, идет о шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной проблеме с участием двух корейских государств, Китая, Японии, России и США.

Шестисторонние переговоры могут сыграть особую роль в создании будущей архитектуры региональной безопасности. Этот формат отражает взаимную заинтересованность Китая и США в полном прекращении ядерной программы КНДР. Он также символизирует признание Китаем военно-политической вовлеченности США в дела АТР, с одной стороны, и признание Соединенными Штатами ведущей роли КНР в работе шестисторонних переговоров – с другой. Участвуя в переговорах, Китай показывает свою готовность развивать многосторонние механизмы региональной безопасности, а США – приверженность к сочетанию двусторонних отношений со своими региональными союзниками с участием в развитии многосторонних образований в сфере безопасности.

В споре пессимистов и оптимистов относительно возможной роли шестисторонних переговоров в формировании новой архитектуры субрегиональной и региональной безопасности первые указывают на то, что мандат «шестисторонки» (которая к тому же находится сейчас в замороженном состоянии) сводится исключительно к разрешению конкретной проблемы, связанной с наличием ядерного оружия у КНДР.

Оптимисты указывают на то, что важным новым моментом является договоренность «шестерки», достигнутая в феврале 2007 г. в Пекине, о выделении в отдельную группу переговоров о безопасности и сотрудничестве в СВА. Корейская проблема, по их мнению, становится лишь частью, хотя и по-прежнему важнейшей, переговорного процесса. Пять стран – Россия, Китай, США, Япония и Южная Корея – получают возможность обсуждать и более широкий спектр региональных проблем.

В рамках подобного форума следовало бы стремиться, по аналогии с СБСЕ / ОБСЕ, к обсуждению проблем по трем «корзинам»: военная безопасность; экономическое сотрудничество; права человека и гуманитарное сотрудничество. В отличие от европейского опыта и европейской традиции многостороннего сотрудничества, подобную культуру диалога в АТР еще предстоит сформировать, убежден известный американский ученый и дипломат, бывший глава делегации США на переговорах в рамках СБСЕ Дж. Гудби.

Он полагает, например, что упомянутая выше договоренность делает возможными периодические встречи глав внешнеполитических ведомств стран «шестерки», в ходе которых обсуждались бы вопросы политики, безопасности, торгово-экономического, научно-технического и культурно-гуманитарного сотрудничества, включая свободный обмен информацией, воссоединение семей и пр., в их взаимосвязи. Как знать, может, опыт СБСЕ по увязке трех «корзин» помог бы смягчить позицию КНДР и убедить ее отказаться от своей ядерной программы в обмен на содействие социально-экономическому развитию и включение в механизмы субрегиональной интеграции?

В этом контексте перспективы возглавляемой Россией Рабочей группы по механизму мира и безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА) в рамках шестисторонних переговоров могут быть весьма многообещающими. Возможно также расширение механизма «АСЕАН плюс три» с включением в него России и США. Это позволило бы пяти участникам шестисторонних переговоров из шести начать комплексный диалог по широкому спектру вопросов безопасности, экономики и политики уже в масштабах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Некоторые китайские исследователи (Пан Чжунъин и др.) полагают, что модель «Хельсинкского процесса для Азии» была бы слишком консервативна для субрегиона и что СВА нуждается в новом, оригинальном механизме безопасности. Они указывают на то, что до разрешения корейской и тайваньской проблем, а также до тех пор, пока Китай и Япония, подобно Франции и Германии после Второй мировой войны, не придут к примирению и согласию на основе общего понимания причин и последствий Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане, создание азиатско-тихоокеанского аналога СБСЕ / ОБСЕ вряд ли будет возможно.

Действительно, незажившие раны войны, разная трактовка исторических событий, разделенная корейская нация – все это пре-

пятствует достижению подлинного взаимопонимания и сотрудничества между народами Китая, Японии и Кореи. А ведь только на таком фундаменте могут возникнуть устойчивые механизмы международного взаимодействия и сотрудничества (как это произошло в послевоенной Европе: общая оценка трагического военного прошлого создала предпосылки для европейской интеграции).

В Северо-Восточной Азии пока до этого далеко – но сама жизнь требует создания механизмов координации не всегда согласованных и подчас разнонаправленных интересов Китая, США, России, Японии, двух корейских государств в сфере безопасности и экономического сотрудничества – причем таких, которые были бы совместимы с уже существующими в АТР, упомянутыми выше диалоговыми форматами. Можно утверждать, что их прототипы уже начинают появляться на наших глазах. Достаточно упомянуть трехсторонний диалог с участием КНР, Японии и Республики Корея («Стратегия-2020»), который может уже в обозримом будущем существенно видоизменить ситуацию в СВА и АТР.

Опыт Евро-Атлантического региона показывает, что механизм СБСЕ оказался весьма пригодным и эффективным (а также сравнительно долговременным и малозатратным) именно как рамочная структура диалога различных по идеологии двух мировых систем и регулирования биполярной конфронтации. Можно понять разочарование в СБСЕ и особенно в ОБСЕ тех, кто связывает их деятельность с последовавшим за этим распадом СССР и исчезновением мировой социалистической системы.

Однако китайская экономика, демонстрирующая, несмотря на некоторое замедление, устойчивость и уверенные темпы роста, закрепляет лидирующую роль КПК в политической системе Китая и не дает оснований для прогнозов об эволюции КНР в обозримой перспективе в сторону «западной» модели. Поэтому в АТР (хотя «холодная война» там, как и в Европе, уже закончилась) можно предвидеть исторически длительное сосуществование «двух систем» с разными экономическими и политическими моделями (китайской и западной) и альтернативными идеологическими и ценностными установками.

Как бы то ни было, процесс формирования многосторонних механизмов безопасности в СВА и АТР будет трудоемким и весьма длительным, полагает профессор Фэн Шаолэй: *«Создание многостороннего механизма безопасности в рамках всего Азиатско-Тихоокеанского региона потребует длительной подготовки и займет много времени. При создании такого механизма будет*

учитываться опыт других регионов, в сочетании со спецификой стран АТР и использованием таких особенностей этого региона, как исключительное разнообразие, динамичное развитие и открытость» (5, с. 51–52).

Поэтому европейская модель «мирного сосуществования» с использованием принципов и механизмов СБСЕ / ОБСЕ может оказаться в Северо-Восточной Азии и АТР весьма востребованной и уместной. В Пекине это отчетливо понимают – не случайно в докладе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК подчеркнуто, что Китай будет строить отношения со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования, и говорится: «Мы будем принимать активное участие в многосторонних делах... стимулируя развитие международного порядка и международных систем в справедливом и разумном направлении» (7).

В эпоху после «холодной войны», которая характеризуется диалектической взаимосвязью соперничества и сотрудничества, опыт СБСЕ / ОБСЕ важен для будущей переговорно-консультационной конструкции «Китай – США – Россия» прежде всего с точки зрения принципов диалога, основанного на идеях мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела друг друга и уважения суверенитета и территориальной целостности стран-участниц.

Именно эти принципы являются опорной базой для выработки внешнеполитического курса и Китая, и России. Они лежат в основе российского взгляда на российско-американские отношения и последовательно проводятся китайской стороной в ходе американо-китайского диалога.

Важно, что за последние годы стороны договорились не обострять по возможности отношения между собой, подчеркнули важность конструктивного взаимодействия двух стран для поддержания мира и стабильности на мировой арене. Подчеркнута приверженность сторон строительству позитивных, основанных на сотрудничестве, всесторонних китайско-американских отношений в XXI в. Американская сторона подтвердила, что она «приветствует сильный, процветающий и успешный Китай, играющий еще большую роль в мировых делах» (3). Китайская сторона заявила, что она «приветствует Соединенные Штаты в качестве азиатско-тихоокеанского государства, которое вносит вклад в дело мира, стабильности и процветания региона» (4).

Полезно опираться на опыт СБСЕ / ОБСЕ и в содержательной части будущего трехстороннего диалога – при обсуждении

проблем военно-политической безопасности, сотрудничества в области экономики и экологии и культурно-гуманитарного сотрудничества в их взаимосвязи (принцип «трех корзин»).

Уникальная особенность ОБСЕ, которая также может быть востребована в современных условиях, – механизм совместного участия в дискуссиях и консультациях официальных представителей государств (дипломатов) и представителей гражданского общества (неправительственных общественных организаций).

В идеале будущий трехсторонний переговорно-консультационный механизм «Китай – США – Россия» мог бы выглядеть как периодические встречи в разных форматах и на разных уровнях представителей внешнеполитических ведомств, экспертного сообщества и гражданского общества трех стран, на которых обсуждались бы вопросы политики, безопасности, торгово-экономического, научно-технического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Такой механизм был бы более устойчив и менее подвержен колебаниям в случае возможного обострения двусторонних отношений внутри «треугольника»: даже при соблазне прервать официальные переговоры в качестве дипломатического демарша неформальные контакты сохранялись бы, поддерживая необходимые каналы связи.

Трехсторонний диалог в предлагаемом формате также помог бы укрепить взаимное доверие и транспарентность внутри «треугольника» «Китай – США – Россия». Ведь опыт прежних лет показывает, что традиционные двусторонние отношения эпохи «холодной войны» всегда могут быть поводом для подозрений: США могут опасаться создания антизападного «российско-китайского альянса», Китай – того, что Соединенные Штаты могут пытаться сделать политику России прозападной и антикитайской, Россия – того, что США и Китай в ходе двустороннего диалога попробуют договориться о чем-то за ее спиной, и пр.

Поэтому было бы принципиально важно изначально заявить об открытости трехстороннего диалога, в том числе и для других возможных участников, стран и международных организаций. Новый формат не должен превратиться в G3 (по аналогии с G2). Это ни в коей мере не повлияло бы на конфиденциальность трехсторонних обсуждений, если в этом будет необходимость, – гибкий механизм консультаций и переговоров позволил бы использовать разные форматы и уровни коммуникаций.

Важно также понимать, что будущий трехсторонний механизм в случае его создания будет характеризоваться отсутствием

формальных взаимных обязательств и напоминать не международную организацию, а, скорее, международный режим. В рамках такого режима страны-участницы вырабатывают согласованные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, но сами решения принимаются исключительно на добровольной основе и самостоятельно, с учетом интересов других участников. Таким образом, предлагаемый «треугольник» «Китай – США – Россия» будет скорее механизмом обмена информацией и координации политики, а не площадкой для централизованного и формального принятия решений.

Вырабатываемые на основе неформальных дискуссий договоренности могут затем ложиться в основу формальных решений, принимаемых правительствами стран-участниц. Содержательная часть трехсторонних переговоров и консультаций может включать следующие вопросы.

1. Военно-политические проблемы безопасности («первая корзина») являются особенно актуальными для стран-участниц, как на региональном, так и на глобальном уровнях. Так, Китай, Россия и США, как официальные ядерные державы и постоянные члены Совета Безопасности ООН, несут особую ответственность за поддержание режима нераспространения ядерного оружия, другого оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, а также за поддержание мира и безопасности в АТР и в мире в целом. Это определяет необходимость трехстороннего диалога по вопросам глобальной безопасности, включая новые и нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности.

Весьма важными были бы также трехсторонние консультации и переговоры в сфере мирного освоения космического пространства, недопущения милитаризации космоса, а также противодействия возможным вызовам и угрозам человеческой цивилизации внеземного происхождения.

Кроме того, американская политика «возвращения в Азию» предусматривает размещение до 60% военного потенциала США в АТР и бассейне Тихого океана, что значительно меняет баланс сил в регионе. Эта политика предполагает опору на традиционных американских союзников (Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию, Филиппины, Таиланд, Тайвань), модернизацию и укрепление расположенных на территории этих стран американских военных баз, сохранение сильной американкой военной группировки на Тихом океане, дальнейшее совершенствование стратегической и тактической системы ПРО в Азии.

Возрастающее американское военное присутствие в Азии диктует необходимость обсуждения в трехстороннем формате мер транспарентности, военного доверия и экспортного контроля на региональном уровне.

- Разработка предложений по укреплению международно-правовых основ региональной безопасности в АТР на основе принципа неделимой безопасности, развития мер доверия и укрепления механизмов превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов.

- Изучение позиционирования и стратегии участия трех стран в работе региональных и глобальных международных организаций и институтов (в контексте реформы ООН).

- Оценка перспектив создания системы взаимодействия, сотрудничества и мер доверия в Северо-Восточной Азии – концепции «Хельсинкского процесса для СВА».

- Согласование механизмов превентивной дипломатии, урегулирования кризисов и конфликтов в СВА и АТР.

- Укрепление основ регионального режима ядерного нераспространения – в контексте наличия ядерного оружия в Индии и Пакистане.

- Перспективы работы шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме и дальнейшего перерастания переговоров в субрегиональный механизм многостороннего взаимодействия и сотрудничества.

- Обсуждения перспектив создания безъядерных зон в СВА и АТР.

- Дискуссия о создании американской системы ПРО в Азии – в контексте интересов региональной и глобальной безопасности КНР и РФ.

- Обсуждение региональных аспектов режима контроля за ракетными технологиями, Конвенций о запрещении химического и биологического оружия, а также Договора о запрете противопехотных мин.

- Взаимный обмен данными в области оборонных усилий и военного строительства.

- Обсуждение региональных аспектов Регистра ООН по обычным вооружениям.

- Взаимное уведомление об опасной военной деятельности и масштабной передислокации вооруженных сил.

- Взаимное уведомление о военных учениях и приглашение на них военных наблюдателей.

- Меры транспарентности и доверия в военно-морской области.
- Сотрудничество тихоокеанских флотов трех стран в области обеспечения свободы судоходства и борьбы с морским пиратством.
- Координация усилий в области противодействия нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности (международный терроризм, сепаратизм и экстремизм, организованная преступность, незаконный оборот наркотиков, нелегальная миграция, торговля людьми, киберпреступность и пр.).

Следует отдельно отметить, что за последнее время возникла опасная «дуга напряженности» в связи с территориальными спорами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. США достаточно ясно заняли сторону своих союзников, Японии и Филиппин, в их споре с Китаем о принадлежности островных территорий, а также жестко выступили за свободу судоходства в указанных морях (притом что Китай никогда не ставил принцип свободы судоходства под сомнение).

США и Россия не вовлечены непосредственно в эти территориальные споры, однако поскольку многие из них связаны с геополитическим переделом мира после Второй мировой войны, была бы целесообразна трехсторонняя дискуссия с участием историков и экспертов с целью преодоления разногласий и выработки общей трактовки итогов Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане, согласованной оценки международных договоров и политических деклараций, которые определили бы статус спорных территорий в послевоенный период.

2. *Сотрудничество в финансовой, торгово-экономической и экологической сферах («вторая корзина»)* также является исключительно важным в силу экономического потенциала как минимум двух из трех стран-участниц. Беспрецедентная финансово-экономическая взаимозависимость Китая и США и гигантский объем взаимного товарооборота сопровождаются сохранением противоречий в данной сфере, которые влияют на состояние мировой торговли и финансов. Дискуссии по второй «корзине» можно было бы сосредоточить на следующих темах.

- Обсуждение перспектив выработки новых правил глобального экономического регулирования с учетом изменений в мировой экономике и усиления роли в ней Китая.
- Координация усилий в области реформирования мировой финансовой архитектуры (Россия могла бы поддержать идею о превращении юаня в мировую резервную валюту).

- Координация усилий в сфере реформирования правил международной торговли, ликвидации необоснованных экономических санкций и торговых барьеров.

- Изучение опыта трех стран по разработке стратегии преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса.

- Координация усилий в области создания экономических и финансовых механизмов кризисного регулирования.

- Обсуждение перспектив развития региональных и субрегиональных интеграционных образований (Восточноазиатского форума, Азиатской зоны свободной торговли (АФТА), зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Республикой Корея), Банк развития для Северо-Восточной Азии и др.

- Международные аспекты преодоления экономической изоляции КНДР и вовлечения ее в систему мирохозяйственных связей посредством проектов гуманитарной и технической помощи и содействия северокорейским реформам.

- Изучение возможностей трех стран по совместному строительству и обновлению межконтинентальных транспортных коридоров (включая перспективы реализации проекта трансконтинентальной магистрали Евразия – Америка с тоннелем через Берингов пролив).

- Выработка согласованной концепции устойчивого развития в АТР и на глобальном уровне.

- Согласование позиций в сфере глобального контроля за изменением климата («пост-Киото»).

Трехсторонний диалог может помочь также согласованию вопросов, которые обсуждаются в рамках АТЭС (и в частности, предложенных Россией в рамках ее председательствования в АТЭС в 2012 г.).

- Либерализация торговли и инвестиций, региональная экономическая интеграция.

- Долгосрочные перспективы интеграции экономик в СВА и АТР.

- Предотвращение финансово-экономических кризисов, оптимизация механизмов регулирования экономического развития.

- Согласование подходов к управлению рисками продовольственной безопасности в увязке с вопросами экологии и сохранения биологического разнообразия.

- Развитие транспортного и логистического потенциала в Азиатско-Тихоокеанском регионе: более полное использование возможностей межконтинентальных транспортных коридоров, со-

кращение издержек и затрат времени при пересечении границы, реализация крупных инфраструктурных проектов.

- Координация усилий по продвижению инновационной повестки дня и обеспечению сотрудничества инновационных центров.
- Обеспечение эффективных форм взаимодействия науки, бизнеса и государства в продвижении новых технологий.
- Обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности.
- Снижение оборота контрафактной продукции.

3. *Культурно-гуманитарное сотрудничество и координация усилий в области содействия развитию («третья корзина»)* является не менее важной, чем первые две, и тесно связана с ними. Можно предвидеть интерес США исключительно к проблематике соблюдения прав человека и религиозных свобод в их традиционно западном понимании. Не избегая обсуждения этих проблем, в рамках трехстороннего диалога следует прилагать усилия к концентрации дискуссий на более общих проблемах развития человеческого потенциала и содействия развитию, безопасности личности, соблюдения социально-экономических прав, диалога культур и цивилизаций.

- Координация усилий в области борьбы с бедностью и содействия развитию, достижения Целей развития тысячелетия ООН.
- Перспективы преодоления разницы в развитии глобального Севера и Юга.
- Гармонизация стандартов человеческого развития и безопасности личности на региональном и глобальном уровнях.
- Координация усилий трех стран по содействию проектам гуманитарной и технической помощи и участию в работе международных институтов содействия развитию.
- Выработка согласованного видения перспектив мирного воссоединения китайской нации (КНР и Тайваня) на основе принципа «одна страна – две системы».
- Координация усилий в области гуманитарных аспектов межкорейского урегулирования, включая воссоединение семей, в рамках достижения долговременной цели объединения корейской нации.
- Изучение возможностей и перспектив «дипломатии второй дорожки» (track-two diplomacy) и других форм воздействия институтов гражданского общества на процессы сотрудничества и развития в СВА и АТР.
- Содействие межцивилизационному и межрелигиозному диалогу в регионе и за его пределами.

- Повышение географической мобильности работников научной и образовательной сфер, гармонизация образовательных систем.
- Стимулирование межкультурных и образовательных обменов, прежде всего молодежных и студенческих.

США стали более восприимчивы для обсуждения проблем мира и развития в регионе и за его пределами, выработки программ обеспечения безопасности и сотрудничества, которые отвечали бы интересам всех заинтересованных стран. Однако это отнюдь не означает автоматической готовности Соединенных Штатов обсуждать в трехстороннем формате весь спектр вышеизложенной проблематики. Можно предвидеть скепсис со стороны консервативной части американского политического истеблишмента, неготовность к участию в полноформатных трехсторонних консультациях.

Для того чтобы вызвать интерес американской стороны к предложенному формату и вовлечь ее в трехстороннюю дискуссию, в качестве первой и неотложной темы для консультаций можно было бы предложить ту, в которой администрация Б. Обамы сейчас реально заинтересована, – координация усилий для постконфликтного урегулирования в Афганистане. Проведение трехсторонних переговоров и консультаций по Афганистану создаст прецедент и «историю успеха» для дальнейшего развития диалога и консультаций между Китаем, США и Россией по всему спектру предложенных проблем.

Список литературы

1. Встреча Вэнь Цзябао с Президентом США // «Жэньминь жибао» он-лайн. – 2009. – 19 ноября. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/6817271.html> (Дата обращения – 19.02.2014.)
2. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарном заседании 6-го Восточноазиатского саммита, о. Бали, Индонезия, 19 ноября 2011 г. // Информационный бюллетень МИД РФ / Департамент информации и печати. – М., 2011. – 21 ноября. – 22 с.
3. Китайско-американское совместное заявление // «Жэньминь жибао» онлайн. – 2011. – 21 января. – Режим доступа – <http://russian.people.com.cn/31520/7268074.html> (Дата обращения – 19.02.2014.)
4. Очередная пресс-конференция 16 апреля 2013 г. у официального представителя МИД КНР Хуа Чуньин // МИД КНР. – 2013. – 16 апреля. – Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/t1032731.shtml> (Дата обращения – 19.02.2014.)

5. Петровский В. Россия, Китай и новая архитектура международной безопасности в АТР // Международная жизнь / МИД РФ. – М., 2013. – № 1. – С. 40–53.
6. Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – М., 2012. – 27 февраля.
7. Ху Цзиньтао. Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества: Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК 8 ноября 2012 г. // CNTV – Россия. – 2012. – 19 ноября. – Режим доступа: <http://www.cntv.ru/2012/11/19/ART1353295607045239.shtml> (Дата обращения – 19.02.2014.)
8. Clinton H. America's Pacific century // Foreign Policy Magazine.–2011. – November, Issue 189. – Feature: 11 October, 2011. – Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (Дата обращения – 07.02.2014.)
9. Ethics matter: Political scientist Joseph S. Nye, Jr. // Ethics & international affairs interviews / Carnegie Council. – 2011. – 10 February. – Mode of access: <http://www.carnegiecouncil.org/studio/multimedia/20110211/index.html> (Дата обращения – 07.02.2014.)

К.Б. Роуз

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ,
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ
КНР И РЕСПУБЛИКИ КИТАЙ В СТРАНАХ ОКЕАНИИ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда проблем, сложившихся в результате борьбы между Пекином и Тайбэем относительно дипломатического признания правительства Республики Китай некоторыми островными странами Тихого океана, а также политики усиления международной изоляции Тайваня, преследуемой КНР. Борьба между «двумя Китаями» – тоталитарным и демократическим – дестабилизирует островные нации Океании, способствуя продвижению коррупции и насилия в политической сфере данных стран.

Abstract. The article revolves around the exploration of several issues that emerged as a result of the competition between Beijing and Taipei over the diplomatic recognition of Republic of China by the small Pacific nations, as well as the PRC's political intention to ensure the international isolation of ROC. This struggle between the «two Chinas» – the totalitarian and the democratic ones – has a destabilizing impact on the island nations of the Oceania, promoting the corruption and violence in these nations' politics.

Ключевые слова: Тайбэй, Пекин, Китай, РК, КНР, Океания, дипломатическое признание Тайваня, демократия, тоталитаризм.

Keywords: Taipei, Beijing, China, ROC, PRC, Oceania, the diplomatic recognition of Taipei, democracy, totalitarianism.

Океания представляет собой арену непрекращающегося соревнования между Китайской Народной Республикой (КНР, «Китай») и Республикой Китай (РК, «Тайвань»). В рамках политики «один Китай» подразумевается, что ни одно государство в мире не

может одновременно дипломатически признавать как КНР, так и Республику Китай, поскольку и Пекин и Тайбэй претендуют на статус легитимного правительства Китая. Восемь стран Океании признают КНР, шесть – Республику Китай в качестве китайского правительства. Эти цифры постоянно меняются по причине периодической переоценки островными странами Тихого океана своей внешней политики, в результате которой дипломатическое признание той или иной страной Пекина либо Тайбэя может меняться на противоположное и затем обратно. Проблема того, какое «китайское» правительство признавать, является одной из центральных проблем в предвыборной борьбе в некоторых тихоокеанских островных странах. Также этот вопрос иногда приводит к вотуму недоверия в парламентах тихоокеанских наций.

Крупнейшие страны Океании – Австралия и Новая Зеландия – уже давно признают КНР, с которой сохраняют стабильные и крепкие отношения, поэтому основная борьба разворачивается между Китайской Народной Республикой и Республикой Китай за дипломатические бонусы, предоставляемые небольшими островными странами Тихого океана. Многие эксперты рассматривают эту борьбу как «дипломатию чековой книжки», поскольку основным инструментом влияния КНР и РК на эти страны является предоставление гуманитарной помощи или – в случае с КНР – содействие в крупных государственных строительных проектах или развитии инфраструктуры (11). По мнению обозревателей тайваньской газеты «The China post», «Тайвань и Китай находятся в состоянии ожесточенной конкуренции за дипломатические связи, и обе стороны тратят миллионы долларов на поддержку дипломатических отношений и на то, чтобы “украсть” союзников друг у друга» (29). Стоит ли говорить, что такая ситуация ведет к процветанию коррупции среди политэкономических элит стран Океании, суть которой заключается в перераспределении китайских денег, полученных от той или иной стороны в обмен на обещания, которые легко и часто нарушаются.

Таким образом, тихоокеанские островные страны получают в значительных объемах экономическую и гуманитарную помощь от РК и КНР. Дипломатическая игра между Китаем и Тайванем также служит источником прибыли для стран Океании, экспортирующих минеральные ресурсы, поскольку ведет к созданию гарантированного спроса на сырье даже в тех ситуациях, когда оно не является экономически востребованным на внутреннем рынке КНР или РК (21). Тихоокеанские союзники Республики Китай

также гарантируют свою приверженность делу продвижения интересов Тайваня в ООН, чем активно и занимаются.

Более того, в некоторых тихоокеанских странах, в том числе Австралии, Новой Зеландии, Папуа – Новой Гвинее, Соломоновых островах, Фиджи, Вануату и Самоа, присутствуют этнические меньшинства китайского происхождения, числящиеся гражданами этих стран. Всего на тихоокеанских островах проживают приблизительно 80 тыс. «заморских китайцев», в том числе 20 тыс. в Фиджи и 20 тыс. в Папуа – Новой Гвинее. Австралия, Папуа – Новая Гвинея и Вануату также являются объектом значительных китайских инвестиций (11).

Исторические аспекты конкуренции Пекина и Тайбэя в Океании

В 1949 г. в результате длительной китайской гражданской войны антикоммунистические силы Гоминьдана эвакуировались на остров Тайвань. Они продолжали пользоваться поддержкой Соединенных Штатов и их союзников, в том числе дипломатической. Страны Свободного мира¹ признавали Тайбэй в качестве легитимного правительства Китая до 1972 г., когда президент США Ричард Милхаус Никсон посетил с визитом коммунистический Китай, после чего КНР была признана Соединенными Штатами, Австралией и Новой Зеландией в качестве правительства Китая, в то время как Тайваню предоставлялась американская военная поддержка во избежание его аннексии коммунистами.

Таким образом, с самого начала 1970-х годов перед Тайбэем встала серьезная проблема дипломатического признания и восстановления членства в ООН, утраченного в 1971 г. Коммунистический Китай, в свою очередь, стремился к обеспечению дипломатической изоляции Тайваня. С точки зрения КНР Тайвань остается мятежной провинцией, а Пекин обладает статусом единственного правительства Китая. Руководство КНР отвергает любые упоминания о возможности существования двух китайских государств. Таким образом, лидерам стран Океании всякий раз во время их визита в Пекин предлагается подтвердить свою приверженность политике «одного Китая», признания ими Китайской Народной Республики в качестве единственного легитимного правительства Китая и поддержать идею воссоединения Тайваня с континентом. Тем не менее

---

¹ Подробно о концепции «Свободного мира» см.: (12; 22).

правительство КНР не возражает против неофициальных коммерческих и культурных связей иных стран с Тайванем.

Усилия Тайбэя по достижению международного признания иногда оказывались успешными. В начале 2000-х годов 29 стран в мире признавали Тайвань (главным образом, это малые страны Карибского бассейна, Центральной Америки и Океании) по сравнению с 24 странами, признававшими Тайвань в 1989 г. Однако по состоянию на начало 2014 г. лишь 21 страна – член ООН поддерживает дипломатические отношения с Республикой Китай, из них лишь шесть находятся в Океании: Кирибати (с 2003 г.), Маршалловы острова (с 1998 г.), Науру (в 1980–2002, с 2005 г.), Палау (с 1999 г.), Соломоновы острова (с 1983 г.) и Тувалу (с 1979 г.).

В середине 1999 г. Папуа – Новая Гвинея на короткий промежуток времени отказалась от признания КНР в пользу Республики Китай, однако вскоре сменившееся правительство отменило это решение, вернувшись к дипломатическому признанию Пекина. КНР, которой на настоящий момент не удается достичь своей цели по обеспечению дипломатической изоляции Тайваня, пользуется, однако, широкой поддержкой большинства стран Океании.

Таблица
Число стран – членов ООН, признающих РК и КНР (19, р. 188)

Год	Признают РК	Признают КНР
1969	71	48
1971	68	53
1973	31	89
1978	21	112
1986	23	134
1990	28	139
2012	23	172
2013	22	172

Следует отметить, что в самих странах Океании решение о признании Китайской Народной Республики или Республики Китай, как правило, обуславливается следующими факторами: экономические соображения, внутренняя политика, личные предпочтения ключевых лидеров и внешнее давление.

Кредитно-инвестиционный тоталитаризм на марше: Некоторые аспекты политики КНР в Океании

В финальном отчете саммита «Австралия-2020», состоявшегося 19–20 апреля 2008 г., относительно китайского влияния на Тихом океане говорится следующее: «Стоит отметить, что пока Китай не проявляет интереса к экспорту своих политических ценностей. Его взаимодействие с регионом является либо экономическим, либо мотивированным соображениями конкуренции с Тайванем. Учитывая рост военной мощи Китая и его роль донора помощи, выделяемой странам региона, становится ясно, какие цели преследует Китайская Народная Республика. Во-первых, секьюритизация поставок энергоносителей, что наиболее очевидно. Также, видимо, китайцы сами не имеют отчетливого представления относительно своих целей в регионе» (2, с. 363).

В отчете Института Лоуи, опубликованном в июне 2008 г., утверждалось, что политика КНР по предоставлению гуманитарной помощи странам Океании нацелена практически полностью лишь на противодействие тайваньским интересам в регионе, т.е. от стран Океании в обмен на финансовые ресурсы требуется дипломатическое непризнание Республики Китай. Эксперты Лоуи также утверждали, что нет свидетельств тому, что КНР пытается усилить свое военное влияние в регионе или расширить возможности своего доступа к природным ресурсам Океании (24). «Китайская “дипломатия чековой книжки” на юге Тихоокеанского региона и атмосфера секретности вокруг программ помощи КНР малым островным нациям имеют дестабилизирующее влияние в регионе» по причине «обеспокоенности тем, что “дипломатия доллара” оказывает влияние на политический процесс [в странах Океании]», – говорилось также в отчете (5).

Однако уже в августе–сентябре 2010 г. ВМС КНР осуществили беспрецедентный «визит доброй воли» в союзные страны Океании. Китайские военные корабли посетили Папуа – Новую Гвинею, Вануату, Тонга, Новую Зеландию и Австралию. Целью этого визита, согласно официальным китайским СМИ, было «укрепление дружбы и военного сотрудничества» (8).

В апреле 2011 г. Институт Лоуи опубликовал новый отчет, отметив, что КНР в рамках своей политики в отношении стран Океании «переключилась с предоставления безвозмездной помощи на кредитование на мягких условиях», что «ведет к усилению проблемы задолженности» и «усиливает уязвимость стран Океа-

нии перед политическим давлением Пекина». В отчете также было отмечено, что у стран Океании могут возникнуть проблемы с выплатой своих задолженностей перед Китайской Народной Республикой в оговоренный срок и что «кредитование может надежно привязать эти страны к Пекину» в контексте дипломатического соревнования с Республикой Китай. При этом также указывалось, что некоторые займы «предоставлены под проекты, реализация которых приведет к ускорению экономического роста, в результате чего будут созданы рабочие места, сократится бедность, что предоставит возможность выплачивать долги» (14).

В мае 2011 г., произнося речь в Южнотихоокеанском университете в городе Сува, посол КНР в Фиджи Хань Чжицян подчеркнул, что сотрудничество Китайской Народной Республики со странами Океании дало «множество существенных результатов, принесших благо народам этого региона». Он указал, что объем торговли между КНР и странами Океании вырос примерно на 50% за период 2009–2010 гг., достигнув 2,46 млрд евро. Общая стоимость китайского экспорта в Океанию в 2010 г. составила 1,74 млрд евро (что на 42% больше, чем в 2009 г.), а стоимость импорта в Китай из Океании составила 730 млн евро (что почти на 100% больше, чем в 2009 г.). Объем китайских инвестиций в Океании в 2010 г. – главным образом, в Самоа, Папуа – Новой Гвинее и на Маршалловых островах, Фиджи – достиг почти 72 млн евро (6).

В настоящее время Китайская Народная Республика продолжает наращивать кредитную экспансию в Океании. Так, в 2012 г. Экспортно-импортный банк Китая (Export-import bank of China) и китайский Центробанк расширили свои программы кредитования государства Тонга, общий объем задолженности которого перед Пекином (около 150 млн долл.) сопоставим с объемами американской помощи, выделяемой посредством USAID (около 200 млн долл.) (10). Тем самым Пекин бросает вызов интересам Соединенных Штатов в Океании.

«Дипломатия чековой книжки» Республики Китай

В марте 2008 г. недавно избранный президент РК Ма Инцзю заявил о своем намерении положить конец тайваньской «дипломатии чековой книжки» в Океании (30). В мае того же года Ма призвал к «перемирию» в соревновании между Республикой Китай и Китайской Народной Республикой за дипломатических союзников. Вслед за этим последовал скандал по случаю того, что министр

иностранных дел Республики Китай Джеймс Хуан предположительно пытался «купить» дипломатическую поддержку Папуа – Новой Гвинеи (31). В октябре 2008 г. был отменен запланированный саммит РК и ее тихоокеанских союзников, согласно официальной версии, по причине «организационных проблем». Однако некоторые эксперты указывали, что такое решение было попыткой новой администрации президента Ма свернуть активные дипломатические усилия Республики Китай во избежание конфликта с КНР (26). Тайваньские власти позже сообщили, что саммит был скорее «перенесен», чем отменен. В июне 2009 г. МИД РК сообщило, что президент Ма «примет участие в саммите лидеров Тайваня и его южнотихоокеанских союзников» осенью того же года.

В июле 2009 г. Республика Китай пожертвовала более 40 тыс. евро на стипендии для студентов из стран Океании, в том числе Фиджи и Папуа – Новой Гвинеи, не признающих Тайбэй. РК пожертвовала также 288 тыс. евро на программы содействия региональному развитию, нацеленные на предоставление людям доступа к воде, улучшение санитарно-гигиенических условий и на проекты в сфере энергетики возобновляемых источников, управления рыболовством, образования и подготовки молодежи в странах Океании (27).

Тайбэй подал официальный запрос на признание в качестве официального «партнера для диалога» Форума тихоокеанских островов. Этот статус в настоящее время удерживает КНР. Тайвань осуществляет помощь в развитии стран – членов Форума и проводит ежегодную конференцию с этими странами (18).

В марте 2010 г. президент Ма посетил с официальным визитом шесть стран – союзников Тайваня в Океании. Одновременно ВМС Республики Китай совершили визит на Соломоновы острова. На Соломоновых островах Ма подчеркнул значимость достигнутого прогресса в реализации программ технического развития тайваньских союзников в регионе, отметив, что «люди возвращаются к здоровому питанию, здесь проводятся операции по удалению катаракты глаза, и... [РК] содействует в проведении земельной реформы» (4).

10 июля 2013 г. Новая Зеландия и РК подписали двустороннее Соглашение об экономическом сотрудничестве, согласно которому двусторонний товарообмен подлежит либерализации, а экспортерам услуг, инвесторам и бизнес-путешественникам будут предоставлены значительные привилегии. Соглашение вступило в силу с 2014 г. Согласно этому соглашению, таможенные пошлины

на более 70% товаров, экспортируемых из Новой Зеландии в Республику Китай, были полностью отменены, а в перспективе 100% новозеландских товаров будут освобождены от таможенных сборов в РК (23).

Внутренняя политика стран Океании как фактор дипломатического признания Тайваня

Соперничество Республики Китай и КНР оказывает существенное влияние на внутреннюю политику стран Океании. Так, существуют предположения относительно того, что Тайвань «покупает» поддержку ключевых политических фигур. В 1998 г. один из министров правительства Маршалловых островов заявил, что тайваньский посол предложил ему 100 тыс. долл. США в обмен на поддержку Партии Кабуа, выступавшей на тот момент в пользу идеи дипломатического признания Тайваня. Посол, естественно, отрицал данные предположения, указывая, что подобные меры противоречат сути тайваньской политики (15).

В 1997 г. правительство Западного Самоа обвинило Тайвань в оказании финансовой помощи антиправительственным демонстрантам, которыми руководили племенные вожди. Тайвань отрицал все обвинения, основанные на том, что около 500 тыс. долл. было переведено из Тайваня организаторам протестов. Более того, Тайбэй обвинил самоанское правительство в поиске повода для отвлечения общественного внимания от тяжелых внутренних проблем в собственной стране (32).

Наиболее серьезное влияние на внутреннюю политику третьих стран соперничество Республики Китай и КНР оказало в 1998 г. на Соломоновых островах, «наложившись» на кровавый этнический конфликт между провинциями Гуадалканал и Малаита. В 1998 г. тайваньский посол в стране был отозван после появления сообщений о том, что он «заставил» двух оппозиционных членов парламента признать победу премьер-министра Бартоломео Улуфаалу на всеобщих выборах (13). Ситуация осложнялась тем, что, хотя правительство Соломоновых островов на тот момент признавало Тайвань, правительство провинции Гуадалканал установило тесные связи с провинцией КНР Гуандун. Вооруженное восстание в 2000 г. привело к смещению Б. Улуфаалу, не скрывавшего своей симпатии к Тайваню, с поста премьер-министра. Новое правительство решило переключиться на дипломатическое признание Китайской Народной Республики, но так и не сделало этого. Соломоновы острова и

поныне признают Республику Китай в качестве единственного легитимного китайского правительства.

Как КНР, так и РК практикуют «дипломатию визитов», целью которой является оказание влияния на ключевых политических фигур третьих стран, особенно премьер-министров и президентов. Обычно главы государств-союзников приглашаются в РК или Китайскую Народную Республику, причем частота таких визитов впечатляет. Поездки лидеров стран Океании в КНР или Республику Китай могут также говорить о том, что лидеры малых тихоокеанских наций находятся в более тесном личном контакте с китайскими лидерами, чем с представителями, например, США.

Внешнее давление на страны Океании как фактор определения ими легитимного правительства Китая

Коммунистический Китай последовательно и яростно осуждает попытки тихоокеанских наций по сближению с Тайванем. Например, в середине 1999 г. КНР объявила, что решение премьер-министра Папуа – Новой Гвинеи Билла Скейта признать Тайвань на дипломатическом уровне является «серьезной ошибкой» и «ошибочным решением» и представляет собой «серьезное покушение на суверенитет и территориальную целостность Китая». Б. Скейт потерял власть менее чем через неделю, и Папуа – Новая Гвинея вновь признала Китайскую Народную Республику (17).

В мае 2008 г. министр иностранных дел Тайваня Джеймс Хуан ушел в отставку вместе с еще двумя официальными лицами высшего уровня после того, как стало известно, что тайваньским Министерством иностранных дел было потрачено более 19 млн евро на провальную попытку добиться дипломатического признания Республики Китай от Папуа – Новой Гвинеи. Такое использование денег налогоплательщиков было расценено как ненадлежащее и вызвало недовольство тайваньской общественности (1). Министр иностранных дел Папуа – Новой Гвинеи Сэм Эйбал впоследствии заявил, что его страна не намеревалась признавать Тайвань.

Пекин, однако, не проявляет значительного желания оказывать более серьезное политическое давление, чем риторика и принятие дипломатических мер. В частности, Китайская Народная Республика использовала свое положение в Совете Безопасности ООН в целях затягивания, но не ветирования вступления Тувалу и Науру, признающих Тайвань, в ООН в 1999 и 2000 гг., соответственно.

Однако известны примеры применения экономического давления КНР на страны Океании. В 1997 г. КНР прекратила преференциальный импорт сахара из Фиджи в ответ на укрепление руководством этого государства связей с Тайванем. В июне 2009 г. Движение за демократию и свободу Фиджи – организация, основанная в Австралии в целях восстановления демократии в Фиджи, утраченной после государственного переворота в 2006 г., – направило в посольство КНР в Канберре петицию, предлагая Китайской Народной Республике «прекратить поддерживать военный режим». В то же время министр иностранных дел Австралии Стивен Смит рекомендовал КНР «не использовать свои контакты с Фиджи в целях подрыва усилий по принуждению Фиджи к проведению выборов» (7).

Следует отметить, что, невзирая на наличие тесных контактов между КНР и Фиджи, Тайвань на протяжении уже длительного времени предоставляет Фиджи бесплатную медицинскую помощь. Тайваньская команда врачей ежегодно посещает Фиджи, оказывая содействие работе местных клиник и больниц. Правительство Фиджи неоднократно выражало свою благодарность за эту помощь (28).

В 2004 г. президент Кирибати (Республика Кирибати признает Тайвань) Аноте Тонг заявил, что, по его мнению, Китайская Народная Республика все еще пытается оказывать влияние на его страну (3). Такое заявление прозвучало по случаю отказа КНР отозвать весь свой персонал из закрытого посольства. А. Тонг сообщил, что сотрудники посольства КНР, остающиеся в Кирибати против его воли, раздадут антиправительственные памфлеты, добавив: «Я уверен, если бы мы делали то же самое в Пекине, мы бы в доли секунды оказались в тюрьме» (9). Брат и главный политический оппонент А. Тонга Харри Тонг ответил на это заявление, обвинив Тайвань в чрезмерном влиянии на Кирибати, в особенности – на местное духовенство (3).

В 2008 г. Тайвань оплатил долги Кирибати перед «Air Pacific» в объеме 3 млн долл. с тем, чтобы эта авиакомпания продолжила обслуживать маршрут Тарава – Киритимати (25).

Стратегическая значимость исхода борьбы за Океанию

Хотя соревнование Китайской Народной Республики и Республики Китай на Тихом океане имеет значительное влияние на страны Океании, существуют также иные стратегические проблемы, являющиеся потенциально более значимыми. КНР рассматри-

вает Океанию в рамках предельно широкого геостратегического контекста, как арену противоборства мировых держав. Вплоть до начала 1990-х годов руководство КНР призывало лидеров стран Океании «остерегаться советского экспансионизма» (16).

Во время «холодной войны» интересы КНР в Океании в целом совпадали с интересами других внешних игроков, таких как Соединенные Штаты, Австралия и Новая Зеландия, политика которых выстраивалась вокруг идеи о недопущении какого-либо советского присутствия в регионе. Сегодня ситуация изменилась, и стратегическая обстановка в Океании определяется в значительной степени возрастающим недоверием между КНР и странами Свободного мира.

Следует отметить общее отсутствие заинтересованности Соединенных Штатов в Южно-Тихоокеанском регионе. При этом политическая нестабильность некоторых режимов стран Океании (прежде всего, в Фиджи и Соломоновых островах) Пекину предоставляет замечательную возможность для продвижения своих интересов посредством «дипломатии чековой книжки». Потенциальное осложнение ситуации способно привести к обострению отношений между США и КНР, что может превратить Океанию в зону глобальной конкуренции.

Представляется маловероятным, однако, что пренебрежение Океанией со стороны США или их увлеченность военно-политическими делами в других частях света приведут к созданию ситуации, когда Океания окажется беззащитна перед постоянно увеличивающимся давлением со стороны Китайской Народной Республики. Вашингтон продолжает присутствовать в Микронезии, однако к югу от экватора влияние США никогда, даже во время Второй мировой войны, не было значительным.

Любой стратегический вакуум всегда чем-то заполняется: таким образом, главными акторами в Океании, помимо КНР, сегодня являются Австралия, Новая Зеландия, Франция, Япония и Европейский союз.

Так или иначе, рост влияния КНР в Океании обуславливается скорее избыточным, нежели недостаточным присутствием в регионе стран Свободного мира. Например, многие страны Океании в целях улучшения экономической ситуации сотрудничают с Международным валютным фондом (МВФ), который выделяет кредиты при условии проведения в стране исчерпывающих неолиберальных политических и экономических реформ. Это обстоятельство вызывает недовольство и отторжение у многих лидеров стран Океании:

МВФ предоставляет кредит (который надо возвращать) лишь при условии проведения реформ, в то время как Китайская Народная Республика выделяет деньги без предъявления каких-либо условий, кроме непризнания этими странами Республики Китай. Помимо этого, концепция развития, предлагаемая странам Океании представителями КНР, выглядит более привлекательно, чем меры жесткой экономии МВФ. Дискурс экономического развития КНР предполагает мирное сосуществование, равенство, уважение к социальным системам и суверенитет островных наций, а также сулит щедрые финансовые потоки безвозмездной помощи. Естественно, такой подход встречает более теплый отклик в сердцах политэкономических элит стран Океании. Однако более трезвомыслящие лидеры островных наций обращают внимание на усиливающуюся внутреннюю несостоятельность КНР, стоящей на грани долгового кризиса, на лицемерие лидеров Коммунистической партии Китая в отношении таких ключевых проблем, как глобальное потепление и регулирование рыбной ловли, а также на естественное для представителей КНР отвращение к демократическим институтам.

Экономическое влияние Китайской Народной Республики в Океании остается неровным, основной объем торговли и инвестиций по-прежнему сосредоточивается там, где добывается сырье. Такое положение вещей явно не способствует развитию диверсифицированной структуры экспорта в странах Океании, сотрудничающих с КНР. В то же время страны, располагающие развитой обрабатывающей промышленностью, испытывают трудности в конкуренции с китайскими товарами. Однако ситуация заметно меняется в силу постепенного удорожания китайских товаров вследствие роста стоимости китайской рабочей силы и национальной валюты.

Активность Пекина в регионе, помимо стремления досадить Тайбэю, объясняется также и общим стремлением к расширению рынков сбыта промышленной продукции, равно как и диверсификации источников природных ресурсов. Преимущество Пекина перед Тайбэем или странами Свободного мира заключается в том, что последние привыкли играть по правилам, разработанным в конце и сразу по окончании Второй мировой войны, – по правилам, когда экономическая помощь предоставляется в кредит, и залогом развития являются перемены, иногда болезненные. КНР с легкостью нарушает эти правила, подсаживая островные правительства на иглу бесплатной ликвидности: как упоминалось ранее, КНР выделяет щедрые суммы денег при лишь одном условии – непризнание Республики Китай.

В такой ситуации, возможно, именно странам Свободного мира придется в конечном итоге искать компромисс либо готовиться к эскалации противостояния с новым источником коммунистической экспансии.

В конечном итоге центральным вопросом столкновения интересов КНР и Тайваня, а также иных акторов в Океании выступают благосостояние и интересы собственно островных наций. Проблема в том, что выбор подходящего для них варианта развития, достижения долгосрочных целей является их собственной прерогативой. Выберут ли эти нации длительное и иногда болезненное развитие в рамках установленных твердых правил или же они предпочтут быстрые деньги для распределения среди коррумпированных элит в отсутствие каких-либо перемен – данный вопрос будет решаться в ближайшие годы.

Заключение

Правительства КНР и Тайваня в своей борьбе вокруг дипломатического статуса Тайбэя способствуют развитию и углублению в странах Океании деструктивной культуры и практики коррупции.

Тайваньские представители утверждают, что они ведут отчаянную борьбу за «место на международной арене». Таким образом, недобросовестность и коррупция, сопровождавшие становление тайваньской демократии, сегодня экспортируются в некоторые страны Океании вместе с тайваньским влиянием. В то же время бизнес-группы КНР своей активной экономической деятельностью наносят существенный ущерб природным ресурсам и экосистемам некоторых тихоокеанских наций. Это наиболее заметно на примере Папуа – Новой Гвинеи.

Несомненно, Тайбэю следует выстраивать свою дипломатию в Океании на принципах подотчетности и прозрачности. Однако не повлечет ли такая смена подхода в отношениях со своими тихоокеанскими союзниками к их поспешной переориентации в сторону Китайской Народной Республики, готовой безвозмездно предоставлять значительные объемы ликвидности?

Излюбленная стратегия КНР в отношении стран Океании заключается в сочетании принудительной дипломатии и экономического поощрения. В интересах Тайваня показать себя с другой – лучшей – стороны.

Если же Пекину удастся переиграть Тайбэй в борьбе за дипломатическое признание, внешнеполитическое поведение Тайваня

станет менее предсказуемым. Если Тайвань утратит остатки международного признания, ему будет больше нечего терять. В конечном итоге разъяренный и изолированный Тайвань может начать разработку оружия для обеспечения собственной независимости, для чего у этой страны имеются технологическая и материальная база.

КНР и Республика Китай, по-видимому, так увлеклись самим процессом дипломатического соревнования в Океании, что первоначальная цель этого противостояния оказалась оставлена без внимания. В настоящий момент ни одна из участвующих в стратегической борьбе в Океании сторон не располагает позитивным видением того, как должен выглядеть результат реализации их интересов. Иными словами, если основным игрокам, прежде всего КНР и Республике Китай, удастся каким-либо образом преодолеть сложившуюся на сегодняшний день тупиковую ситуацию, позитивной повестки дня для Океании у них нет.

События, произошедшие в течение последнего десятилетия в Океании, демонстрируют также, насколько Китайская Народная Республика готова быть ответственным участником глобального управления. И по-видимому, степень этой готовности оставляет желать лучшего. Реализация собственных интересов в нарушение установленных правил игры является примером деструктивного подхода в международных отношениях. КНР развращает страны Океании легкими деньгами, не предлагая взамен программы развития. Такое поведение безответственно.

Следует также учитывать и отстраненность Соединенных Штатов от происходящего в Океании – данный регион фактически предоставлен самому себе.

Список литературы

1. Adams J. Taiwan foreign minister resigns over diplomatic blunder // International Herald Tribune. – N.Y., 2008. – 6 May.
2. Australia 2020 final report // Australian policy online. – Barton, 2008. – 28 May. – 399 p. – Mode of access: <http://apo.org.au/research/australia-2020-summit-final-report> (Дата обращения – 02.03.2014.)
3. Bishop M.W. Kiribati plays the game: Taiwan vs. China battle continues // Pacific magazine. – 2004. – 1 September. – Mode of access: <http://archive.is/fKhmB>
4. Callick R. Sinophilia or Sinophobia? Either way, the Chinese are coming // Pacific Scoop / Pacific media centre. – 2011. – 16 February. – Mode of access: <http://pacific.scoop.co.nz/2011/02/sinophilia-or-sinophobia-either-way-the-chinese-are-coming/> (Дата обращения – 02.03.2014.)

5. China's aid diplomacy destabilises Pacific: Report // Reuters. – 2008. – 11 June. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2008/06/11/idUSSYD18440> (Дата обращения – 02.03.2014.)
6. China-Pacific island countries' ties of cooperation boom in many areas: Chinese mbassador // Xinhua. – 2011. – 5 May. – Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-05/05/c_13859143.htm (Дата обращения – 02.03.2014.)
7. China support for Fiji questioned // BBC News. – 2009. – 19 June. – Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/8108536.stm> (Дата обращения – 02.03.2014.)
8. Chinese Navy ships makes first visit to Tonga // People's Daily online. – 2010. – 3 September. – Mode of access: <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90776/90883/7128492.html> (Дата обращения – 02.03.2014.)
9. Chinese refuse to leave Kiribati // Michael Field / Internet archive wayback machine. – 2005. – 26 October. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20080128132550/http://www.michaelfield.org/kiribati.htm>
10. Craymer L. China seeks to star in South Pacific // The Wall Street J. – 2012. – 27 April. – Mode of access: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702303815404577334522576045372> (Дата обращения – 02.03.2014.)
11. Dobell G. The Pacific proxy: China vs Taiwan // Australia network. – 2007. – 7 February. – Mode of access: <http://australianetwork.com/news/infocus/s1842245.htm> (Дата обращения – 02.03.2014.)
12. Fousek J. To lead the Free World: American nationalism and the cultural roots of the Cold War. – Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina press, 2000. – 253 p.
13. Fraenkel J. The manipulation of custom: From uprising to intervention in the Solomon Islands. – Sydney: Victoria univ. press, 2005. – 240 p.
14. Hanson F., Fifita M. China in the Pacific: The new banker in town // Lowy institute for international policy. – 2011. – 1 April. – Mode of access: <http://www.lowyinstitute.org/publications/china-pacific-new-banker-town> (Дата обращения – 02.03.2014.)
15. Henderson J. China, Taiwan and the changing strategic significance of Oceania // *Revue Juridique Polynesienne*. – Punaauia, Tahiti, 2001. Vol. 1. Contemporary challenges in the Pacic: Towards a new consensus / Univ. de la Polynesie Francaise; S. Levine, T.-L. Sage (Eds.). – P. 143–156. – Mode of access: http://www.upf.pf/IMG/pdf/09_Henderson.pdf (Дата обращения – 02.03.2014.)
16. Herr R. Soviet and Chinese interests in the South Pacific // *Strategic cooperation and competition in the Pacific Islands* / F. Medranski (Ed.). – Washington, DC: National Defence univ. press, 1991. – P. 30–45.
17. Jacobs B. Spending money where it matters // Taipei Times. – Taipei, Taiwan, 2008. – 14 May.
18. Joint statement 19 th Taiwan / Republic of China-Forum countries dialogue // Pacific Islands Forum Secretariat. – Auckland, New Zealand, 2011. – 9 September. – Mode of access: <http://www.forumsec.org/pages.cfm/newsroom/press-statements/2011/joint-statement-19th-taiwan-republic-of-china-forum-countries-dialogue.html> (Дата обращения – 02.03.2014.)
19. Kau M. Six Taiwan's and Beijing's campaigns for unification // *Taiwan in a time of transition* / H. Feldman, M. Kau, Kim I. (Eds.). – N.Y.: Paragon House, 1988. – P. 175–193.

20. Koike Y. China's soft-power offensive in Taiwan // Project Syndicate. – 2012. – 30 January. – Mode of access: <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-soft-power-offensive-in-taiwan> (Дата обращения – 02.03.2014.)
21. McDonald H. Tiny Pacific islands play China using the Taiwan card // The Age. – 2003. – 10 November. – Mode of access: <http://www.theage.com.au/articles/2003/11/09/1068329419844.html> (Дата обращения – 02.03.2014.)
22. Masur S. Churchill's lessons for a modern world // Toronto Sun. – 2010. – 29 May. – Mode of access: http://www.torontosun.com/comment/columnists/salim_mansur/2010/05/28/14176341.html (Дата обращения – 02.03.2014.)
23. NZ signs trade agreement with Taiwan // TVNZ. 2013. – 10 July. – Mode of access: <http://tvnz.co.nz/politics-news/nz-signs-trade-agreement-taiwan-5504989> (Дата обращения – 02.03.2014.)
24. Report questions China aid to Pacific // ABC Radio Australia. – 2008. – 11 June. – Mode of access: <http://www.radioaustralia.net.au/international/2008-06-11/report-questions-china-aid-to-pacific/36676> (Дата обращения – 02.03.2014.)
25. Taiwan \$3 M keeps Air Pacific charters going to Kiritimati Island // Pacific Magazine. – Honolulu, Hawaii, 2008. – 28 September.
26. Taiwan cancels Pacific Islands summit // ABC Radio Australia. – 2008. – 8 October. – Mode of access: <http://www.radioaustralia.net.au/international/2008-10-08/taiwan-cancels-pacific-islands-summit/33738> (Дата обращения – 02.03.2014.)
27. Taiwan gives to the region // Lauru people's association SUVA. – 2009. – 14 July. – Mode of access: <http://karovo.blogspot.ru/2009/07/taiwan-gives-to-region.html> (Дата обращения – 02.03.2014.)
28. Taiwan medical team offers free health checks // Fiji Sun. – 2010. – 26 June. – Mode of access: <http://www.fjijisun.com.fj/2010/06/25/taiwan-medical-team-offers-free-health-checks/> (Дата обращения – 02.03.2014.)
29. Taiwan president hopes summit will boost ties with South Pacific allies // The China Post. – Beijing, 2007. – 11 October.
30. Taiwan president-elect vows to end Pacific 'cheque-book diplomacy'. // Australia network. – 2008. – 26 March. – Mode of access: http://australianetwork.com/news/stories_to/2199657.htm (Дата обращения – 02.03.2014.)
31. Taiwan's next leader urges truce in cash diplomacy battle // AFP. – 2008. – 6 May. – Mode of access: <http://www.google.com/hostednews/afp/article/ALeqM5htsHpvjQR3eUftUSDnBaZlxVeYzg> (Дата обращения – 02.03.2014.)
32. Western Samoa: Taipei is accused of funding protests // China Informed. – 1997. – 14 October. – Mode of access: <http://www.chinainformed.com/Archive/x9710/971014.html> (Дата обращения – 02.03.2014.)

Д.В. Разумовский
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В статье представлены основные направления и схемы политического и экономического взаимодействия стран АТР и ЛАКБ. Особое внимание уделяется проблемам инвестиционного сотрудничества, торговли и формированию разных типов регионализма. В работе рассматриваются также отдельные страны ЛАКБ в процессе торгово-экономической интеграции.

Abstract. This article presents the main directions and patterns of the political and economic interaction between the nations of Asia-Pacific and Latin America and the Caribbean. Special attention is paid to the issues of the investment cooperation, trade and the shaping of different kinds of regionalism. The article also reviews the process of the commercial and economic integration of some Latin American and Caribbean nations.

Ключевые слова: ЛАКБ, АТР, инвестиционное сотрудничество, интеграция, Мексика, Бразилия, Аргентина, Венесуэла.

Keywords: Latin America and the Caribbean, Asia-Pacific, investment cooperation, integration, Mexico, Brazil, Argentina, Venezuela.

В начале XXI в. динамичное развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона заставило научное и экспертное сообщество говорить о нем как о драйвере будущего роста всей мировой экономики. Латинская Америка и Карибский бассейн (ЛАКБ), которые сами частично относятся к АТР, также демонстрировали в этот период наращивание своего веса и влияния в мире. Накопление экономических потенциалов по разные стороны Тихого океана неминуемо толкает два региона к поиску новых направлений и

схем политического и экономического сотрудничества. Рост показателей экономического взаимодействия между ЛАКБ и Тихоокеанской Азией¹, по сути, является примером развития отношений в так называемом формате «Юг – Юг».

Анализ отношений между двумя развивающимися регионами невозможен без рассмотрения роли крупнейшей экономики АТР – США. С одной стороны, латиноамериканские и азиатские страны заинтересованы в снижении своей зависимости от крупнейшей мировой державы за счет диверсификации своей внешнеэкономической политики, а также в повышении эффективности своей внешней торговли за счет выхода на новые быстрорастущие рынки АТР. С другой стороны, США продолжают оставаться наиболее влиятельным политическим и экономическим игроком не только в АТР, но и в мире, поэтому в выстраивании своего участия в региональных торговых и интеграционных схемах страны ЛАКБ в большой степени продолжают ориентироваться на схемы, предлагаемые Соединенными Штатами.

Переориентация торговли на АТР

Латинская Америка всегда гибко реагировала на смену мировых эпицентров развития. Если в середине XX в. во внешней торговле региона росла доля США, а в 80-х и 90-х годах XX в. – ЕС, то теперь есть основания полагать, что в ближайшее десятилетие на ключевую позицию основных торговых партнеров стран Латинской Америки выдвинутся страны Тихоокеанской Азии, прежде всего Китай. Возрастание значения этих государств как торговых партнеров ЛАКБ согласуется с тенденцией роста доли стран АТР в мировой торговле в целом.

Темпы роста торговли со странами Тихоокеанской Азии более чем в три раза опережали темпы прироста общих объемов внешней торговли стран ЛАКБ в период с 2006 по 2012 г. Доля указанных стран в структуре латиноамериканского экспорта выросла с 8,5% в 2000 г. до 16,5% в 2012 г., что сравнимо с долей

---

¹ Здесь и далее понятие «Тихоокеанская Азия» включает в себя следующие государства: Австралия, Камбоджа, Китай, Гонконг, Макао, Индонезия, Япония, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Папуа – Новая Гвинея, Филиппины, Россия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Бруней и все государства Полинезии, Меланезии и Микронезии.

такого традиционного партнера, как ЕС (12,2% в 2012 г.)¹. Меняется и структура двусторонних торговых отношений со странами Тихоокеанской Азии. Прежде крупнейший торговый и инвестиционный партнер в регионе – Япония – уступила первенство Китаю, доля которого в общей структуре экспорта ЛАКБ в 2012 г. достигла 8,6% (доля Японии – 2,5%). Китай стал важнейшим после США рынком сбыта для латиноамериканских товаров, ожидается, что при текущих темпах роста экспорт в эту страну к 2014–2015 гг. превысит объем экспорта в ЕС. В течение 2000-х годов для ряда стран региона Китай стал по важности первым (Бразилия, Чили, Перу) или вторым (Колумбия) экспортным рынком.

Значение экспорта в страны Тихоокеанской Азии для стран ЛАКБ сильно варьируется, при этом какие-либо географические закономерности в показателях этой «привязки» не просматриваются (см. табл. 1). Традиционно страны Тихоокеанской Азии являются важнейшим рынком сбыта (прежде всего, медного концентрата и меди) для Чили (более 40% общего объема экспорта в 2012 г.). Более четверти своего экспорта направляют в регион Бразилия и Перу (28,9 и 27,9% в 2012 г. соответственно). Другие страны ЛАКБ, особенно те, что имеют выход к Тихому океану, пока не в полной мере воспользовались возможностями роста торговли с регионом по другую сторону океана. В Эквадоре, Колумбии, Мексике, странах Центральной Америки доля региона в общем объеме экспорта не превышает 10%. Однако, несмотря на подобные показатели, большинство этих стран активно ищут новые возможности для интенсификации экономического сотрудничества со странами АТР, прекрасно осознавая ту роль, которую будет играть Тихоокеанская Азия в будущем мировой экономики.

Мировой финансово-экономический кризис почти не сказался на экспортных поставках стран ЛАКБ в Тихоокеанскую Азию. Крупнейшие азиатские потребители латиноамериканских товаров (прежде всего, Китай) сохранили высокие темпы экономического роста и не сократили объемы импорта. Переориентация части экспорта на растущие азиатские рынки позволила латиноамериканским экономикам нивелировать негативные эффекты от снижения спроса со стороны развитых стран, в результате экономический спад в большинстве стран ЛАКБ был неглубоким.

---

¹ Рассчитано на основе (29).

**Объем экспорта стран ЛАКБ в страны АТР
и его доля в общем объеме экспорта**

	Млн долл.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
ЛАКБ	Объем	20 104	19 709	50 440	127 546	159 187
	Доля	9,3%	5,7%	8,9%	14,8%	16,5%
Аргентина	Объем	2040	2 224	6362	11 970	14 060
	Доля	9,7%	8,4%	15,9%	17,6%	17,4%
Боливия	Объем	7,9	18,6	242,5	1120,3	1253,4
	Доля	0,7%	1,3%	8,7%	16,1%	10,6%
Бразилия	Объем	8 062	6 334	19 491	54 717	70 065
	Доля	17,3%	11,5%	16,4%	27,7%	28,9%
Чили	Объем	4839	4638	13 309	31 693	34 372
	Доля	30,4%	25,5%	31,7%	44,7%	43,9%
Колумбия	Объем	596	409	860	3615	5478
	Доля	5,8%	3,1%	4,1%	9,1%	9,1%
Эквадор	Объем	514	646	415	1567	2036
	Доля	11,8%	13,4%	4,2%	9,0%	8,5%
Мексика	Объем	1938	2548	4033	9613	14 209
	Доля	2,4%	1,5%	1,9%	3,2%	3,8%
Перу	Объем	1151	1166	2942	8733	12 812
	Доля	21,2%	17,0%	17,2%	24,8%	27,9%
Венесуэла*	Объем	384	443	583	761	н. д.
	Доля	2,0%	1,4%	1,1%	1,1%	н. д.

* Без учета поставок нефти

Источник: (29).

Следует заметить, что еще более бурному росту торговли латиноамериканских стран со странами Тихоокеанской Азии препятствует ее несбалансированность. Несмотря на рост экспорта в страны Тихоокеанской Азии, большинство стран ЛАКБ сохраняют отрицательное сальдо торгового баланса с азиатскими партнерами из-за опережающих темпов роста импорта. В целом по ЛАКБ доля импорта из стран региона в общем объеме импорта достигла 26,2% в 2012 г., при этом разрыв в темпах роста экспорта и импорта нарастает. В 2012 г. дефицит торговли в целом по ЛАКБ составил почти 100 млрд долл.¹ Наиболее острой проблема дефицита является для Мексики (89 млрд долл. в 2012 г.), а относительно общих объемов торговли – для стран Центральной Америки, Парагвая и Уругвая. Среди крупнейших

¹ Рассчитано на основе (29).

экономик ЛАКБ стабильный профицит торговли характерен лишь для Чили, а в последние годы – для Бразилии и Перу.

В отличие от экспорта, показатели значения импорта из стран Тихоокеанской Азии более ровно распределены между латиноамериканскими государствами (см. табл. 2). Наибольшая доля импорта из региона характерна для Панамы (53% в 2011 г.), Парагвая (36,2% в 2012 г.), Перу и Бразилии, наименьшая – для стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Стремительный рост импорта из стран Тихоокеанской Азии обусловлен, главным образом, торговой экспансией на латиноамериканские рынки Китая, ставшего вторым после США экспортером в ЛАКБ (15,1% общего объема импорта ЛАКБ в 2012 г.) и обогнавшего даже ЕС (14,2%). Рост значимости торговых связей «Китай – ЛАКБ» происходил симметрично для обеих сторон: рост экспорта из Китая в страны региона по своим темпам в 2 раза превышал темпы роста китайского экспорта в целом.

Таблица 2

**Объем импорта стран ЛАКБ из стран АТР и его доля
в общем объеме импорта**

	Млн долл.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
ЛАКБ	Объем	25 440	40 977	95 538	222 304	255 551
	Доля	11,3%	11,4%	19,2%	26,8%	26,1%
Аргентина	Объем	2337	3532	3728	12 200	16 131
	Доля	11,6%	14,0%	13,0%	21,5%	23,5%
Боливия	Объем	215	197	318	1 098	1 746
	Доля	15,4%	10,7%	13,6%	19,6%	21,1%
Бразилия	Объем	6981	8257	15 626	51 727	63 140
	Доля	13,0%	14,8%	21,2%	28,7%	28,3%
Чили	Объем	2523	2706	6575	18 495	21 399
	Доля	16,9%	16,3%	20,0%	31,1%	26,9%
Колумбия	Объем	1834	1418	3471	8724	14 213
	Доля	13,2%	12,1%	16,4%	21,4%	24,5%
Эквадор	Объем	523	334	1623	3863	5199
	Доля	12,5%	9,7%	16,9%	18,8%	20,6%
Мексика	Объем	6786	17 865	49 295	88 825	103 585
	Доля	9,4%	10,0%	22,2%	29,5%	27,9%
Перу	Объем	1209	1204	2273	8666	12 545
	Доля	15,9%	16,2%	18,2%	28,9%	29,7%
Венесуэла	Объем	781	1401	2278	5096	н. д.
	Доля	7,2%	9,6%	10,4%	15,8%	н. д.

Источник: (29).

В целом по странам Тихоокеанской Азии значение ЛАКБ как торгового партнера пока остается невысоким. В среднем по региону на ЛАКБ приходится не более 5% общего экспорта, при этом большая часть регионального экспорта приходится на три страны: Китай (5,6% общего экспорта в среднем за 2009–2011 гг.), Япония (5,1%) и Республика Корея (6,3%). Для остальных стран региона этот показатель не превышает 2–3%¹.

Качество и параметры взаимной торговли стран Тихоокеанской Азии и ЛАКБ во многом определяются ее отраслевой структурой. Экспортные потоки из ЛАКБ в регион характеризуются слабой диверсифицированностью и концентрированностью на узкой (2–3 товарные позиции) группе товаров. В целом по ЛАКБ за 2010–2011 гг. более 65% экспорта составили поставки сырьевых продуктов (преимущественно черные и цветные металлы, нефть, соевые бобы), на продукты первичной переработки приходится почти 25%. Продукция обрабатывающей промышленности занимает менее 10% структуры экспорта, при этом 2/3 этого объема – это низкотехнологичная и среднетехнологичная продукция (13, с. 36). Высокая доля высокотехнологичной продукции в экспорте характерна лишь для Мексики, Коста-Рики и Сальвадора. Подобные поставки осуществляются в рамках производственных цепочек американских и азиатских ТНК, использующих эти латиноамериканские страны как экспортные платформы. Экспорт стран Тихоокеанской Азии в ЛАКБ отличается большей диверсифицированностью, более 85% его структуры – это продукция обрабатывающей промышленности, чуть менее половины этого объема составляют высокотехнологичные товары (13, с. 36).

Большинство правительств латиноамериканских стран не удовлетворены текущим уровнем торгового сотрудничества со странами Тихоокеанской Азии. Их политика направлена на улучшение условий доступа собственных товаров на азиатские рынки, а также на развитие необходимой инфраструктуры (транспортной, торговой), так как ее текущие мощности не способны обеспечить растущий объем взаимных поставок.

Инвестиционное сотрудничество

Темпы развития инвестиционного сотрудничества между двумя регионами отстают от динамично растущих темпов торговых связей, что не удовлетворяет латиноамериканские правитель-

---

¹ Рассчитано на основе (29).

ства. ЛАКБ уступает Тихоокеанской Азии по показателям привлечения ПИИ: 14% от мирового объема входящих ПИИ в 2011 г. у ЛАКБ против 28% у стран Тихоокеанской Азии. Однако необходимо учитывать различия в масштабе экономик: показатели доли ПИИ в ВВП у обоих регионов примерно равны 3% (30).

Данные об объеме ПИИ из стран Тихоокеанской Азии в страны ЛАКБ сильно разнятся в зависимости от источника. Сложности с учетом показателей инвестиционной активности во многом связаны с тем, что в ЛАКБ расположено несколько офшорных зон (Британские Виргинские острова, Каймановы острова и др.), в которые направляется существенная часть инвестиций стран Тихоокеанской Азии, прежде всего Китая и Японии¹. По оценкам Экономической комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну (СЕРПАЛ), объем взаимных ПИИ остается небольшим, доля инвестиций из стран Тихоокеанской Азии в общем объеме ПИИ в среднем за период 2006–2010 гг. не превышала 3% (12, с. 37). Исходя из данных СЕРПАЛ, инвестиции Китая в регион в 2011 г. не превысили 2 млрд долл., Японии – 14 млрд долл. По данным же китайских статистических источников, в 2011 г. инвестиции в ЛАКБ выросли до 12 млрд долл., что соответствует примерно 7% от общего объема ПИИ в регион (23). Основными получателями китайских инвестиций являются Бразилия, Аргентина и Перу. С точки зрения отраслевой структуры приоритетами китайских инвесторов являются добывающая промышленность, энергетика и инфраструктура, хотя в последние годы реализуются (или анонсированы) проекты по созданию автопроизводств (в Мексике и Аргентине) или сборке электроники (в Венесуэле).

Особую известность получили инициативы Китая выступить инвестором ряда масштабных инфраструктурных проектов на территории ЛАКБ. Китай заинтересован в наращивании торговли со странами Атлантики, что сдерживается пропускными способностями Панамского канала. В результате КНР озвучила планы реализации двух мегапроектов: создания альтернативы Панамского канала за счет создания нового канала в Никарагуа и строительства 220-километровой железнодорожной магистрали в Колумбии, которая соединила бы порты на Тихом океане и в Карибском море (так называемый «Сухой канал»). В июле 2013 г.

---

¹ Важно также отметить, что ряд стран ЛАКБ (Венесуэла, Перу) в статистических данных ведут учет ПИИ не по стране их происхождения.

было объявлено о намерении начать проектирование и строительство канала на территории Никарагуа (7). Общий объем инвестиций оценивается в 40 млрд долл.

Важной формой финансового сотрудничества Китая и латиноамериканских стран стало предоставление кредитов китайскими институтами развития. За период с 2005 по 2012 г. общий объем займов составил 85 млрд долл., более половины этого объема пришлось на Венесуэлу (44,5 млрд долл.) (27). Также крупными получателями стали: Бразилия (12,1 млрд долл.), Аргентина (11,8 млрд долл.) и Эквадор (9,3 млрд долл.). Займы предоставляются в основном для реализации проектов в сфере инфраструктуры (44,9% общего объема кредитов) и энергетики (23%). География деятельности китайских банков развития не совпадает со страновой структурой распределения инвестиций, что может свидетельствовать о том, что кредитование выступает формой поддержки латиноамериканских государств-партнеров, для которых затруднено получение займов от международных финансовых организаций. Условием предоставления кредитов китайских банков являются обязательства по привлечению китайских подрядчиков или закупке оборудования. Латиноамериканские страны больше склонны принимать обязательства китайской стороны, нежели учитывать требования по экономической политике, связанные с получением кредитов международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк).

Япония традиционно была крупнейшим азиатским инвестором в ЛАКБ, лишь в последние годы по этому показателю с ней сравнялся Китай. Начиная с 2009 г. объем японских инвестиций в регион резко вырос, главным образом, за счет вложений в строительство автосборочных предприятий в Мексике и Бразилии. По данным CEPAL, в 2012 г. объем японских инвестиций в регион составил 7 млрд долл., инвестиции были сконцентрированы в трех странах: Мексике (1,7 млрд долл. в 2012 г.), Бразилии (1,2 млрд долл.) и Чили (1,8 млрд долл.) (13, с. 53). Японские статистические источники оценивают объем инвестиций в 2012 г. в 10,4 млрд долл. (20).

Важной тенденцией последнего десятилетия стала активизация финансового и инвестиционного сотрудничества двух регионов через региональные институты развития, прежде всего, через Межамериканский банк развития (МАБР). Распространение получила практика создания специализированных трастовых фондов под управлением МАБР. Так, в 2009 г. Китай учредил два фонда (по развитию государственных институтов и эквити-фонд под-

держки малого и среднего бизнеса) общим объемом 150 млн долл. Было объявлено о планах увеличения объема его ресурсов до 1 млрд долл. Южная Корея также учредила два фонда общим объемом 100 млн долл. на поддержку инноваций, а также малого и среднего бизнеса. Крупнейшим трастовым фондом под управлением МАБР является Специальный фонд Японии, созданный в 1988 г. Фонд финансирует как проекты по техническому развитию, так и проекты по борьбе с бедностью, а также оказывает консультативную помощь. С 2001 г. фонд профинансировал 138 проектов на 45 млн долл.

Формы интеграции стран ЛАКБ в АТР

Латиноамериканские страны видят значительный потенциал в дальнейшем развитии политического и экономического сотрудничества с Тихоокеанской Азией. Как было отмечено выше, текущий характер отношений не устраивает большинство стран ЛАКБ. Несмотря на активный рост абсолютных показателей торговли, «качественная» структура регионального экспорта остается преимущественно сырьевой, т.е. с низкой добавленной стоимостью, и не дает желаемого прироста уровня благосостояния.

Помимо инфраструктурных ограничений торговли, сдерживающим фактором является и неразвитость договорной базы сотрудничества. Обе стороны часто прибегают к инструментам тарифных и нетарифных ограничений взаимной торговли. Латиноамериканские государства не могут эффективно конкурировать на рынках АТР с развивающимися азиатскими странами (прежде всего, со странами АСЕАН), имеющими развитую систему торговых соглашений. Рост торговли между двумя регионами в 2000-х годах подтолкнул стороны к началу переговоров о заключении двусторонних и многосторонних торговых соглашений. По состоянию на конец 2013 г. между регионами действует 19 соглашений о свободной торговле, три соглашения подписаны, но не вступили в силу (см. табл. 3). Ведутся переговоры о заключении восьми новых двусторонних соглашений, трех соглашений в формате «страна + блок».

Таблица 3

**Двусторонние торговые соглашения (или соглашения
в формате «страна + блок») между странами АТР и ЛАКБ**

Соглашение	Тип	Статус	Год вступления в силу / год начала переговоров
Республика Корея – Чили	ЗСТ	в силе	2004
Китайская Республика (Тайвань) – Панама	ЗСТ	в силе	2004
Япония – Мексика	ЗСТ	в силе	2005
Китай – Чили	ЗСТ	в силе	2006
Сингапур – Панама	ЗСТ	в силе	2006
Китайская Республика (Тайвань) – Гватемала	ЗСТ	в силе	2006
Япония – Чили	ЗСТ	в силе	2007
Китайская Республика (Тайвань) – Сальвадор – Гондурас	ЗСТ	в силе	2008
Китайская Республика (Тайвань) – Никарагуа	ЗСТ	в силе	2008
Австралия – Чили	ЗСТ	в силе	2009
Сингапур – Перу	ЗСТ	в силе	2009
Китай – Перу	ЗСТ	в силе	2010
Республика Корея – Перу	ЗСТ	в силе	2011
Китай – Коста-Рика	ЗСТ	в силе	2011
Таиланд – Перу	ЗСТ	в силе	2011
Япония – Перу	ЗСТ	в силе	2012
Малайзия – Чили	ЗСТ	в силе	2012
Сингапур – Коста-Рика	ЗСТ	в силе	2013
Чили – Вьетнам	ЗСТ	в силе	2012
Гонконг – Чили	ЗСТ	подписано	2012
Китайская Республика (Тайвань) – Парагвай	ЗСТ	подписано	2004
Республика Корея – Колумбия	ЗСТ	подписано	2013
Сингапур – Мексика	ЗСТ	переговоры	2000
Республика Корея – Мексика	ЗСТ	переговоры	2006
Китайская Республика (Тайвань) – Доминиканская Республика	ЗСТ	переговоры	2006
Таиланд – Чили	ЗСТ	переговоры	2011
Республика Корея – Меркосур	ЗПТ	переговоры	2004
Таиланд – Меркосур	ЗСТ	переговоры	2006
Австралия – Мексика	ЗСТ	переговоры	2006
Австралия – Колумбия	ЗСТ	переговоры	2009
Республика Корея – SAFTA-DR	ЗСТ	переговоры	2010
Индонезия – Чили	ЗСТ	переговоры	2009
Япония – Колумбия	ЗСТ	переговоры	2011

ЗСТ – соглашение о свободной торговле.

ЗПТ – соглашение о преференциальной торговле.

Источник: (9).

Наиболее активными в заключении двусторонних торговых соглашений были страны бассейна Тихого океана: Чили, Перу, Колумбия, Мексика, Панама, Коста-Рика. Помимо особенностей географического положения, эти страны объединяет приверженность принципам открытого регионализма и стремление избегать закрытых, преференциальных схем интеграции. Показательно, что значение торговли с Тихоокеанской Азией для этих стран различно. Так, только Чили имеет стабильный профицит торговли с регионом, для остальных же государств заключение торговых соглашений с партнерами по другую сторону океана есть попытка нарастить экспорт, сбалансировать структуру торговли и снизить дефицит.

Большинство двусторонних соглашений между странами ЛАКБ и Тихоокеанской Азии относятся к так называемому типу «ВТО+», т.е. включают в себя регулирование вопросов торговли услугами, государственных закупок, взаимных инвестиций, интеллектуальной собственности, конкурентной политики и др. Однако возможности латиноамериканских стран для эффективного отстаивания своих интересов в переговорах с партнерами по другую сторону океана (прежде всего, с крупнейшими странами, такими как Япония, Китай, Австралия) ограничены их небольшим геополитическим весом и влиянием. Именно стремлением усилить свои переговорные позиции объясняется желание ряда латиноамериканских стран перевести формат взаимодействия с двустороннего на многосторонний.

Первой попыткой сформировать системный инструмент межрегионального взаимодействия стало создание в 2001 г. Форума сотрудничества стран Восточной Азии и Латинской Америки (Foro de Cooperación América Latina – Asia del Este, FOCAL), объединившего 33 страны по обе стороны океана¹. Данная организация является площадкой для диалога правительственных структур по широкому кругу вопросов (экономика, политика, наука, культура, образование) и не ставит своей целью превращение в полноценное интеграционное объединение.

---

¹ Членами FOCAL являются: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гватемала, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Эквадор, Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Китай, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Республика Корея, Япония.

Придать стимул развитию сотрудничества призвано было вступление трех латиноамериканских стран в АТЭС¹. Мексика, Перу и Чили эффективно использовали возможности участия в данном региональном форуме для налаживания двусторонних торгово-экономических отношений с азиатскими партнерами. Однако пробуксовка основных торговых инициатив АТЭС (так называемых Богорских целей) заставляет страны-участницы искать иные конфигурации и формы торговой интеграции.

Латиноамериканские страны, осознав необходимость объединения усилий, предложили новые инициативы по повышению эффективности своего взаимодействия со странами АТР по другую сторону океана. В январе 2007 г. по рекомендации CEPAL была создана новая организация – Латиноамериканская тихоокеанская дуга (Arco del Pacífico, APL), включающая 11 государств региона². APL изначально задумывалась не как полноценный интеграционный блок, а как площадка для диалога по следующим направлениям: либерализация внутреннего товарообмена и инвестиций (при этом конкретные цели создания ЗСТ, таможенного союза или общего рынка не назывались), а также расширение и углубление сотрудничества с азиатскими странами Тихоокеанского бассейна. Особый акцент на «азиатский фактор» не был выражен в ассоциированном участии представителей этого региона в работе APL или подписании каких-то совместных соглашений, однако в декларациях организации говорилось, что впечатляющий экономический рост, стабильность и наличие капиталов в странах Азии заслуживают дополнительного внимания и изучения и что необходимо принимать меры по привлечению азиатских инвестиций в регион. В связи с этим странами-участницами даже велась работа по повышению своей инвестиционной привлекательности, и при участии МАБР был создан специализированный инвестиционный интернет-портал «Portal de inversiones».

Однако скромные результаты работы APL заставили в конце 2010 г. действующего на тот момент президента Перу А. Гарсию предложить более амбициозный и мощный инструмент тихоокеанской интеграции. Перу, Колумбия, Чили, а чуть позже и Мексика сформировали новый торговый блок, получивший рабочее название

---

¹ В ЛАКБ членами АТЭС являются Мексика (с 1993 г.), Чили (с 1994 г.) и Перу (с 1998 г.).

² Чили, Колумбия, Коста-Рика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама и Перу.

Тихоокеанский альянс, целью которого является формирование зоны свободной торговли и общего рынка. В мае 2013 г. в объединение вступила Коста-Рика, о своем желании в ближайшее время присоединиться заявила Панама. Статус стран-наблюдателей, помимо ряда латиноамериканских и европейских стран, получили также Китай, Япония, Республика Корея, Австралия и Испания.

Стратегия развития нового блока имеет много общего с тем курсом, которого придерживаются восточноазиатские интеграционные союзы: основной акцент сделан на гармонизацию правил торгового (включая торговлю услугами) и инвестиционного регулирования, создание механизмов содействия торговле и инвестициям, финансовое сотрудничество. Особое внимание уделено созданию общих правил происхождения товаров, что, как показывает опыт Восточной и Юго-Восточной Азии, является одним из ключевых факторов формирования региональных цепочек стоимости. Данные меры, по мнению идеологов объединения, будут способствовать повышению инвестиционной привлекательности, росту конкурентоспособности экономик, упрощению торговых процедур. Отличие же от традиционных латиноамериканских субрегиональных блоков заключается в избегании создания преференциальных торговых схем, именно поэтому в целях блока не значится создание таможенного союза.

Как и в рамках региональных объединений ЛАКБ, стратегию интеграции Тихоокеанского альянса можно назвать комплексной. Безусловно, основной акцент делается именно на торговые формы сотрудничества, что является ответом на сложности с либерализацией торговли в рамках прежних объединений, однако происходит сближение и в сферах инвестиционного сотрудничества. Так, для интенсификации инвестиционного сотрудничества в 2010 г. произошло объединение фондовых бирж Перу, Чили и Колумбии в так называемый Латиноамериканский интегрированный рынок (Mercado Integrado Latinoamericano), что является шагом к формированию общего фондового рынка. В 2014 г. предполагается присоединение к данному биржевому союзу Мексики. На VII Саммите Тихоокеанского альянса в мае 2013 г. было принято также решение учредить Фонд сотрудничества (объемом 1 млн дол.), Фонд развития туризма, создать единое визовое пространство; запущены программы студенческих обменов (21).

В настоящее время Тихоокеанский альянс находится в стадии становления, однако уже достигнут прогресс в процессе гармонизации торговых правил и либерализации внутрizonальной торговли.

Выбранный Тихоокеанским альянсом формат торговой либерализации и гармонизации правил согласуется с параметрами интеграции, выбранной в рамках восточноазиатских объединений. Стратегия пяти (впоследствии – шести) латиноамериканских стран нацелена на наиболее эффективное и своевременное встраивание в процессы формирования транстихоокеанской зоны свободной торговли, которые будут проходить в формате «от регионализма к мультилатерализму». И здесь страны Тихоокеанского альянса получают преимущество перед другими латиноамериканскими странами и союзами, которым потребуется дополнительное время на гармонизацию своих торговых правил и процедур. То, что идеологически новый блок более соответствует именно азиатской трактовке принципа «открытого регионализма», вызывает сомнения о совместимости объединения с возможной будущей торговой интеграцией в масштабах всей Южной Америки.

Тихоокеанский альянс, несмотря на его ориентированность на внешний стратегический вектор, является внутререгиональным блоком, перспективы дальнейшей интеграции которого с азиатскими странами или объединениями пока не ясны. Наиболее обещающим и масштабным проектом интеграции в АТР стало Транстихоокеанское стратегическое соглашение о партнерстве (Trans-Pacific strategic economic partnership agreement, TPSEP). Созданное в 2005 г., изначально объединение было соглашением о свободной торговле между четырьмя странами (Чили, Сингапур, Новая Зеландия и Бруней). Однако колоссальный импульс развитию блок получил после присоединения США к переговорам об участии в нем в 2008 г. За этим последовало присоединение к переговорам еще семи государств АТР (Австралия, Перу, Вьетнам, Малайзия, Мексика, Канада, Япония), а в 2010 г. создаваемый блок получил новое название – Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP).

США воспринимает новое объединение как инструмент реализации своей внешнеэкономической стратегии в ЛАКБ и АТР. В рамках TPP предусмотрена глубокая либерализация, затрагивающая вопросы торговли, инвестиций, конкурентной политики, трудового права, природоохранной политики. Участники переговоров воспринимают TPP не как обычную зону свободной торговли, а как соглашение нового типа с самым либеральным и продвинутым торговым и инвестиционным режимом в АТР, созданным по стандартам «ВТО+».

Ключевой вопрос дальнейшего развития ТРП – возможность присоединения к переговорам Китая. Пока и лидер блока – США – не спешит принимать Китай, прежде всего – по политическим мотивам. Китаю было предложено вступить в блок, но на продвигаемых США, заранее неприемлемых жестких условиях. Сам же Китай делает ставку на развитие «закрытых» форм регионализма в Восточной Азии, и на данный момент нет понимания, как будут сочетаться эти два противоположных подхода.

В переговорах о создании ТРП участвуют три страны, входящие в Тихоокеанский альянс (Перу, Мексика, Чили), присоединение к процессу Колумбии пока осложнено формальными причинами (Колумбия не является членом АТЭС). Однако стоит ожидать, что после завершения переговоров США предложат Колумбии присоединиться. Таким образом, можно предположить, что Тихоокеанский альянс «вольется» в Транстихоокеанское партнерство, в котором существуют более жесткие правила либерализации, но которое при этом даст странам-участницам возможность лучше координировать свои торговые переговоры со странами АТР, ведущиеся сейчас в двустороннем формате. Вероятнее всего, за Тихоокеанским альянсом останутся проведение неторговой интеграции (туризм, продвижение экспорта и др.), а также задачи создания общего рынка.

Латиноамериканский и восточноазиатский регионализм: Концептуальные предпосылки перспективы формирования Тихоокеанского мегарегиона

Сотрудничество ЛАКБ и Тихоокеанской Азии не ограничилось только «физическим» взаимодействием в виде обменов товарами или капиталами. Рассматривая развитие интеграционных процессов в ЛАКБ в период с 80-х и 90-х годов XX в., невозможно не учитывать то идейное влияние, которое оказали азиатские концептуальные и теоретические наработки в области экономической интеграции и регионализма.

Латиноамериканский регионализм, начавший свое развитие практически одновременно с европейской интеграцией в 50–60-х годов XX в., представлял собой синтез европейских рыночных моделей и теорий зависимости. Однако подобная модель регионализма, основанная на идее импортзамещающей индустриализации в рамках общерегионального, закрытого от внешнего мира объединения, привела к глубокому кризису интеграции в 80-х годах XX в.

Интеграционное строительство в Азии началось несколько позже (в конце 60-х годов XX в.), при этом страны региона изначально отказалась от европейской логики последовательной смены этапов интеграции, предпочитая наращивать сотрудничество постепенно и осторожно. Позже подобный нефорсированный путь интеграции без жесткой формализации и институционализации процессов объединения так и стали называть «путь АСЕАН».

Развитие регионализма в Азии являлось примером так называемой «market driven» интеграции или «интеграции снизу». Рост объемов внутрирегиональной торговли происходил без их формализации в виде множества интеграционных институтов и без выстраивания высоких внешних протекционистских барьеров. Осознание позитивных эффектов открытой торговой политики в 80-х и 90-х годах XX в. стало концептуальной основой нового регионального объединения, которое ассоциируется с идеями «открытого регионализма». Идеология Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) построена на желании усилить и гармонизовать процессы открытой торговой либерализации, не создавая при этом преференциальные механизмы, как это принято в «классических» европейских и латиноамериканских интеграционных блоках.

Среди экономистов и политологов не существует консенсуса относительно единого определения понятия «открытый регионализм». Наиболее признанным является предложенный в 1997 г. американским экономистом Ф. Бергстеном подход, включающий пять ключевых элементов: свободное членство, безусловный (безвозмездный) режим наибольшего благоприятствования, условный (возмездный) режим наибольшего благоприятствования, глобальная либерализация, содействие торговле (10). Исходя из предложенных определений, становится ясно, что основной акцент делается на согласованной, недискриминационной внутренней и внешней либерализации строго в соответствии с правилами и требованиями ГАТТ / ВТО (1, с. 35).

Концепция «открытого регионализма», безусловно, содержала в себе немало прорывных идей, ее вклад в процесс роста открытости азиатских экономик нельзя недооценивать. При сохраняющихся ограничениях значительно выросли объемы внутрирегиональной торговли, были существенно снижены тарифные и нетарифные ограничения в торговле (средний внешнеторговый тариф в АТЭС снизился с 10,8% в 1996 г. до 6,6% в 2008 г.) (8). Новым было и то, что основной целью межгосударственного ре-

гионального сотрудничества должны были стать рост конкурентоспособности стран региона в открытой глобальной торговле и усиление индивидуальных переговорных позиций стран-членов в рамках переговоров с третьими странами.

В ЛАКБ «потерянное десятилетие», приведшее, в том числе, к системному кризису интеграции, потребовало кардинальной смены самого концептуального подхода. На развитие нового подхода – неоструктурализма – огромное влияние оказали азиатские концептуальные наработки. Новой задачей интеграции было объявлено не расширение региональных рынков для импортзамещения, а рост глобальной конкурентоспособности, что требовало большей открытости и отказа от протекционизма. Наиболее обобщенно суть эволюции латиноамериканских взглядов сформулировала российский исследователь А. Лавут, указывающая, что новый этап интеграции был больше ориентирован на мировой рынок, в отличие от прежнего «закрытого» регионализма, ориентированного «вовнутрь» (2). В работах латиноамериканских экономистов в 90-х годов XX в. все чаще встречались понятия и подходы, унаследованные из опыта развития азиатских объединений: многосторонняя либерализация, содействие торговле, системная конкурентоспособность, региональные цепочки стоимости и др.

Латиноамериканская интерпретация понятия «открытый регионализм» отличалась от классического определения. В работах CEPAL, на постулаты которой продолжали влиять парадигмы десаррольизма и структурализма, понятие «открытый регионализм» рассматривалось как примирение прежних преференциальных схем региональной интеграции и процессов многосторонней торговой либерализации в рамках ВТО. Но латиноамериканские экономисты попытались взять лучшие, сильные стороны из преференциальной и многосторонней либерализации и соединить их, несмотря на то что такая комбинация представлялась внутренне противоречивой. Так, в Меркосур, Андском сообществе, Карибском сообществе (КАРИКОМ) в соответствии с «духом» открытого регионализма были приняты программы значительного снижения тарифных ограничений в торговле с третьими странами, общий уровень региональных таможенных тарифов снизился с 40% в 1980 г. до 10% в начале 2000-х годов (2, с. 11). Однако, несмотря на общее снижение тарифных ограничений, эти группировки сохранили прежний сильно выраженный преференциальный, региональный характер (10), что сохраняет более высокие,

чем в Азии, эффекты отклонения торговли¹. Поэтому среди экономистов отсутствует единство в оценке соответствия деятельности новых латиноамериканских блоков общепринятым принципам «открытого регионализма».

В 2000-х годах на позицию латиноамериканских экономистов продолжают оказывать сильное влияние опыт и концептуальная основа азиатской интеграции. Центральное место в работах по интеграции занимает проблематика соотношения традиционных, региональных преференциальных форм интеграции и более гибких односторонних / многосторонних схем торговой либерализации, принятых в Азии.

Особое внимание латиноамериканских научных и экспертных кругов привлекала тематика инвестиционной либерализации и повышения региональной конкурентоспособности. Опыт Азиатского региона продемонстрировал, какие механизмы и инструменты наиболее эффективны для данных направлений, и латиноамериканские экономисты начали активно использовать эти наработки. Наиболее перспективным является изучение опыта выстраивания в Тихоокеанской Азии региональных производственных цепочек. Возникновение подобных производственных систем выступало формой «интеграции снизу», главными драйверами которой были японские, корейские, а позже и тайваньские ТНК. Реализуя принцип «стаи летящих гусей», начиная с 60-х годов XX в. эти страны поэтапно выносили трудоемкие или ресурсоемкие производства сперва в «азиатские тигры» (в 60-х годах XX в.), а начиная с 80-х годов – в страны АСЕАН и КНР. Так создавались региональные производственные цепочки, что было вызвано переходом от доминировавших прежде жестких, фордистских принципов производства к более гибким постфордистским.

Разработка тематики производственных цепочек в работах латиноамериканских экономистов совпала с развитием эмпирических исследований, посвященных взаимодействию местных фирм с ТНК в рамках глобальных цепочек стоимости (на примере стран Азии, НАФТА, Меркосур). Терминология данного подхода стала универсальной и активно используется не только в

---

¹ Отклонение торговли – переориентация местных потребителей с закупки товара у более эффективного внеинтеграционного источника поставки на менее эффективный внутриинтеграционный источник, произошедшая в результате устранения импортных пошлин в рамках таможенного союза.

научных трудах, но и в официальных стратегических документах латиноамериканских группировок.

Из успешного опыта азиатских группировок были позаимствованы подходы к формированию промышленной и региональной политики в рамках интеграционных объединений. На основе анализа комплексных программ АСЕАН по формированию зон экономического роста были сформулированы конкретные предложения по дополнению латиноамериканских интеграционных стратегий элементами «горизонтальной политики». Суть этих предложений состоит в поддержке «интеграции снизу» и формировании трансграничных пространств, где сочетались бы процессы кластеризации и выстраивания региональных производственных цепочек.

Отдельные страны ЛАКБ в процессе торгово-экономической интеграции

Несмотря на бурный рост взаимной торговли и инвестиций, укрепляющуюся многостороннюю и двустороннюю договорную базу сотрудничества между странами ЛАКБ и Восточной Азии, развитием перспективных интеграционных проектов, прежде всего – американского Транстихоокеанского партнерства, говорить о формировании мегарегиона АТР и о полной включенности в него стран ЛАКБ пока рано. Страны ЛАКБ недостаточно экономически интегрированы как друг с другом, так и со странами Восточной Азии и АСЕАН. Основой растущего торгового и инвестиционного обмена стран ЛАКБ с партнерами по другую сторону Тихого океана пока выступают двусторонние связи отдельных латиноамериканских экономик с Азией. В связи с этим необходимо остановиться на роли отдельных стран ЛАКБ в торгово-экономической интеграции Латинской Америки с Азией.

Мексика в АТР

Географическая структура мексиканской торговли характеризуется сильной зависимостью от экспорта в США, хотя с начала 2000-х годов отмечается снижение этой зависимости (доля экспорта в США составила 88,2% в 2000 г. и 78,7% в 2011 г.)¹. Привязанность к американской экономике, сильно затормозившейся в период последнего мирового кризиса, отразилась и на темпах эко-

---

¹ Рассчитано на основе (29).

номического роста в Мексике (1,1% в среднем за период 2008–2011 гг. (31), которые были значительно ниже, чем у соседей по региону (Перу, Чили, Бразилия), сумевших переориентировать часть торговых потоков на более динамичные экономики АТР. Мексика – первая латиноамериканская страна в АТЭС (вступила в 1993 г.) – почти за два десятилетия своего членства не смогла в полной мере воспользоваться возможностями многостороннего диалога в рамках объединений АТР, предпочитая развивать отношения со странами региона на двусторонней основе.

Президент Энрике Пенья Ньето после своего избрания в 2012 г. объявил интенсификацию торговых связей со странами АТР и ЛАКБ одним из важнейших приоритетов мексиканской внешнеторговой политики. Подобное стремление к более тесному сотрудничеству с динамичным регионом является идейным продолжением принятой еще в президентство В. Фокса внешнеполитической «Доктрины Кастаньеда», ознаменовавшей отказ Мексики от политики изоляционизма и переход к большей открытости. Рост экспортных поставок в страны Восточной и Юго-Восточной Азии происходит с начала 2000-х годов (доля азиатских стран АТЭС, а также Австралии и Новой Зеландии в общем объеме Мексиканского экспорта выросла с 1,6% в 2000 г. до 3,7% в 2012 г.¹); за этот период Китай стал третьим экспортным рынком Мексики после США и Канады. Темпами, опережающими экспорт, растет и импорт из стран АТР; на импорт из азиатских стран АТР приходится уже более четверти мексиканского импорта. Китай, Япония и Республика Корея стали крупнейшими экспортерами в Мексику после США. Однако «качество» этих торговых связей, прежде всего с Китаем, не устраивает мексиканское руководство. Мексика сохраняет большой дефицит торговли с азиатскими странами (дефицит торговли с Китаем составил 46 млрд долл. в 2011 г.), экспорт мексиканских компаний постоянно подвергается ограничениям в рамках антидемпинговых процедур, существенная часть торговли остается в тени (контрабанда). Не улучшают ситуацию и давняя конкуренция Китая и Мексики на рынках США. Противоречия проявились, в частности, в том, что Мексика долгое время препятствовала вступлению Китая в ВТО. К тому же, в отличие от Японии, которая является одним из давних и крупнейших инвесторов в мексиканскую экономику (2-е место после США), китайские компании не спешат в нее активно вкладываться.

---

¹ Рассчитано на основе (29).

Отражением нового вектора мексиканской торговой политики стали визиты президента Пенья Ньето в Японию и Китай. Помимо желания исправить ошибки в отношениях, допущенные в предшествующие годы, новое руководство Мексики обсуждало вопросы интенсификации и повышения прозрачности торговли и инвестиционного сотрудничества. В своей статье, вышедшей в газете «South China Morning Post» накануне визита в Китай, Пенья Ньето обозначает четыре основных направления сближения с этой страной и регионом в целом: торговля, инвестиции, туризм и культура (19).

В сфере торговли Мексика стремится сократить огромный дефицит торговли с Китаем, китайская сторона декларирует готовность сделать структуру взаимной торговли более сбалансированной и даже высказывает желание заключить с Мексикой соглашение о свободной торговле (22). Китай также согласился открыть для некоторых мексиканских товаров (свинины, текилы) часть своих рынков.

Активизация притока инвестиций необходима Мексике на фоне снижения объема ПИИ с 2007 г. (14), в то же время мексиканское руководство позиционирует свою страну как «идеальную экспортную платформу для выхода на рынок США». Надежды мексиканского руководства связаны с сокращающимся разрывом в уровнях оплаты труда в Мексике и Китае, что в будущем придаст новый стимул для инвестирования в мексиканские экспортные платформы. В ходе взаимных визитов велись переговоры о китайских инвестициях в создание автосборочных предприятий на севере Мексики в экспортно-производственной зоне макиладорас; обсуждается также возможность допуска (в рамках планируемой национальной реформы энергетического сектора) китайских нефтяных компаний к освоению мексиканских запасов газа и нефти. В июне 2013 г. достигнута предварительная договоренность о поставках мексиканских нефти и газа в Китай, причем Китай инвестирует в строительство необходимой транспортной инфраструктуры на территории штатов Веракрус и Оахака.

Упоминание туризма в качестве одного из ключевых направлений обусловлено тем, что Мексика намерена включиться в конкурентную борьбу за растущий поток китайских туристов, который, по прогнозам китайских властей, за следующие пять лет суммарно превысит 400 млн поездок (31). Культурное сотрудничество будет проходить в формате образовательных и культурных обменов.

Мексика продолжает наращивать экономическое сотрудничество с Японией. Помимо вступления в силу в рамках двустороннего соглашения о свободной торговле дополнительных протоколов, расширяющих доступ мексиканских товаров на японские рынки, происходит и рост инвестиций японских компаний (прежде всего, автомобилестроительных) в создание и расширение сборочных мощностей. Так, после спада объема японских инвестиций в период кризиса, с 2010 г. отмечается их значительный рост (до 3,5 млрд долл. в 2012 г.) (24), что можно объяснить как расширением экспортных возможностей Мексики (выравнивание уровней оплаты труда с Китаем), так и действием подписанного в 2005 г. Соглашения об экономическом партнерстве. Японские инвестиции в силу направленности преимущественно в высокотехнологичные сектора являются важнейшим после США поставщиком технологий. Так, с 2012 г. обсуждается возможность размещения в Мексике предприятий аэрокосмического сектора, что сделает эту страну одним из технологических лидеров региона (наряду с Бразилией).

Бразилия в АТР

Значимость сотрудничества с Тихоокеанской Азией для Бразилии определяется возможностью эффективного партнерства для реализации национальных геополитических приоритетов. К ним можно отнести: становление многополярного мира, повышение эффективности многостороннего диалога в рамках международных организаций и форумов (ООН, БРИКС), региональное лидерство. Сотрудничество с крупнейшими восточноазиатскими державами (Китаем, Японией) по широкому кругу вопросов повышает вес Бразилии в мире и дает возможности реализации указанных приоритетов.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось динамичным развитием экономического сотрудничества Бразилии и Тихоокеанской Азии. Бразилия не имеет выхода к Тихому океану и не состоит в региональных организациях АТР (АТЭС, Транстихоокеанское партнерство и др.), однако масштаб ее экономики определяет ее статус крупнейшего с точки зрения торгового и инвестиционного сотрудничества партнера стран Тихоокеанской Азии в регионе. На страны Тихоокеанской Азии приходится более трети бразильского

экспорта (39% в 2012 г.) и 43% импорта¹. Несмотря на объемы и динамику торгового сотрудничества, Бразилия проводит достаточно осторожную политику по заключению двусторонних (или многосторонних, в рамках Меркосур) торговых соглашений со странами Тихоокеанской Азии. В настоящее время Бразилия (Меркосур) не имеет действующих соглашений о преференциальной или свободной торговле со странами АТР. Начиная с 2000 г. ведутся переговоры о заключении соглашения о свободной торговле между Меркосур и Республикой Корея, однако переговоры до сих пор не завершены. В аналогичном статусе с 2006 г. находятся переговоры о заключении соглашения о свободной торговле между Меркосур и Таиландом.

Осторожность Бразилии в политике торговых соглашений свидетельствует о ее приверженности консервативным подходам к либерализации международной торговли. Бразилия отстаивает право развивающихся стран вводить протекционистские торговые ограничения и выступает против продвигаемых развитыми странами догматичных подходов к торговой либерализации. Подобный подход к вопросам либерализации мировой торговли близок Китаю. Символично, что на выборах главы ВТО в мае 2013 г. Китай активно поддерживал победившего кандидата от Бразилии Роберту Азеведу, в то время как Япония, являющаяся сторонником более либерального подхода к свободной торговле, голосовала против.

Наращивание объемов торговли между Бразилией и странами Тихоокеанской Азии упирается в инфраструктурные ограничения, усилия Бразилии направлены на улучшение доступа к Тихому океану. В рамках Инициативы по развитию южноамериканской региональной интеграции в области инфраструктуры (IRSA) предполагается строительство нескольких транспортных коридоров, которые улучшат доступ Бразилии к перуанским и чилийским портам на Тихом океане (Амазонская ось и ось Перу – Бразилия – Боливия). Развитие сотрудничества со странами АТР, таким образом, становится и элементом территориальной политики Бразилии, так как улучшение доступа к азиатским рынкам за счет развития транспортных коридоров даст дополнительный стимул к развитию прилегающих к ним районов (прежде всего, Северного и Центрально-Западного районов).

Ключевыми партнерами Бразилии в Тихоокеанской Азии являются Китай, Япония и Республика Корея, на которые прихо-

---

¹ Рассчитано на основе (29).

дится более половины объема экспорта в данный регион. Если Япония и Республика Корея традиционно являлись важнейшими экономическими партнерами Бразилии не только в Тихоокеанской Азии, но и в мире, то усиление роли Китая началось в 2000-х годах. В результате за короткий срок, уже в 2009 г., Китай стал крупнейшим торговым и экономическим партнером Бразилии, развитие отношений с которым является необходимым условием дальнейшего бразильского экономического роста. В 2012 г. объем бразильского экспорта в Китай достиг рекордного показателя – 41 млрд долл. (17% от общего объема экспорта Бразилии), почти вдвое превысив показатель прежде крупнейшего партнера – США. Как и в целом по ЛАКБ, экспорт Бразилии в Китай характеризуется концентрацией на узкой группе сырьевых товаров: на железную руду и соевые бобы в 2012 г. пришлось 66% общего объема экспорта в эту страну. В то же время импорт из Китая диверсифицирован, Бразилия ввозит широкую номенклатуру машиностроительной продукции.

Развитие стратегического партнерства между Бразилией и Китаем началось еще в начале 90-х годов XX в. Бразилия видит Китай в роли своего сильного партнера в отстаивании интересов всего развивающегося мира. При поддержке Бразилии Китай получил статус наблюдателя в Организации американских государств (ОАГ), стал членом Межамериканского банка развития (МАБР). Страны выступают в альянсе при обсуждении проблематики реформирования мировой финансовой системы в рамках G20, их позиции совпадают по вопросам расширения пула резервных мировых валют и отказа от доллара в торговых расчетах. Эффективным инструментом «синхронизации» позиций Бразилии и Китая стали саммиты БРИКС, сотрудничеству в рамках данного форума стороны придают большое значение. Демонстрацией близости подходов двух стран стало подписание в рамках V Саммита БРИКС в южноафриканском Дурбане в марте 2013 г. соглашений о торговле в своих собственных валютах на сумму до 30 млрд долл. в год, что вывело существенную часть двусторонней торговли из долларовой зоны. Позициям Китая и Бразилии свойственны и расхождения, прежде всего в вопросах реформирования Совета Безопасности ООН¹ и распространения ядерного оружия.

---

¹ Китай в 2005 г. выступил против проекта реформы Совета Безопасности ООН, предложенного четырьмя странами: Японией, Германией, Бразилией и Индией.

С точки зрения экономического сотрудничества китайская и бразильская экономики во многом взаимодополняемы. Бразилия характеризуется традиционно низким уровнем накопления капитала, что ограничивает возможности инвестиций в модернизацию хозяйства и инфраструктуру. Китай же заинтересован во вложении своих свободных капиталов в бразильскую экономику для освоения ресурсного потенциала этой страны и улучшения доступа на ее рынки. Бразилия стабильно наращивает поставки основных экспортных продуктов в Китай (железорудного сырья и соевых бобов), что позволяет ей сохранять профицит торговли. Однако между двумя странами происходит конкуренция за доступ к международным и внутреннему бразильскому рынкам, прежде всего, с продукцией машиностроения. Быстрый рост импорта китайской продукции обрабатывающей промышленности заставил бразильских экономистов всерьез говорить об угрозе деиндустриализации страны. Усиливается конкуренция бразильских и китайских товаров на рынках развивающихся стран как в ЛАКБ, так и в Африке.

Активность китайских компаний позволила КНР стать одним из крупнейших инвесторов в бразильскую экономику. В 2012 г. китайский бизнес вложил в экономику Бразилии 15 млрд долл. (15), при этом сфера вложений вышла за рамки традиционных сырьевых отраслей. Крупные инвестиционные проекты реализуются в таких отраслях, как автосборка, производство электроники, АПК, производство продуктов питания, строительство инфраструктуры. В развитие последней правительство Бразилии рассчитывает привлечь новые масштабные инвестиции Китая (25). О стратегическом характере бразильско-китайского инвестиционного сотрудничества свидетельствует участие китайских нефтяных компаний CNPC и CNOOC в консорциуме, получившем в октябре 2013 г. право на разработку крупнейшего нефтяного шельфового месторождения «Либра» (3).

Однако экспансия китайского капитала вызывает и опасения бразильского руководства. После того как китайские компании проявили интерес к покупке сельскохозяйственных земель в Бразилии для производства масличных культур (прежде всего, сои), правительство Бразилии ввело специальные ограничения на приобретение сельхозугодий иностранными компаниями (не более 5 тыс. га на одну иностранную фирму) (11).

Бразилия имеет традиционно тесные отношения с Японией, их история насчитывает более 100 лет. Позитивный вклад в развитие политического и экономического сотрудничества внесло то,

что в Бразилии проживает крупнейшая в мире японская диаспора численностью более 1,5 млн человек (6, с. 35). В настоящее время Бразилия и Япония сотрудничают по широкому кругу политических и экономических вопросов, так как позиции стран совпадают по многим международным вопросам. Так, схожи взгляды стран на вопросы реформирования Совета Безопасности ООН. Бразилия и Япония, входящие в так называемую «группу четырех», не скрывают своих намерений стать постоянными членами Совета Безопасности.

Япония традиционно являлась одним из важнейших торговых партнеров Бразилии. В последние годы вес Японии в структуре бразильской торговли снизился, в 2012 г. на страну пришлось 3,3% объема экспорта (5-е место в списке партнеров) и 3,5% объема импорта (7-е место), при этом Бразилия имеет положительное сальдо торгового баланса¹. Благоприятные условия для развития бразильско-японских торговых отношений определяются дополняемостью двух экономик и отсутствием жесткой конкуренции на внутренних и международных рынках. Недовольство Японии вызывает лишь периодическое принятие бразильской стороной ограничений на импорт машиностроительной продукции (прежде всего, автомобилей), однако негативные эффекты от этих мер компенсируются инвестициями японских компаний в создание соответствующих производств на территории Бразилии.

Две страны имеют давнюю историю инвестиционного сотрудничества, по показателю объема накопленных ПИИ в Бразилию Япония лидирует среди всех стран Азии. Японские компании контролируют существенную часть акционерного капитала ряда бразильских металлургических предприятий («Usimibas», «Companhia Siderúrgica de Tubarão», «Nippon Amazon Aluminium», месторождение железной руды «Каражас» и др.). Для обеспечения совместных предприятий инфраструктурой Японский банк международного сотрудничества (ЯБМС) и Банк Японии предоставляют кредиты бразильским компаниям-партнерам. Помимо развития инфраструктуры, займы японских финансовых институтов направляются на реализацию энергетических проектов, где также участвует японский бизнес (освоение нефтяных месторождений в бассейне Кампос).

---

¹ Рассчитано на основе (29).

Аргентина в АТР

В силу своего географического положения и исторических связей Аргентина традиционно была ориентирована на торговые и инвестиционные отношения со странами Европы и ЛАКБ. Объем товарооборота Аргентины со странами Тихоокеанской Азии с 2000 г. вырос более чем в 5 раз – до 30,2 млрд долл. в 2012 г.¹ Китай занимает 2–3-е место среди стран – торговых партнеров Аргентины (6,2% общего объема экспорта в 2012 г.). Значение других азиатских экономик во внешней торговле Аргентины небольшое. Товарная структура аргентинского экспорта в Китай характеризуется концентрацией на узкой группе сельскохозяйственных товаров. Так, на соевые бобы и соевое масло приходится 73% всего объема экспорта.

Стратегический характер отношения двух стран получили после визита в 2004 г. в Аргентину председателя КНР Ху Цзиньтао. За активизацией отношений на политическом уровне последовало развитие экономических связей, как торговых, так и инвестиционных. В целом отношения двух стран можно охарактеризовать как партнерские, отсутствуют противоречия в подходах к основным мировым проблемам. Китай поддержал аргентинскую сторону в споре с Великобританией о принадлежности Мальвинских (Фолклендских) островов, что было с благодарностью расценено в Буэнос-Айресе. Единственным фактором, осложняющим развитие двусторонних связей, является частое принятие Аргентиной антидемпинговых мер против ряда китайских промышленных товаров.

С момента начала активизации двусторонних политических связей в середине 2000-х годов динамично развивается инвестиционное сотрудничество. По состоянию на 2013 г. китайский капитал работает в широком спектре отраслей аргентинской промышленности: в добыче нефти и газа, АПК, производстве электроники, транспортных средств и др. Китайские компании входят в тройку крупнейших зарубежных собственников сельскохозяйственных земель в Аргентине (крупными владельцами являются также компании из США и Саудовской Аравии). Для сохранения контроля над использованием земель в 2011 г. Аргентина, как и Бразилия, была вынуждена ввести ограничения на покупку земель иностранными компаниями (не более 1000 га на одну компанию).

---

¹ Рассчитано на основе (29).

Традиционно внимание китайских компаний привлекают сырьевые активы, прежде всего в сфере энергетики. Китайская нефтяная компания СНООС за 1 млрд долл. приобрела долю во второй по размеру нефтяной компании Аргентины – «Pan American Energy» (16). Крупнейшая китайская нефтяная компания – SINOPEC – приобретает нефтяные активы американских и европейских компаний в Аргентине, общий объем сделок уже превысил 2 млрд долл. Аргентина видит в Китае нового стратегического партнера в нефтяной сфере после скандального выхода испанской компании «Repsol» из капитала совместного предприятия YPF-Repsol в 2012 г.

Как и в других крупных странах ЛАКБ, китайские финансовые институты кредитуют инфраструктурные проекты на территории Аргентины. В 2012 г. Банк развития Китая одобрил выделение льготного кредита объемом 2 млрд долл. на реконструкцию железнодорожной сети, принадлежащей аргентинской компании «Belgrano Cargas S.A.». Интерес китайской стороны к сделке обусловлен тем, что по железнодорожным линиям компании осуществляется транспортировка соевых бобов и продуктов их переработки из северных провинций Аргентины для дальнейшего экспорта в Китай. Аргентина обязалась также закупить у Китая новый локомотивный парк на сумму более 1 млрд долл.

Обсуждается участие китайских банков в других инфраструктурных проектах, наиболее крупные из которых – это строительство внутригородских железнодорожных линий (в том числе метро) в Кордове и Буэнос-Айресе. Объем займов предварительно оценивается в 10 млрд долл. Планируется привлечение китайских партнеров в качестве инвесторов в рамках концессионного проекта строительства скоростной железнодорожной магистрали Буэнос-Айрес – Росарио.

Китай интересуют также инвестиции в финансовый сектор Аргентины. В 2011 г. Торгово-промышленный банк Китая приобрел контроль в Standard-Bank Argentina, стоимость сделки оценивается в 600 млн долл. (17). Аргентинское руководство видит в подобных инвестициях возможность стабилизации ситуации в национальном банковском секторе, осложнившейся из-за ухудшения положения в контролируемых его большую часть крупнейших европейских банках.

Венесуэла в АТР

Внешнюю политику Венесуэлы после прихода к власти Уго Чавеса в 1999 г. отличал активный поиск новых партнеров как в ЛАКБ, так и за ее пределами. При выборе союзников правительство страны руководствовалось целями построения многополярного мира и снижения зависимости развивающихся экономик от стран «коллективного Запада», прежде всего США. Благодаря усилиям венесуэльского руководства были выстроены стратегические партнерские отношения с Россией, Ираном, Белоруссией, а позже и с Китаем. Помимо этого, предпринимались шаги по развитию двусторонних контактов с Вьетнамом, Малайзией и Японией.

Венесуэла, которая характеризуется сильной торговой зависимостью от США, видит в сотрудничестве со странами Тихоокеанской Азии возможности по диверсификации географии своего экспорта. За последнее десятилетие стране удалось существенно изменить географию нефтяных поставок. Так, по данным ОПЕК, в 2012 г. крупнейшими внерегиональными импортерами венесуэльской нефти стали страны Тихоокеанской Азии, на них приходится 32% всего объема экспорта нефти (26, с. 47). Важнейшим потребителем венесуэльской нефти в регионе стал Китай; по оценкам министра экономики и нефти Венесуэлы Рафаэля Рамиреса, объем поставок нефти в эту страну в 2012 г. составил 626 тыс. барр./день, стоимость годовых поставок достигла 5 млрд долл. (18). В ходе двусторонних переговоров озвучивались амбициозные планы довести к 2015 г. объем поставок в Китай до 1 млн барр./день. В то же время объем нефтяного экспорта в США, ранее крупнейшего потребителя, стабильно снижается с 2004 г. В 2012 г. он сократился до 960 тыс. барр./день, что является самым низким показателем за период с 1990 г.

О важности развития отношений с Китаем говорит тот факт, что прежний президент Венесуэлы Уго Чавес чаще других лидеров латиноамериканских стран совершал визиты в КНР. Продолжил эту тенденцию и новый президент – Николас Мадуро, совершивший визит в Китай вскоре после своего избрания в сентябре 2013 г. Помимо встреч на высшем уровне, страны создали широкий набор инструментов сотрудничества. На регулярной основе проводится китайско-венесуэльская торгово-промышленная выставка. В 2007 г. Каракас и Пекин учредили Совместный венесуэльский-китайский инвестиционный фонд в размере 6 млрд долл. (2 млрд долл. предоставила венесуэльская сторона). Уже в 2008 г.

было принято решение довести объем фонда до 12 млрд долл. (5, с. 40). За счет средств фонда были профинансированы 165 проектов в области инфраструктуры, развития производства, сельского хозяйства и жилищного строительства.

Венесуэла и Китай выступают как союзники по ряду вопросов международных отношений. Венесуэльское руководство разделяет позицию Китая и России в отношении Сирии, выступая против поддержки странами Запада сирийских боевиков оппозиции. Уго Чавес в ходе своих визитов в Китай неоднократно заявлял о своей приверженности принципу «одного Китая» и невмешательстве в тибетскую проблему. Венесуэла поддерживает позицию Китая о направлениях реформирования мировой финансовой системы, в том числе по вопросу создания международной резервной валюты, которая в перспективе могла бы заменить доллар.

В обмен на политическую лояльность и готовность наращивать поставки нефти китайская сторона проявляет щедрость в вопросах инвестиционного и финансового сотрудничества. Начиная с 2007 г. Китай стал крупнейшим кредитором Венесуэлы, общий объем кредитов в 2012 г. превысил 44 млрд долл. Часть из этих займов предусматривает погашение за счет поставок нефти по льготной цене. Также в качестве ответа за предоставленные кредиты Венесуэла допустила китайские нефтяные компании к разработке нефтяных месторождений пояса Ориноко. Компании «Sinorec» и CNPC в рамках СП с венесуэльской компанией PDVSA осуществляют разведку и бурение на нефтяных блоках Хунин и Карабобо. Совокупные инвестиции могут достичь 16 млрд долл., объем добычи к 2016 г. – 400 тыс. барр./день.

Венесуэла также заинтересована в реализации инвестиционных проектов на территории Китая. В 2012 г. была достигнута договоренность о строительстве Венесуэлой трех НПЗ в Китае общей мощностью 800 тыс. барр./день. В том же году началось строительство первого из трех НПЗ в провинции Гуандун, общий объем инвестиций оценивается в 8,3 млрд долл. Будущие НПЗ будут находиться в совместной собственности Венесуэлы и КНР. Загрузка заводов будет обеспечена за счет сырья, добываемого на месторождениях пояса Ориноко.

Особое место в двусторонних отношениях Венесуэлы и Китая занимает военно-техническое сотрудничество. Китай стал вторым после России поставщиком вооружений в эту страну. В 2012 г. было подписано несколько соглашений, среди которых выделяются контракты с китайской промышленной компанией

«Norinco» на покупку танков, машин-амфибий, гаубиц, систем связи общей стоимостью 500 млн долл. Государственная корпорация Венесуэльская акционерная военно-промышленная компания (CAVIM) договорилась о строительстве производственного центра радиосвязи в г. Маракае, стоимость проекта оценивается в 172 млн долл. В рамках более ранних контрактов Венесуэла получила от Китая восемь военно-транспортных самолетов Shaanxi Y-8 С, планируется и дальнейшее расширение поставок авиатехники за счет тренировочных и легких штурмовых самолетов Hongdu K-8 W Kaгаokom для венесуэльских ВВС (4).

Безусловно, Китай среди стран Тихоокеанской Азии представляет для Венесуэлы наибольший интерес с точки зрения политического и экономического сотрудничества. Однако руководство страны прилагает усилия для развития отношений с другими странами региона. Важными инвестиционными партнерами Венесуэлы остаются Япония и Республика Корея, которые в рамках соглашений, подписанных в 2012 г., инвестируют более 13,9 млрд долл. в различные проекты на территории страны. В 2011 г. Япония предоставила кредит объемом 1,5 млрд долл. на развитие совместных нефтяных проектов (28). Возврат кредита предполагается за счет льготных поставок нефти объемом 3 млн барр. Японско-венесуэльское партнерство необходимо обеим странам, так как Япония заинтересована в наращивании стабильных поставок энергоносителей для развития топливной генерации после частичного закрытия атомных станций. Среди других стран Тихоокеанской Азии активно сотрудничают с Венесуэлой Вьетнам, Малайзия и Сингапур. Вьетнам ведет разработку нефтяных блоков в бассейне Ориноко, ранее также разработку вела малайзийская компания PETRONAS. Основу сотрудничества с Сингапуром составляет техническое обслуживание на сингапурских верфях восьми танкеров государственной венесуэльской нефтяной компании PDVSA.

* * *

Таким образом, рост показателей экономического взаимодействия между странами ЛАКБ и Тихоокеанской Азии есть проявление стратегического курса двух регионов на выстраивание долгосрочных, стратегических отношений. Менее чем за десятилетие Тихоокеанская Азия превратилась из малозначимого торгового партнера в один из крупнейших рынков сбыта латиноамериканских товаров. Именно рост спроса со стороны Китая на сырьевые

товары позволил многим странам ЛАКБ относительно безболезненно пережить кризисные явления в мировой экономике. Однако наращивание сырьевого экспорта воспринимается многими латиноамериканскими исследователями как угроза повторения модели «центр – периферия». Беспокойства добавляет и рост торгового дефицита из-за опережающего экспорт наращивания импорта дешевых китайских товаров. Даже в такой крупной и индустриально развитой экономике, как Бразилия, все громче звучат голоса тех, кто опасается деиндустриализации страны и превращения ее в «сырьевую колонию Китая».

Более оптимистичными перспективы взаимодействия двух регионов выглядят с точки зрения развития инвестиционного сотрудничества. Если в прошлом десятилетии основные инвестиции китайских компаний направлялись в сырьевой сектор, то в последние годы отраслевая структура вложений сильно усложнилась. Китайский капитал активно вкладывается в проекты в обрабатывающей промышленности, объекты инфраструктуры, высокотехнологичные производства. Китайские банки стали крупнейшими кредиторами стран ЛАКБ, превысив даже показатели главного регионального института развития – МАБР. Схемы сотрудничества Китая со странами ЛАКБ схожи с теми, что реализуются в других регионах мира (Африка, Азия). В обмен на масштабные инвестиции и льготные кредиты китайские компании получают доступ к крупным контрактам или стратегическим сырьевым активам.

Тихоокеанская Азия является не только важным экономическим, но и геополитическим партнером ЛАКБ. Создание политических альянсов по широкому кругу вопросов с крупнейшими азиатскими государствами (Китай, Япония) стало важным элементом внешнеполитической стратегии латиноамериканских стран. Китай выступает ключевым союзником Бразилии, Аргентины и Мексики в рамках международных организаций и форумов (БРИКС, G20, ООН) по отстаиванию интересов развивающихся стран и строительству многополярного мира.

Для Китая ЛАКБ стала плацдармом для эффективной конкуренции с США. Реализация стратегических инфраструктурных мегапроектов (Никарагуанский канал) и поддержка антиамериканских режимов (Венесуэла, Никарагуа, Эквадор) могут восприниматься как демонстрация китайских амбиций оспорить геополитические интересы США не только в ЛАКБ, но и в АТР. США не намерены уступать Китаю инициативу по формированию схем сотрудничества в АТР. Возникновение нового глобального блока в

регионе (Транстихоокеанское партнерство) и готовность подключиться к латиноамериканским интеграционным инициативам (Тихоокеанский альянс) демонстрируют стремление Соединенных Штатов сохранять свое лидерство и отыграть у Китая позиции в тихоокеанской «шахматной партии».

Список литературы

1. Костюнина Г. АТЭС: Институциональная структура, направления деятельности и достижения // Российский внешнеэкономический вестник / Всероссийская академия внешней торговли. – М., 2012. – № 10. – С. 33–46.
2. Лавут А. Поиски латиноамериканской модели // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2011. – № 2. – С. 4–21.
3. Миклашевская А. Власти Бразилии разлили нефть на пятерых // Коммерсантъ. Издательский дом. – 2013. – 22 октября. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2325763?isSearch=True> (Дата обращения – 02.03.2014.)
4. Русакова Т. Китай вооружает армию Венесуэлы // Армейский Вестник. – 2013. – 2 февраля – Режим доступа: <http://army-news.ru/2013/02/kitaj-vooruzhaet-armiyu-venesuely/> (Дата обращения – 02.03.2014.)
5. Семенов В. В преддверии президентских выборов // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2012. – № 6. – С. 4–13.
6. Цирулев Р. Япония – Бразилия: Второе столетие тесных контактов // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2011. – № 7. – С. 35–44.
7. A man, a plan – and little else // The Economist. – 2013. – 5 October. – Mode of access: <http://www.economist.com/news/americas/21587218-yet-again-nicaraguans-are-letting-their-longing-trans-oceanic-canal-get-better> (Дата обращения – 02.03.2014.)
8. APEC policy support unit (PSU) // APEC. – 2010. – Mode of access: <http://www.apec.org/About-Us/Policy-Support-Unit/PSU-Products-Publications.aspx> (Дата обращения – 02.03.2014.)
9. Asia regional integration center // Asian development bank. – Mode of access: <http://aric.adb.org/> (Дата обращения – 02.03.2014.)
10. Bergsten F. Open regionalism // The world economy. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 1997. – Vol. 20, N 5. – P. 545–565.
11. Brazil limits land sales to foreigners // Latin American Herald Tribune. – 2010. – 24 August. – Mode of access: <http://www.laht.com/article.asp?CategoryId=14090&ArticleId=364278> (Дата обращения – 02.03.2014.)
12. CEPAL. Foreign direct investment in Latin America and the Caribbean 2012: Briefing paper. – Santiago de Chile, 2012. – 140 p. – Mode of access: <http://www.cepal.org/publicaciones/xml/4/49844/ForeignDirectInvestmentBriefPaper2012.pdf> (Дата обращения – 02.03.2014.)
13. CEPAL. Strengthening biregional cooperation between Latin America and Asia-Pacific: The role of FEALAC. – Santiago de Chile, 2013. – 74 p. – Mode of access: <http://www.cepal.org/publicaciones/xml/8/50188/StrengtheningbiregionalFEALAC.pdf> (Дата обращения – 02.03.2014.)

14. CEPAL. La inversión extranjera directa en América Latina y el Caribe: Documento informativo. – Santiago de Chile, 2012. – 154 p.
15. China investment in Brazil more diversified // China Daily. – 2013. – 14 May. – Mode of access: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2013-05/14/content_16498645.htm (Дата обращения – 02.03.2014.)
16. China – Argentina ties booming // China.org.cn. – 2013. – 8 May. – Mode of access: http://www.china.org.cn/world/2013-05/08/content_28769852.htm (Дата обращения – 02.03.2014.)
17. China's ICBC to take over Standard Bank Argentina // Reuters. – 2011. – 5 August. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2011/08/05/us-icbc-idUSTRE7742FR20110805> (Дата обращения – 02.03.2014.)
18. China signs 12 deals with Venezuela // China Daily. – 2013. – 23 September. – Mode of access: http://europe.chinadaily.com.cn/world/2013-09/23/content_16985764.htm (Дата обращения – 02.03.2014.)
19. Forging friendship between China and Mexico // South China Morning Post. – 2013. – 5 April. – Mode of access: <http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/1207066/forging-friendship-between-china-and-mexico> (Дата обращения – 02.03.2014.)
20. Japanese trade and investment statistics // Japan external trade organization (JETRO). – Mode of access: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (Дата обращения – 02.03.2014.)
21. La Alianza del Pacífico. – Mode of access: <http://alianzapacifico.net> (Дата обращения – 02.03.2014.)
22. MercoPress: South Atlantic news agency. – Mode of access: <http://en.mercopress.com> (Дата обращения – 02.03.2014.)
23. Ministry of Commerce People's Republic of China. – Mode of access: <http://english.mofcom.gov.cn/> (Дата обращения – 02.03.2014.)
24. Office of Mexico–Japan economic partnership agreement. – Mode of access: <http://www.mexicotradeandinvestment.com> (Дата обращения – 02.03.2014.)
25. Onis J. de. Drift and decline in Brazil's economy // World Affairs. – 2013. – 27 August. – Mode of access: <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/juan-de-onis/drift-and-decline-brazils-economy> (Дата обращения – 02.03.2014.)
26. OPEC. Annual statistical bulletin 2013. – Vienna, 2013. – 105 p. – Mode of access: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2013.pdf (Дата обращения – 02.03.2014.)
27. The Inter-American dialogue: China – Latin America finance database. – Mode of access: <http://www.thedialogue.org/chinaandlatinamerica> (Дата обращения – 02.03.2014.)
28. UPDATE 2-Venezuela oil sector gets \$1.5 bln loan from Japan // Reuters. – 2011. – 28 June. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2011/06/28/venezuela-japan-oil-idUSN1E75R19420110628> (Дата обращения – 02.03.2014.)
29. United Nations commodity trade statistics database. – Mode of access: <http://comtrade.un.org/db/> (Дата обращения – 02.03.2014.)
30. The World Bank: Data. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/> (Дата обращения – 02.03.2014.)
31. Xi Jinping heralds new «golden era» for Latin America // South China Morning Post. – 2013. – 7 June. – Mode of access: <http://www.scmp.com/news/china/article/1255128/xi-jinping-heralds-new-golden-era-latin-america> (Дата обращения – 02.03.2014.)

Ю.В. Щербинина

ТРИ ВЕКТОРА СОТРУДНИЧЕСТВА ЯПОНИИ И США

Аннотация. Рассматриваются приоритетные направления сотрудничества Японии и Соединенных Штатов Америки в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона. В центре внимания автора – деятельность американско-японского альянса в сфере поддержания региональной безопасности и интеграционных процессов.

Abstract. The paper reviews the priority directions of cooperation between Japan and the United States of America within Asia-Pacific. The author focuses on the activities of the Japanese-American alliance in such areas as the maintaining of regional security and integration processes.

Ключевые слова: АТР, американско-японский альянс, Окинава, ядерная программа Северной Кореи, регионализм, интеграция.

Keywords: Asia-Pacific, the American-Japanese alliance, Okinawa, North Korea's nuclear programme, regionalism, integration.

Тенденцией последнего времени стало смещение фокуса мировой политики и экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Располагая обширными земельными, природными и трудовыми ресурсами, огромным финансовым, технологическим и промышленным потенциалом, разветвленной сетью коммуникаций, АТР превратился в область пересечения геополитических интересов ведущих мировых держав.

Одно из ключевых государств региона – Япония, для которой Азиатско-Тихоокеанский регион представляет колоссальный интерес с экономической, политической и стратегической точек зрения. Несмотря на то что аналитики по-разному оценивают приоритетные задачи Японии в регионе, многие сходятся на том, что преимущество все же следует отдать экономическим и торговым

интересам, поскольку Япония является «торговой державой международного масштаба», строящей свою политику на экономической основе (7).

И если для расширения своего влияния в АТР Япония использует, в основном, экономические механизмы, то ее партнер и союзник в регионе – Соединенные Штаты Америки – нацелен на укрепление своих политических позиций, в том числе, при помощи военного вмешательства. В перспективе это может создать потенциальную опасность столкновения интересов Японии и США в АТР.

Стоит отметить, что американо-японские отношения на протяжении длительного времени развивались в рамках альянса, который был создан еще в 1960 г. после подписания в Вашингтоне Договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности (19). В настоящее время стороны сотрудничают по вопросам поддержания мира в Северо-Восточной Азии. В числе приоритетных задач остаются разрешение северокорейского вопроса и проблемы, связанные с усилением Китая. Поэтому военное присутствие Соединенных Штатов в Японии и Южной Корее служит залогом обеспечения мира в регионе.

Однако сохраняется конкурирующее положение двух стран в торгово-экономической сфере, как в области двусторонней торговли, так и в борьбе за большую долю в быстрорастущей экономике Азии. Стремительный рост экономических показателей, по которым Япония превзошла европейские страны, позволил ей на равных соперничать с США. Вместе с тем не лишены оснований опасения, что подобная конкуренция государств в конечном итоге приведет к росту напряженности в двусторонних отношениях.

Возможные пути развития взаимодействия Японии и США представляют огромный интерес для исследователей. Анализ будущих сценариев американо-японского сотрудничества и взаимоотношений альянса с другими акторами в Азиатско-Тихоокеанском регионе является основой трудов многих авторов. В том числе, в настоящей статье предполагается наметить ключевые векторы сотрудничества Японии и Соединенных Штатов, затронув, в частности, проблему американского базирования на японском острове Окинава, острый северокорейский вопрос, а также некоторые аспекты региональной интеграции и формирования восточноазиатского регионализма с учетом роли США и Японии в данных процессах.

Окинава: Американские базы на территории Японии

Американо-японский союз имеет существенное значение для обеспечения стабильности и дальнейшего развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на тесное сотрудничество США и Японии, особенно в текущий период, когда Соединенные Штаты находятся в условиях жесткой экономии бюджетных средств и сокращения расходов на оборону, стратегический диалог двух стран остается недостаточно плодотворным. Ключевым моментом, тормозящим развитие сотрудничества, по-прежнему является напряженность вокруг американских баз на острове Окинава.

Застарелая проблема не только мешает стратегическому взаимодействию двух стран, но также требует внушительных затрат и тормозит экономическое развитие острова. Сегодня на Окинаве сосредоточено большое количество американских баз, которые занимают 18,4% общей площади острова, где проживает почти 91% населения префектуры (12). Военные базы затрудняют жизнь острова, осложняя транспортную коммуникацию и ограничивая использование земли. Воздушные пространства и водные районы, прилегающие к острову, также используются военными силами США в учебных целях. На рыболовную деятельность местных жителей и коммерческие рейсы в этих зонах накладываются различные ограничения. Кроме того, жизнь населения на Окинаве осложняют высокий уровень авиационного шума, порой превышающий допустимые показатели, а также неблагоприятные экологические последствия, связанные с деятельностью военных баз и обучением американских войск.

Подготовка и учения солдат, а также иная военная деятельность в мирное время ведет к разрушению окружающей среды. Ущерб природе, который был нанесен строительством военно-воздушной базы Футэнма на Окинаве, огромен. Более того, в 1996 г. на объекте Онна Пойнт, где пребывали американские пехотинцы, в почве и внутри бывшего водоподготовительного резервуара были обнаружены токсичные вещества, такие как кадмий, ртуть, свинец и мышьяк. После переговоров между представителями префектуры Окинава и американскими военными по утилизации токсичных отходов американское правительство отказалось нести ответственность за данные загрязнения. На сегодняшний день японские силы самообороны продолжают хранить токсичные отходы временно на государственной земле. Правительство Японии оплачивает данные процедуры (8).

Недовольство местных жителей вызывает и поведение американских военнослужащих, совершающих грабежи, изнасилования, убийства и другие преступления, подрывающие в конечном итоге авторитет американской армии¹. Толерантность общественности к концентрированному присутствию американских баз, особенно на Окинаве, заметно снизилась, несмотря на усилия Токио по увеличению экономической выгоды для принимающих общин (16).

Более того, американские базы в Японии сегодня создают впечатление экстерриториальности, которая ослабляет общественную поддержку альянса.

Попытки разрешить проблему, к примеру, путем передислокации американских войск осуществлялись неоднократно, но вопрос каждый раз оставался открытым. В частности, в 1996 г. США и Япония договорились о закрытии базы «Футэнма», однако функционирование базы прекращено не было. В октябре 2005 г. в рамках Консультативного комитета безопасности был принят документ «Американо-японский союз: трансформация и реорганизация для будущего» (15), который предусматривал, в числе прочего, проект соглашения о сокращении американского контингента в Японии. Предполагалось вывести с острова Окинава на остров Гуам 7 тыс. морских пехотинцев в обмен на согласие Японии активизировать свое участие в разработке и создании совместной американо-японской ПРО. 1 мая 2006 г. государства заключили рамочное соглашение о передислокации до 2014 г. американских военных баз. Однако в дальнейшем, в силу внутривнутриполитических коллизий в Японии (противодействие оппозиции, блокирование инициатив правительства в условиях отсутствия единства в вопросах обороны и взаимодействия с Соединенными Штатами, частая сменяемость премьер-министров), развитие американо-японского сотрудничества в данном направлении замедлилось.

Определенные перемены наметились после прихода к власти в Японии в 2009 г. Демократической партии. Новый премьер-министр Ю. Хатояма заявил о намерении сделать внешнюю политику Японии независимой от США, а японо-американский альянс – равноправным. Одним из главных предложений Ю. Хатоямы было выведение американской базы «Футэнма» за пределы Оки-

---

¹ В сентябре 1995 г. три американских военнослужащих похитили и изнасиловали ученицу начальной школы. Другой инцидент с участием несовершеннолетней произошел в феврале 2008 г. Старший сержант корпуса морской пехоты был отдан под трибунал и осужден за сексуальное насилие.

навы. Однако попытки реализовать обещания столкнулись с сопротивлением руководства Соединенных Штатов, которое выступило против любых вариантов выведения базы «Футэнма» с Окинавы. Жесткость позиции американского руководства привела к отказу от большинства японских требований и явилась одной из причин досрочной отставки премьера. Более того, данный факт стал свидетельством того, насколько маловероятно обретение Японией полной независимости от США в вопросах обороны.

Впоследствии в 2011 г. премьер Е. Нода внес предложение о переносе базы «Футэнма» из города Гинован в менее населенный курортный район Хеноко на севере Окинавы, в город Наго (18). Предложение вызвало сильный общественный резонанс.

Тем не менее в декабре 2013 г. губернатор японского острова Окинава одобрил план по переносу авиабазы США в Наго. Однако 19 января 2014 г. в Наго прошли выборы мэра города, на которых победу одержал глава муниципальной администрации Сусуму Инаминэ, выступающий против переноса авиабазы «Футэнма». Изначально предполагалось, что выборы также будут представлять собой референдум по вопросу о передислокации американской авиабазы. Явка на выборах составила более 76,7% (11). Таким образом жители города продемонстрировали свое отношение к данному вопросу.

Что интересно, на фоне растущего недовольства военным присутствием американцев в японских регионах, результаты опросов общественного мнения от 4 и 5 декабря 2011 г., проведенных японской ежедневной газетой «Асахи Симбун», показали, что 72% японцев выступают за укрепление американо-японского сотрудничества, около 60% японских респондентов согласны с тем, что Япония может оказать материально-техническую поддержку США в том случае, если в военном противостоянии с КНР Соединенные Штаты Америки встанут на защиту Тайваня. В случае развертывания военных действий в Тайваньском проливе, по мнению 57% опрошенных японцев, силы самообороны Японии должны оказать помощь в транспортировке американских войск и предоставить США другие виды материально-технической поддержки (10).

Очевидно, что в условиях взаимозависимости, когда для Японии нахождение американских баз на ее территории является основным средством обороны и залогом региональной стабильности, а для Соединенных Штатов военные базы служат форпостом и стратегическим опорным пунктом в регионе, тесное двустороннее сотрудничество остается в интересах обеих стран. Однако

американо-японскому альянсу сегодня нужен план, который будет кардинально менять основы американского военного присутствия в Японии. Главным образом, необходимо сконцентрироваться на обеспечении деятельности американских войск на территории Японии без ущерба населению и окружающей среде, обеспечению безопасности японских жителей и восстановлению положительного образа американского солдата. Также немаловажным условием является разделение бремени по содержанию американских войск и ответственности за возможные негативные последствия их пребывания на японской территории.

Ввиду исключительной важности американского военного присутствия в Японии и Южной Корее для текущего балансирования Соединенных Штатов в АТР, их способности поддерживать стабильность в регионе, а также для обеспечения безопасности Японии достижение консенсуса по вопросу базирования американских войск на японской территории остается одной из главных задач для руководства альянса в ближайшем будущем.

Перед угрозой северокорейских ракет

Угрозы Северной Кореи применить ядерное оружие против США и Южной Кореи с недавних пор служат предметом обеспокоенности руководства Японии. Заявления северокорейских властей стали суровым напоминанием об опасности, которую Пхеньян представляет для Японии и других государств за пределами региона. Агрессивное поведение Северной Кореи на сегодняшний день является одним из главных вызовов, стоящих перед американо-японским альянсом.

В то же время ускоренные темпы военной модернизации Китая, его претензии на единоличное региональное господство и принципиальные позиции по территориальным вопросам, а также проводимый Китаем кибершпионаж наряду с расширением возможностей по ведению кибернетических войн формируют особый комплекс проблем, подрывающих безопасность и стабильность в регионе. Не меньшую озабоченность вызывает нынешний кризис в отношениях между Японией и Республикой Кореей, связанный как с традиционными разногласиями по вопросам трактования милитаристского прошлого Японии, принесения официальным Токио извинений Сеулу и территориальными спорами из-за архипелага Токто, так и с расхождением позиций в сферах экономики, торговли, внешней политики и вопросах безопасности. Такое по-

ложение вещей не может не сказаться на снижении коллективной способности региональных акторов бороться с ключевыми проблемами, особенно с северокорейской угрозой.

Для организации наиболее эффективного противодействия существующим угрозам необходимо, в частности, выведение американо-японского сотрудничества на новый уровень. Японский премьер-министр Синдзо Абэ и президент США Б. Обама уже выразили готовность к укреплению союза. Во время саммита 22 февраля 2013 г. в Вашингтоне они подтвердили свою основополагающую цель и выделили главные направления деятельности альянса (13). Приоритетной задачей союза Японии и Соединенных Штатов по-прежнему является сохранение мира и стабильности в Северо-Восточной Азии. От того, каким образом альянс намерен бороться с возникающими региональными проблемами, будет зависеть эволюция системы региональной безопасности на десятилетия вперед.

Урегулирование северокорейского вопроса для американо-японского альянса в настоящее время является задачей номер один и требует предельной концентрации усилий союзников, поскольку в планах руководства Северной Кореи – перманентное обладание ядерным оружием, разработка боеголовок и ракет, способных нанести удар по близким и дальним целям, и получение признанного статуса ядерной державы. Более того, успешные ядерные и ракетные испытания свидетельствуют о том, что Северная Корея не намерена отказываться от своего плана. Успех третьего ядерного испытания 12 февраля 2013 г. предоставил доказательства дальнейшего прогресса Северной Кореи в разработке действующих ядерных боеголовок. Это испытание последовало за успешным запуском в декабре 2012 г. ракеты дальнего действия, которая могла бы использоваться для поражения целей на межконтинентальных расстояниях (14).

Угрозы Пхеньяна о готовности использовать ядерное оружие, в том числе, против США, послужили причиной американского развертывания дополнительных перехватчиков наземного базирования на Аляске в середине марта 2013 г. Данный факт стал свидетельством растущей тревоги по поводу способности Северной Кореи нанести удар. Возможно, американские и японские военные базы уже находятся в пределах досягаемости северокорейских ракет с ядерными боеголовками.

Предпринимавшиеся ранее США попытки формирования зоны, свободной от ядерного оружия, посредством диалога с

Пхеньяном успехом не увенчались. Согласно заявлениям руководства Северной Кореи, создания зоны, свободной от ядерного оружия, на Корейском полуострове не следует ожидать до тех пор, пока не будет осуществлено глобальное разоружение. Тем не менее, несмотря на подобные заявления Пхеньяна, важно продолжать поиск любых дипломатических альтернатив, прежде чем переходить к иным мерам воздействия.

В связи с этим ключевым становится вопрос о том, могут ли США и Япония совместно предпринять дополнительные шаги, чтобы убедить Северную Корею остановить разработку оружия массового поражения. Возможно, американо-японский альянс способен сыграть ключевую роль в разработке наиболее эффективного подхода для урегулирования северокорейской проблемы, а также убедить Китай занять активную позицию, чтобы остановить развитие ядерной программы Северной Кореи.

После агрессивных выступлений КНДР руководство Китая выразило обеспокоенность в связи с ростом напряженности на Корейском полуострове. Председатель КНР Си Цзиньпин и министр иностранных дел Китая Ван И заявили о недопустимости роста напряженности на китайской границе. Данные заявления, направленные Пхеньяну, были истолкованы как предупреждение о том, что КНДР «зашла слишком далеко в наращивании региональной напряженности» (14). Однако, несмотря на выраженное недовольство, по-прежнему неясно, готов ли Китай увеличить давление на режим КНДР и прекратить содействие, которое он оказывает Пхеньяну (6). Есть опасения, что китайское руководство не собирается менять свою стратегическую позицию, основанную на том, что обладание Северной Кореей ядерным оружием хоть и проблематично, но все же лучше, чем альтернатива возможного крушения КНДР или воссоединение Корейского полуострова под эгидой Сеула. Между тем вероятность того, что Китай все же окажет необходимую помощь по урегулированию северокорейского вопроса, возрастает, поскольку агрессивные действия КНДР могут стать угрозой стратегическим интересам Китая.

В свою очередь, деятельность американо-японского альянса в нынешних условиях должна быть нацелена на увеличение боеготовности союза и на сотрудничество по ПРО, а также на повышение уровня двусторонней подготовки и учений, укрепление оборонительных способностей. В то же время встает вопрос об исполнении Соединенными Штатами обязательств по защите своих союзников,

Японии и Южной Кореи, с помощью полного спектра имеющихся у США возможностей, в том числе ядерного арсенала.

Американское руководство заявило о готовности обеспечить безопасность Южной Кореи и Японии, а также о намерении использовать «расширенные возможности устрашения» в отношении КНДР. На ежегодных американо-южнокорейских учениях в апреле 2013 г. США продемонстрировали свои стратегические бомбардировщики В-52 и В-2, способные нести ядерное оружие, и заявили, что эти активы могли бы сыграть ключевую роль в случае возникновения непредвиденных обстоятельств с участием Северной Кореи.

Решительная реакция США, Японии и Южной Кореи в ответ на провокации КНДР, демонстрация солидарности союзников, их готовность к противостоянию северокорейским угрозам, а также направленное Северной Корее предложение Вашингтона наладить диалог на основе обязательств денуклеаризации (создания зоны, свободной от ядерного оружия) принесли свои плоды – северокорейское руководство остановило подготовку к пуску баллистической ракеты и временно отменило приказ о состоянии повышенной боеготовности.

По мнению экспертов, кризис на Корейском полуострове обозначил своего рода переход к новой фазе. Обострение напряженности в регионе, а затем возврат к столу переговоров, с тем чтобы попытаться получить выгоду в обмен на прекращение провокаций, – тактика, которую Пхеньян использовал неоднократно. Такой стиль поведения требует от Соединенных Штатов и Японии тщательно скоординированной реакции. В условиях, когда возможность проведения ядерных испытаний сохраняется, Вашингтон и Токио должны быть особенно бдительны и иметь четкий план совместных действий на случай непредвиденных обстоятельств, даже если речь идет о военных провокациях.

В то же время действия Северной Кореи подталкивают США, Японию и Южную Корею к тесному трехстороннему сотрудничеству. Провокационная деятельность КНДР могла бы служить сильным объединяющим фактором для указанных стран, помогая им выйти на новые рубежи сотрудничества в области обороны, однако этому препятствует сохраняющееся напряжение в отношениях между Токио и Сеулом. Проблемные японо-южнокорейские отношения и любая неудача Токио, Сеула и Вашингтона установить прочное трехстороннее сотрудничество могут быть использованы Пхеньяном для того, чтобы настроить азиатских союзников Америки друг против друга.

Несмотря на высокую степень готовности американо-японского альянса и Южной Кореи совместно противостоять возникающим угрозам, меняющаяся расстановка сил в АТР и связанные с этим проблемы свидетельствуют о том, что странам необходимо переходить на новый уровень взаимодействия, чтобы более эффективно участвовать в формировании будущего Азии.

Восточноазиатский регионализм: Место и роль США и Японии

Активизация деятельности Соединенных Штатов в АТР в условиях возрастающего здесь влияния Китая положила начало различным дискуссиям о будущем региональном порядке. Некоторые эксперты стали утверждать, что роль регионального лидера должна принадлежать КНР в результате естественного возвращения Китаю статуса самой влиятельной силы в регионе, тем более что страны Восточной Азии в большей степени склонны к лидерству Поднебесной, нежели к лидерству США. Сторонники интеграции Восточной Азии под эгидой Соединенных Штатов сошлись на том, что процесс усиления Китая можно контролировать, а его влияние может быть ограничено в институциональной среде.

Что интересно, активные призывы к созданию уникальной региональной организации в Восточной Азии стали приходиться не из Китая, а из Японии и Южной Кореи – двух ключевых американских союзников. В прошлом Япония и Южная Корея уже настаивали на восточноазиатской интеграции, рассматривая участие Китая в данном процессе (хотя ему не отводилась руководящая роль), но не предполагая участия США. Очевидно, недовольство Японии и Южной Кореи статусом аутсайдеров в процессе налаживания региональной стабильности и порядка побудило японских и корейских лидеров предложить собственные альтернативные схемы взаимодействия государств в регионе.

Поиск моделей регионального сотрудничества и дискурс на эту тему способствовали появлению удивительного многообразия региональных коопераций в Азии.

В конечном итоге постепенно произошло складывание трех уровней межгосударственного взаимодействия: деятельность в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) по экономическим, политическим и иным вопросам; в рамках Тихоокеанского экономического совета (ТЭС) и Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества по проблемам

торговли и инвестиций; в рамках АСЕАН, в частности, по созданию зон свободной торговли. Такая же трехуровневая система сложилась в сфере обеспечения безопасности: а) двусторонние соглашения о сотрудничестве в области безопасности; б) договор пяти держав об обороне и Совет по сотрудничеству и безопасности в АТР – на субрегиональном уровне; в) региональный форум АСЕАН – в масштабе всего региона (3).

Однако институциональный дизайн не дал странам региона необходимых возможностей для успешного сотрудничества. Во многом это было связано с различным пониманием самого регионализма и наличием споров между государствами относительно их статуса в регионе и мире.

Наиболее характерной чертой интеграционных процессов в Восточной и Юго-Восточной Азии явилось то, что объединения стран формировались в зависимости от функций, которые они были призваны выполнять (финансовые, экономические объединения или союзы по вопросам обеспечения региональной безопасности). В частности, появление АСЕАН+3 и Чиангмайской инициативы было обусловлено растущим осознанием странами региона необходимости координационного механизма для поддержания своих золотовалютных резервов и содействия работе иных региональных финансовых механизмов на волне азиатского финансового кризиса в 1997–1998 гг.

Другими словами, под влиянием в значительной степени внешних потрясений страны интегрировались для решения экономических проблем. Однако иначе происходило объединение стран по вопросам обеспечения региональной безопасности. В основном, такие союзы возникали в ответ на эндогенные проблемы безопасности в регионе. В качестве примеров можно назвать шестисторонние переговоры, начавшиеся в 2003 г. с целью урегулирования проблемы ядерного оружия Северной Кореи (4), и инициативы США по мирному использованию ядерной энергии в рамках укрепления режима нераспространения ядерных материалов.

Еще одна особенность азиатского регионализма, по мнению доцента кафедры государства и права Лафайет-колледжа Сео Хен Пак и ее коллеги Ил Хен Чо, – отсутствие прогресса в вопросах формализации и институционализации (9). Как замечает профессор Корнельского университета Питер Катценштейн, в Азии преобладают неформальные сетевые формы взаимодействия государств, которые явились своего рода побочным продуктом исторического процесса. Такие формы сотрудничества были свя-

заны, прежде всего, с доминированием США, которые предпочитали двусторонние отношения в регионе, пренебрегая формальными институтами (5). Однако данные типы взаимоотношений государств с признанием лидирующей роли США, встроенной в систему традиционной региональной безопасности и экономические структуры, оказались перед сложным набором вызовов. В сочетании с предполагаемым ослаблением регионального влияния США подъем Китая представляется долгосрочной региональной проблемой, которая может потенциально изменить нынешнюю структуру безопасности.

В то же время появление огромного количества региональных структур с разным составом и функциями и площадок для сотрудничества – АСЕАН+3, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Региональный форум АСЕАН (АРФ), Чиангмайская инициатива, Саммит Восточной Азии, Транстихоокеанское партнерство – стало свидетельством неудовлетворенности азиатских лидеров ролью простых посредников регионализации. И несмотря на существующие препятствия и проблемы в отношениях стран, лидеры стран АТР активно стремились участвовать в формировании повестки дня и контролировать масштаб регионализма. В итоге это привело к возникновению нескольких жизнеспособных альтернатив и формированию «гибридной формы регионализма» (9).

Как предполагает Этель Золинген, в дальнейшем сила различных внутрирегиональных коалиций (интернациональных или националистических) будет формировать региональные модели взаимодействия. Согласно данной схеме, теоретически следует ожидать конкуренцию между националистическими (изоляционистскими) и интернациональными коалициями (17). В зависимости от характера интеграционной коалиции можно предсказать различные типы регионализма. Например, доминирование финансового сектора в рамках победившей коалиции будет способствовать финансовому регионализму, в то время как политическое господство частных секторов бизнеса может способствовать регионализму в виде расширения производственных сетей или увеличения инвестиционного потока (9) и т.д.

Также не исключено, что в Восточной Азии постепенно реализуется концепция «китайского регионализма» (1), в основу которой заложены растущая социокультурная интеграция государств региона, активное общественное и экономическое взаимодействие, ведущее, в свою очередь, к формированию регионального само-

сознания и идентичности. Другими словами, «новый регионализм» Китая представляет собой политическую тактику, использующую в качестве наиболее эффективных инструментов формирование положительного восприятия китайской культуры с акцентом на экономические достижения последних лет; взаимодействие и взаимопомощь стран региона в экономической и социальной сферах, оказание гуманитарной помощи; а также сбалансированную внешнюю политику, направленную на недопущение региональной напряженности и укрепление политической и экономической стабильности.

Таким образом, зарождение своеобразных форм регионализма, вызванное во многом нарушением баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе в связи с усилением Китая, трансформацией региональной роли США, лидирующая роль которых перестала быть безусловной, и политикой Японии, нацеленной на сдерживание, балансирование и интеграцию, остро ставит проблему моделирования сценариев дальнейшего развития Азиатско-Тихоокеанского региона и перспектив будущих интеграционных процессов.

По мнению профессора кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктора политических наук Н.А. Баранова, с определенной долей вероятности дальнейшие события в Азиатско-Тихоокеанском регионе будут разворачиваться по одной из двух схем (2).

Первая носит название «американская схема» и предполагает, что Китайская Народная Республика может объединить усилия с Соединенными Штатами против Индии и России. Данный подход полностью основан на прогнозе Збигнева Бжезинского, который предрекает Америке в будущем роль державы, ослабленной до такой степени, что ей придется сделать Китай своим союзником, а впоследствии – партнером, который при этом будет прикладывать все усилия, чтобы не допустить укрепления американо-японского союза, тем более, замещения влияния США в регионе японским.

Подтверждением возможности такого развития событий является скорость, с которой идет процесс усиления Китая. Это порождает сомнения относительно того, смогут ли Соединенные Штаты и Япония противостоять КНР, будут ли они способны контролировать ситуацию через стратегическую конвергенцию с Китаем. С другой стороны, возможные провокации США, подталки-

вающие Китай к расширению геополитической экспансии в зонах пересечения геополитических интересов через давление на Россию и Индию, могут привести к более тесному российско-индийскому военно-политическому сотрудничеству. В случае реализации данной схемы противодействовать ей предстоит через взаимодействие России, Индии и Китая.

Вторая схема предполагает противостояние блока США – Япония – Объединенная Корея и союза Китая с Россией и Индией. Основным требованием для реализации данного сценария является укрепление союза Соединенных Штатов и Японии, что может послужить толчком к объединению Северной и Южной Кореи под эгидой США. При таком положении дел противоречия, которые могут возникнуть между Китаем, Японией и США, а также на российском Дальнем Востоке, способны привести к сближению геополитических интересов России и КНР и формированию более тесного российско-китайского военно-политического союза в противовес американскому давлению в регионе. В конечном итоге, вероятно, произойдет геополитический раскол на «западную» (США, Япония, Корея) и «восточную» сферы влияния (Китай, Индия, Россия), что может стимулировать формирование военных блоков и гонку вооружений, а также рост напряженности в регионе (2).

На сегодняшний день существует достаточно большое количество попыток долгосрочного прогноза развития Азиатско-Тихоокеанского региона и его влияния на мировую политику, однако, в большинстве своем, все прогнозы объединяет ключевая мысль о том, что АТР будет самым важным и конфликтным регионом XXI столетия.

Заключительные положения

Эволюция системы безопасности и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе во многом будут зависеть от того, какое развитие получают американско-японские отношения в дальнейшем. Перед американско-японским альянсом сегодня стоит серьезная задача – не потерять одну из ведущих позиций в регионе в сфере поддержания стабильности и формирования региональной системы безопасности.

По-прежнему камнем преткновения в отношениях Японии и США является военное присутствие американцев на японском острове Окинава. Затянувшееся на долгие годы решение трудного для обеих сторон вопроса привело к тому, что образ крепкого аме-

риканско-японского союза стал менее убедительным и утратил поддержку общественности данного региона. Американские базы на Окинаве, являющиеся «средством сдерживания» КНР и Северной Кореи, а также инструментом контроля над торговыми путями в Тихом океане, стали причиной финансовых, социальных, экономических и иных проблем, с которыми приходится сталкиваться японскому населению. Длительный и сложный процесс американо-японских переговоров по окончательному разрешению окинавского вопроса зашел в тупик.

В связи с этим успешные попытки сторон хотя бы частично разрешить эту проблему являются свидетельством способности двух государств добиваться прогресса. Более того, запланированная передислокация морских пехотинцев в большей степени соответствует современным реалиям в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Размещение военных составов на Гуаме, Окинаве и северо-западе Австралии, вероятно, позволит осуществлять наиболее эффективный контроль над данным районом с помощью сил быстрого реагирования на Гавайях.

Стоит отметить, что изменение общей картины стратегического баланса в Азии сегодня служит лейтмотивом дискуссий, разворачивающихся на различных переговорных площадках и прочих платформах межстранового взаимодействия. Усиление КНР и ядерная программа Северной Кореи диктуют новую стратегическую повестку дня для американо-японского альянса и его союзников. Поэтому правительствам Соединенных Штатов и Японии необходимо с большой осторожностью расставлять приоритеты взаимодействия, в частности в военной сфере.

Япония и США должны формализовать механизмы координации кризисного реагирования и разработать долгосрочную стратегию, определяющую приоритеты двух стран. Прежде всего, необходим диалог по обеспечению противоракетной обороны и морской безопасности. В условиях непредсказуемости действий Северной Кореи становится уместным налаживание военно-технического сотрудничества, а именно – проведение общих исследований и разработок, направленных, в том числе, на повышение оборонной способности Японии, а также формирование совместного кризисного плана реагирования на случай непредвиденных обстоятельств.

Целью альянса также является военное сдерживание КНР через систему передового базирования сил Соединенных Штатов и создание военно-политических коалиций и обеспечение прозрач-

ности военной программы Китая. Еще одной составляющей американской стратегии на данном направлении служит выравнивание уровней торгового баланса с Китаем и иными странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Что касается вопросов обеспечения морской безопасности, то существуют опасения, что деятельность КНР в Восточно-Китайском море может стать препятствием для доступа Соединенных Штатов к водам, разделяющим Пекин и Токио, что уменьшит способность Вашингтона оказывать помощь по обороне Японии. Таким образом, в рамках американо-японского военного сотрудничества не менее важным является вопрос организации рекогносцировки и наблюдения за деятельностью КНР в японских территориальных водах.

Учитывая, что сфера морского сотрудничества между Соединенными Штатами и Японией выходит далеко за пределы Восточно-Китайского моря, поддержание открытости морских путей становится острой необходимостью для Японии, а также для иных азиатских стран. Следовательно, для обеспечения свободы судоходства Токио и Вашингтону необходим общий план, разработанный совместно с другими партнерами в Юго-Восточной и Южной Азии.

Мощным активом альянса может служить также опыт оперативного реагирования американских военных и сил самообороны Японии на стихийные бедствия, поскольку Азия является районом с неустойчивой экологической обстановкой: американо-японский альянс может предложить Азиатско-Тихоокеанскому региону значительную гуманитарную помощь, что поможет упрочить позиции Японии и США в регионе, а также поддержит образ крепкого американо-японского союза.

Отдельного внимания заслуживает появление так называемой азиатской формы регионализма, что стало следствием изменения политического устройства мира и системы мировых хозяйственных коммуникаций. Политические инициативы и дипломатические усилия многих стран АТР привели к складыванию той формы регионализма, которая пришла на смену регионализму старого типа со свойственным ему ограничением сферы межгосударственного сотрудничества и акцентом на военно-стратегическое взаимодействие. В отличие от «старого» регионализма, «новый» азиатский регионализм стал воплощением многовекторного развития азиатско-тихоокеанского сообщества. Взаимодействие государств стало осу-

ществляться как в сфере политики и региональной безопасности, так и в экономической сфере, культуре и науке.

Иными словами, концепцию «нового» регионализма в АТР можно рассматривать как политический феномен, который служит для региональных акторов инструментом реализации их внешней политики и основополагающим принципом организации сотрудничества.

Процесс регионализации в АТР был обусловлен, прежде всего, внешнеполитическим курсом и национальными интересами стран региона и строго детерминирован политической и экономической необходимостью.

Однако, несмотря на разветвленную систему регионального взаимодействия, уровень формализации и институционализации сотрудничества на сегодняшний день по-прежнему остается довольно низким.

В то же время вопросы дальнейшего интеграционного развития Азиатско-Тихоокеанского региона, создания региональных коопераций и переговорных площадок, а также проблема влияния АТР в системе международных отношений в будущем пока остаются открытыми.

Список литературы

1. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: Грани социокультурного измерения. – М.: Восточная книга, 2010. – 239 с.
2. Баранов Н.А. Азиатско-Тихоокеанский регион в системе геополитических координат современного европоцентричного мира: Тема 18 в курсе лекций «Геополитические проблемы европейского развития». – Режим доступа: http://nicbar.narod.ru/geoproblemy_lekzia18.htm (Дата обращения – 03.03.2014.)
3. Николаенко А.В. К вопросу об особенностях развития интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Проблемы современной экономики. – М., 2006. – № 3/4 (19/20). – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1107> (Дата обращения – 03.03.2014.)
4. Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР: Справка // РИА Новости. – 2011. – 24 августа. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20110824/422914168.html> (Дата обращения – 03.03.2014.)
5. Asian regionalism // Network power: Japan and Asia / P.J. Katzenstein, T. Shiraiishi (Eds.). – Ithaca, NY: Cornell univ. press, 1997. – 416 p.
6. Baker R. China and North Korea: A tangled partnership // Stratfor. – 2013. – 16 April. – Mode of access: http://www.stratfor.com/weekly/china-and-north-korea-tangled-partnership?utm_source=freelist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20130416&utm_term=gweekly&utm_content=readmore&elq=deacc2678920423f97865ec75c2a90be (Дата обращения – 03.03.2014.)

7. The diplomatic history of postwar Japan/ M. Iokibe (Ed.); Transl. by R.D. Eldridge. – Abingdon: Routledge, 2011. – 272 p.
8. Hayashi K., Oshima K., Yokemoto M. Overcoming American military base pollution in Asia: Japan, Okinawa, Philippines // The Asia-Pacific J.: Japan focus. – 2009. – Vol. 28–2–09, July 13. – Mode of access: http://www.japanfocus.org/-oshima-ken_ichi/3185 (Дата обращения – 03.03.2014.)
9. Il Hyun Chō, Seo-Hyun Park. Domestic legitimacy politics and varieties of regionalism in East Asia // Review of international studies. – Cambridge: Cambridge univ. press. – 2013. – November. – P. 1–24.
10. International politics in times of change / N. Tzifakis (Ed.); The Konstantinos Karamanlis institute for democracy. – Berlin: Springer, 2012. – 334 p.
11. Jonston E. Nago mayor wins re-election in blow to Abe, U.S. // The Japan Times. – 2014. – 19 January. – Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/01/19/national/nago-mayor-wins-re-election-in-blow-to-abe-us/#.UuTTTTpNksc> (Дата обращения – 03.03.2014.)
12. Overview of the US military bases in Okinawa: Yukie Yoshikawa research // Research web site / Regional security policy division, Executive office of the Governor Okinawa Prefecture. – Mode of access: <http://okinawa-institute.com/en/node/29> (Дата обращения – 03.03.2014.)
13. Press conference by Prime Minister Shinzo Abe during his visit to the United States of America // Prime Minister of Japan and his Cabinet. – 2013. – 22 February. – Mode of access: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201302/22kaiken_e.html (Дата обращения – 03.03.2014.)
14. Revere E.J.R. The United States and Japan in East Asia: Challenges and prospects for the alliance // American foreign policy interests: J. of the National committee on American foreign policy. – Abingdon: Routledge, 2013. – Volume 35, Issue 4 (July). – P. 188–197.
15. Security consultative committee document. U.S. – Japan alliance: Transformation and realignment for the future // Ministry of foreign affairs of Japan. – 2005. – 29 October. – Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/doc0510.html> (Дата обращения – 03.03.2014.)
16. Smith Sh.A. A strategy for the U.S.–Japan Alliance: Policy innovation memorandum N. 19 // Council on foreign relations. – 2012. – April. – Mode of access: <http://www.cfr.org/japan/strategy-us-japan-alliance/p28010> (Дата обращения – 03.03.2014.)
17. Solingen E. Regional orders at century’s dawn: Global and domestic influences on grand strategy. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1998. – 338 p.
18. Tanaka H. Prime Minister Noda and fixing the Futenma impasse // East Asia insights. – 2011. – Vol. 6, N 5. – Mode of access: <http://www.jcie.or.jp/insights/6-5.html> (Дата обращения – 03.03.2014.)
19. Treaty of mutual cooperation and security between Japan and the United States of America // Wikisource. – Mode of access: http://en.wikisource.org/wiki/Treaty_of_Mutual_Cooperation_and_Security_between_Japan_and_the_United_States_of_America (Дата обращения – 03.03.2014.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики; ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ).

Bratersky M.V. – doctor of sciences (political science), professor, head of the Department of International affairs, faculty of world economy and international affairs (Higher school of economics); leading research fellow, center for comprehensive European and international studies (CCEIS).

(bratersky@gmail.com)

Григорьев Леонид Маркович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики; главный научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ); главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации.

Grigoryev L.M. – candidate of sciences (economics), professor, head of the Department of world economy, faculty of world economy and international affairs (Higher school of economics); chief research fellow, center for comprehensive European and international studies (CCEIS); chief advisor of the analytical centre for the government of the Russian Federation.

(lgrigor1@yandex.ru)

Кульпина Вера Петровна – магистрант Высшей школы экономики, факультет мировой экономики и мировой политики.

Kulpina V.P. – masters' student at Higher school of economics, faculty of world economy and international affairs. (vkulpina@gmail.com)

Михневич Сергей Владимирович – аспирант факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики.

Mikhnevich S.V. – postgraduate student at Higher school of economics, faculty of world economy and international affairs.
(sxzex@yandex.ru)

Петровский Владимир Евгеньевич – доктор политических наук, академик Академии военных наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики; старший советник Азиатского фонда экономического сотрудничества (AECF); член редакционных коллегий журналов «Дипломатическая служба», «International journal of Asian economics», «International journal on world peace».

Petrovsky V.E. – doctor of sciences (political science), full member of the Russian academy of military science; professor, faculty of world economy and international affairs, Higher school of economics; senior counselor, Asian economic cooperation foundation (AECF); member of editorial boards, diplomatic service, «International journal of Asian economics», «International Journal on World PEace Journals».
(petrovsky@ifes-ras.ru)

Разумовский Дмитрий Вячеславович – научный сотрудник Центра экономических исследований Института Латинской Америки РАН.

Rasumovsky D.V. – research fellow at the Centre of economic research of institute of Latin America (Russian academy of sciences).
(v.teperman@ilaran.ru)

Роуз Кристиан Брунович – магистр международных отношений, младший научный сотрудник Центра проблем глобализации российской экономики Института экономики РАН.

Rouz K.B. – master of arts in international relations, junior research fellow at the Centre of globalization problems of Russia's economy of Institute of economics (Russian academy of sciences).
(cotys23@gmail.com)

Суслов Дмитрий Вячеславович – заместитель директора исследовательских программ Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований, старший преподава-

тель кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Suslov D.V. – deputy director on research programs for the Council on foreign and defense policy, deputy director at the Center for comprehensive European and international studies (CCEIS), senior lecturer at the faculty of world economy and international affairs of the Department of international affairs (Higher school of economics).
(dsuslov@hse.ru)

Щербинина Юлия Владимировна – магистр политологии, младший научный ИНИОН РАН.

Shcherbinina Y.V. – master of arts in political science, junior research fellow at INION (Russian academy of sciences).
(fr.kosha@gmail.com)

**ПОЛИТИКА США
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ
РЕГИОНЕ**

Сборник научных трудов

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Технический редактор Л.А. Можаяева
Корректор Н.И. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 26/VI – 2014 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 300 экз. Заказ № 51

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

